

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Воронеж
2023

УДК 82-4
ББК Ч6
В 74

В74 Вопросы отечественной региональной журналистики / под общей редакцией проф. Тулупова В.В. – Воронеж: Кварта, 2023. – 190 с. ISBN978-5-89609-745-7

В сборнике представлены статьи действительных членов Академии наук региональной печати России, приуроченным к 25-летию этой общественно-профессиональной организации.

УДК 82-4
ББК Ч6

ISBN978-5-89609-745-7

© Воронежский государственный университет, 2023
© Академия наук региональной печати России, 2023
© Кварта, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Акаткин

А. Т. Твардовский во фронтовой газете «Красная армия» (1941–1942 гг.) 4

Е. В. Ахмадулин

Типология, региональная специфика провинциальной прессы XIX — начала XX веков и проблемы создания энциклопедии местной печати.... 18

А. А. Грабельников

Истоки массовых информационных процессов.....28

Ю. М. Ершов

Обозрение последнего десятилетия журналистики регионов.....48

Г. В. Жирков

Регионализм в эволюции журналистики России как системы.....55

А. И. Кондратенко

Первый орловский репортаж.....74

Ю. В. Лучинский

Редакторская судьба Луки Мельникова.....93

В. Ф. Олешко

Креативный потенциал цифровых медиатехнологий.....113

В. Д. Таказов

Жизнь и смерть Агубекира Кубатиева.....125

В. В. Тулупов

Научно-образовательная деятельность факультета журналистики ВГУ.... 164

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ ВО ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЕ «КРАСНАЯ АРМИЯ» (1941–1942 ГГ.)

В. М. Акаткин

Воронежский государственный университет

Среди русских поэтов А. Твардовский, наверное, один из самых «газетных» авторов. В этом можно увидеть как характерные приметы его творческой судьбы, так и особенности его поэтического дискурса, обращенного к «простому», демократическому читателю. Газета — это для него рабочая тетрадь, творческий процесс, архив, текстологический источник, наконец, собрание сочинений докнижного формата.

В смоленский период (1925–1936 гг.) он печатался на страницах двадцати пяти газет, чаще всего местных: «Рабочий путь», «Смоленская деревня», «Юный товарищ» и «Красноармейская правда». Кроме того, в восемнадцати журналах, преимущественно столичных: «Красная новь», «Огонёк», «Знамя», «Лапоть», «Журнал крестьянской молодежи», «Октябрь», «Крокодил», «Комбайн», «Колхозник», «Чудак» и др. Нельзя не упомянуть тут и местные «Наступление» и «Западную область» (где он работал ответственным секретарем редакции). Такой разброс говорит скорее о горячем желании печататься, чем о приверженности какому-либо идейно-тематическому направлению или какой-то позиции, помимо общесоветской. В годы второй мировой он уже работает, точнее, служит во фронтовых газетах «Часовой Родины», «На страже Родины», «Красная Армия» и «Красноармейская правда». У него есть литературное имя, он известный на всю страну поэт и очень популярен в армии. Но ему становится тесно в газетной гимнастике с офицерскими погонами, уже в период финской кампании он почувствовал, как не вмещаются его замыслы в рамки редакционных запросов и требований. Это легко представить себе, если

сравнить «Васю Теркина» в газете «На страже Родины» или «Ивана Гвоздева» в «Красной Армии» с «Василием Теркиным» в «Красноармейской правде». Стихи, написанные во время Западно-белорусского и Финского походов, не внесли заметных изменений в творческую стратегию Твардовского. Эту роль взяли на себя прозаические записи «С Карельского перешейка», в которых противостояние смертоносной войны и человеческой жизни легло в фундамент его художественного метода, убедительно воплощенного в «Книге про бойца».

Наиболее фактологичными источниками для изучения темы «Твардовский во фронтовой печати» являются на сегодня газеты «Красная Армия» и «Красноармейская правда» (о ней в следующей статье), в особенности рабочие тетради и письма поэта жене, опубликованные его дочерьми в книге «Я в свою ходил атаку...» [1]. В этом уникальном издании запечатлена живая, горячая, пульсирующая история трудов и дней поэта на войне, перипетии жизненного и творческого поведения, служения и противостояния, его раздумья и переживания на дорогах отступления и побед, трудные, драматические моменты обретения своего обновленного писательского «Я».

Твардовский работал над главами «Василия Теркина» в подмосковной деревне Грязи, когда до него дошла весть о начале войны. Он, до того призванный на две военные кампании, сразу решил, где ему надо быть, и спешно отправился в Москву за назначением. Первым же приказом начальника ГлавПУРККА от 24 июня 1941 года он в составе 31 писателя был направлен «для прохождения службы в военные газеты» [2, с. 10], конкретно — в газету Киевского особого военного округа (позднее Юго-Западного фронта) «Красная армия», где прослужил до 21 апреля 1942 года под началом двух редакторов И. И. Мышанского и Л. И. Троскунова.

По словам В. П. Нечаева, некоторые писатели «признавались, что, отправляясь на фронт, они не представляли себе ясно, что им придется делать» [3, с. 322]. Твардовский, работая ранее в двух фронтовых газетах, конечно, представлял себе и обстановку фронта, и характер работы писателя на войне. Однако его буквально шокировали грандиозные масштабы боев, пожаров и разрушений, нашего отступательного

«драп-красса» на восток, наши неисчислимы жертвы. Спустя два месяца он признается жене: «Я томлюсь иногда, что грозное величие происходящего не могу взять в соответствующие слова» [1, с. 41]. Его и на финской войне поражало обилие техники и жесточенность боев, но что была та «незначительная война» по сравнению с этой войной, сразу названной Великой Отечественной: «Здесь всё совсем по- другому, это не Финляндия» [1, с. 35]. Или: «В первой поездке я с непривычки (потому что ничего подобного не видел в Финляндии) немного опешил и вернулся без единой строчки материала» [1, с. 38–39]. Твардовский не из робкого десятка и не чрезмерной впечатлительности, но когда на его глазах была уничтожена Днепровская флотилия и сам он едва не погиб, можно понять, почему он вернулся с задания без материала. Но «редактор сильно хамил», что для щепетильного и гордого Твардовского было унижением и оскорблением. Однако, как часто бывало и в смоленские годы, он делает единственно правильный вывод: «Но что же — свое дело я так или иначе буду выполнять...» [1, с. 36]. Тем не менее вопрос о своей писательской предназначенности на войне встал перед ним с новой остротой.

Много повидавший писатель-фронтовик Е. Долматовский замечает, что немало читателей, не видевших войны, «не совсем ясно представляют себе боевую позицию писателя на войне» [3, с. 98]. Позиция эта — не в уютном кабинете за широким письменным столом, а «в редакции фронтовой газеты, по врагу огонь он вел с ее страниц». Твардовский, по его мнению, как и другие военные писатели, «делал в редакции всё, что положено рядовому журналисту,— правил заметки, дежурил по номеру, был на рассвете “свежей головой” (так назывался выспавшийся работник, читающий первый пробный экземпляр номера газеты). Потом писал он то, что было сегодня нужно,— передовую так передовую, очерк так очерк, стихи так стихи» [4, с. 97]. Подобными словами, почти в полном их составе, характеризуют работу любого военного литератора.

Так, Л. В. Максакова пишет: «Литераторы подчинили себя дисциплине фронта и делали всё, что требовалось в настоящий момент. Писали передовые, заметки и листовки, корреспонденции, памятки и наставления бойцу, лозунги и подписи к плакатам, к рисункам

и фотографий, стихи, очерки, рассказы, международные обзоры» [5, с. 158]. Картина нарисована полная и достоверная. Однако Твардовский, как увидим далее, не совсем вписывался в эту картину.

«Корреспондентская работа,— утверждает Л. В. Максакова,— стала основной для многих журналистов и писателей» [5, с. 55]. Причем газета «определяла стиль, форму, характер литературной деятельности. Газета требовала от корреспондентов на ходу включаться в обстановку войны, в ее быт, требовала быстрой ориентации, четких и точных оперативных оценок характеров и поступков людей» [5, с. 158]. Но это уже не о Твардовском. Во-первых, корреспондентскую работу он не считал для себя основной. Во-вторых, он сам в немалой степени определял содержание и стиль литературных материалов. В-третьих, он постоянно стремился вырваться из тисков оперативно-газетной необходимости на творческую волю. В-четвертых, он не был в газете рядовым журналистом, а был еще и поэтом-орденоносцем, что, правда, осложняло его отношения с начальством. Богатейший материал для освещения этой темы дают его рабочие тетради и письма жене, в которых отчетливо проявились и его характер, и нравственно-философские устои, и мировоззрение, и эстетические предпочтения, и понимание войны как жесточайшей проверки на человеческую состоятельность.

Необходимость и пользу работы поэта во фронтовой газете Твардовский осознал еще во время финской кампании. По свидетельству А. Бека, его «Балладу о красном знамени», опубликованную в газете «На страже Родины», «прочли перед строем в одной части» [6, с. 134]. Эта баллада, на его взгляд, «самое лучшее, что можно сделать во фронтовых условиях. Для газеты это клад» [6, с. 134]. Твардовский почувствовал тогда свою сердечную причастность к суровому и жертвенному труду солдат, их душевную расположенность к его поэтическому слову: «Он гордится, радуется, что его знают красноармейцы, что его уважают и любят в армии. Ни один поэт не работал в армии, кроме него» [6, с. 134].

В этой газете, вспоминает Ц. Солодарь, Твардовский «работал, как любили выражаться политработники, с полной отдачей. Работал не только как поэт и благожелательный редактор красноармейских

стихов, но и как очеркист» [7, с. 164–165]. Главное, что он заметил в поведении Твардовского, это заинтересованность в читателе: «Мнение читателей-бойцов было для Твардовского самым решающим в дни его работы на фронте. И ни за что не написал бы он стихотворение “Вася Теркин”, предваряющее коллективный цикл шуточных стихов, если б не ощущал теплоту отношения бойцов к этому циклу, если б не верил, что эта работа нужна бойцам» [7, с. 170]. Работа поэта, считал Твардовский, это не беззаботное стихописание для немногих, а высокое служение словом народу: «Скольким душам был я нужен, Без которых нет меня» [8, с. 329], — писал он, завершая «Книгу про бойца». Ц. Солодарь напоминает об этом «иным поэтам, чурающимся в наше горячее время публицистических выступлений и высокомерно глядящим с поэтических высот на журналистские “низины”: в “Автобиографии” выдающийся мастер стиха именуется спецкорреспондентом военной газеты» [7, с. 171]. <

В статье «Как был написан “Василий Теркин”» Твардовский уточнял свой статус: «В качестве спецкорреспондента, а еще точнее сказать — в качестве именно “писателя” (была такая штатная должность в системе военной печати) я прибыл на Юго-Западный фронт в редакцию газеты “Красная Армия”, и стал делать то, что делали тогда все писатели на фронте» [8, с. 115–116]. Делали не сами, по своему усмотрению и вдохновению, а все, что необходимо и срочно нужно было в номер: «Редакция требует в первую очередь не стихов, а материала фактического, который дороже всего и труднее его добывать» [1, с. 35]. То есть на Великой Отечественной во фронтовых газетах повторилось то, что было на финской войне. Надо было снова обращаться к лубочным рисункам и стихотворным фельетонам наподобие тех, что о Васе Теркине, только уже с именем Иван Гвоздев. Военкор «Красной Армии» В. Кондратенко вспоминает: «Уже первые стихотворные фельетоны, написанные Александром Твардовским совместно с Борисом Палийчуком, завоевали большую популярность в действующей армии» [10, с. 6]. Они создавались на тяжелых, гнетущих маршрутах отступления, авторам самим надо было «не пасть духом и мужественно взяться за перо. Это был, безусловно, подвиг наших

фронтовых поэтов» [10, с. 6]. В «Красной Армии» Твардовский не раз испытал радующее чувство успеха, широкого признания, но чем дальше, тем больше тревожило его качество своих писаний. Газетная страда необходима на стадии накопления знаний и впечатлений, но уровень их воплощения не устраивал его. Постепенно художник брал верх над газетчиком, творческий порыв осиливал служение. И тут, во фронтовой газете, начинался «новый» Твардовский, которого мы не сразу заметили. Прав Г. А. Мушта: о Твардовском-газетчике «мало кто знает у нас даже среди филологов, кроме разве диссертантов» [11, с. 292].

Можно выделить несколько проблемных полей, на которых работала мысль поэта: писатель и журналист, художник и власть, свобода и необходимость, злободневное и вечное, служение и творчество и т.п. Одна из самых неотступных для него проблем — это поэт и газета, иными словами, работа по заказу и приказу или по собственному замыслу. По всему видно: газетный устав был для него клеткой, из которой он стремился вырваться. И главное было даже не в солдафонских замашках редактора, а в непропускаемых газетных фильтрах: то, что он знал и видел и о чем хотел рассказать, не принималось редакцией. «Десятой доли того, что я вижу и думаю, и слышу, я не выписываю в своих стихах... Зная наш редакционный совет многого написать не смогу, а многое — нельзя» [1, с. 47]. Последнее, по условиям военного времени, было ему понятно, что отозвалось и в «Книге про бойца»: «Всё равно — всего нельзя» [8, с. 223]. Но что стоят любые писания, если в них нет правды происходящего? С другой стороны, как эту правду высказать в печатном органе отступающего фронта писателю в офицерских погонах? И он погружается в фельетоны отдела «Прямой наводкой»: это «такое полезное и реальное дело, такая нужная сегодня, сейчас вещь, что можно не считать себя бесплодным и в это время. Конечно, всё потом будет написано заново» [1, с. 41]. Высшим оправданием газетной поденщины было для него одобрение окопных читателей. Уже в августе 1941 года, оправившись от шокирующих впечатлений первых дней войны, он сообщает жене: «Я пишу довольно много. Стихи, очерки, юмор, лозунги и т.п. Работа,

говорят, хороша». И не только у солдат, но и в редакции он получил «лучшую оценку». А какова была собственная оценка? «Сам же скажу, что всё это, конечно, газетное; иного и требовать сейчас от себя не приходится» [1, с. 39]. Эти оговорки будут сопровождать все положительные самооценки вплоть до середины 1942 года, когда его захватит «Василий Теркин».

А пока его место занимал Иван Гвоздев — продолжение финского Васи Теркина, «Теркин на новом этапе... У него дикая популярность в частях. Все — от бойца до генерала — чтение газеты начинают с “прямой наводки”» [3, с. 42]. Можно сказать, недовольство собой в какой-то мере компенсировалось этой популярностью, но она не отменяла его: «Всё-таки есть чувство, что нечто для родины в такие трудные (небывало трагические) для нее дни делаешь и ты» [1, с. 47]. Это «нечто» успокаивало лишь на мгновение, лишь как скидка на войну. Но выход и настоящую поддержку надо было искать в самом себе, в том высоком поэтическом слове, на которое нацеливал его талант, его творческие потенции. В начале декабря 1941 года он записывает: «Когда на днях читал восстановленную по памяти “Гармонь”, которая когда-то казалась мне слабой, почувствовал, что потом я напишу раз в 100 лучше». И, как обычно, снижающая оговорка: «Сейчас же пишем всё подряд: сатира, главным образом. Кое-что удастся начать посерьезней, но только наброски...» [1, с. 50]. Тем не менее даже «всё подряд» было в спросе и приносило успех: «Вновь становлюсь известным в Армии поэтом. Я известен здесь, даже любим и действительно нужен людям, несущим все невероятные тяготы и испытания войны... Когда выступаю при случае сам со стихами — успех волнующий» [1, с. 52]. Но на подъёмной волне успеха он еще острее ощущал тоску по тому настоящему, что таилось и вызревало в глубине души: «А дело всё в том, что хочется писать теперь уже что-нибудь совсем хорошее. Наверное, так и будет, ибо настроение зависит от хода дел на фронте» [1, 52]. Тогда почему же он писал «всё подряд»? Не ради скорой славы, конечно, и не потому, что был конформистом, но чтобы хоть как-то облегчить тяготы войны, развеять острым веселым словом угрозу смерти, нависшей над солдатом.

В статье «Как был написан “Василий Теркин”» Твардовский подробно говорит о том, что было до «Теркина», о своей неудовлетворенности этой работой в газете «Красная Армия», но ни слова негативного не сказал о самой газете, о редакторе и начальниках отделов, о военной цензуре, о более высоком — фронтовом и столичном — начальстве, о ненависти к «газетчине», оскорбляющей художника, — всё это он оставил для рабочих тетрадей и писем к Марии Илларионовне, своему, можно сказать, соавтору и критику. Он отмечал, что в газетной текучке вопрос о качестве писаний «не только не ставился, но напоминать о нем уже было некоторым эстетствующим вольнодумством» [1, с. 89]. Может быть, на уровне самих газет это так и было: главное для них писать на тему, бить словом по врагу, писать много и в срок. Однако на уровне писательского союза этот вопрос возникал, о чем говорят «Рабочие записи к докладу» А. Фадеева (они были опубликованы только в середине 60-х). По содержанию они близки записям Твардовского (возможно, авторы обменивались мыслями). Стихи М. Светлова, на взгляд Фадеева, «подчинены “злобе дня”», иногда просто передовой или юбилейной дате (подобные стихи Твардовский называл с усмешкой «датскими». — В. А.); или событию в данной части. Это «внешние, “газетные” стихи» [12, с. 310]. Похожее видит он у И. Неходы: «Стихи часто дублируют статьи, особенно передовые» [12, с. 310]. В прозе преобладает «сухое изложение боевых эпизодов» [12, с. 311]. Фадеев ставит задачу «вдохнуть огонь поэзии в прозаические дела» [12, с. 312], ибо без этого огня и в стихах, и в прозе выходит «игра на внешнем»: «Это очень часто — просто иллюстрация к передовице» [12, с. 314]. В чем же он видит причину такой зависимости от передовицы? «Всё дело в том, что писателя надо использовать с той стороны и там, где он силен. Надо использовать его действительные способности и не принуждать его делать то, что он не умеет делать... Бывает так, что писатель в газете должен быть “и швец, и жнец, и в дудку игрец”» [12, с. 316]. Но как же обойтись без принуждения во фронтовой газете да еще и в военное время? Фадеев затронул тут большую для советской литературы проблему, можно сказать, ударил ее в ахиллесову пятю, но сам так и остался

в тесных рамках командно-административного подхода к писателю. Выдают ходовые слова: «надо использовать», «принуждать» и т.п. Они неуместны, если даже нацеливать писателя на то, что он умеет делать: он и сам себя заставит, не надо его принуждать.

Твардовский смелее и последовательнее в своих порывах к свободе, потому что «руководит» только собой, потому что все недовольства качеством работы в газете обращает на самого себя. Многие беды газетного стихописания он видит и в атмосфере войны, и в той инерции исполнительства, которая берет верх над волей работающего по заказу и приказу. К этому следует присовокупить нетребовательность массового фронтового читателя, которому было не до тонкостей стиля, не до эстетических красот, не до чарующей музыки стиха. Твардовский одним из первых почувствовал опасность упрощенности, косноязычия фронтовой поэзии: «Становилось невозможно говорить таким языком с читателем, которого нельзя было не уважать, не любить» [9, с. 121]. Похоже говорил и Фадеев: «Никакая работа в газете не может быть полноценной, если мы будем забывать о нашем великолепном русском языке. А неряшливости и канцеляризма — это один из кардинальных грехов в языке нашей армейской, дивизионной и фронтовой печати» [12, с. 318].

Твардовский знал про себя, что способен на большее, чем фельетоны про удалого казака Гвоздева или про чудаковатого деда Данилу, но на это большее в газете не было места. Создалась какая-то патовая ситуация, когда большее только-только подступало к нему, а к прежнему он уже охладел. Нужен был какой-то рывок, чтобы сдвинуться с места и набрать новую высоту.

В январе 1942 года Твардовского командируют в Москву для участия в работе пленума СП СССР. Эта поездка в столицу и к семье в Чистополь имела для него принципиальное значение. В Москве, опечатавая свою квартиру, он захватил с собой «тетрадку с финскими набросками “поэмы”. Может, кое-что из того вновь оживет» [1, с. 66]. Ожило так, что захватило и не отпускало до конца войны. А из Чистополя он «вернулся иным человеком, прямо-таки я вновь поднялся в душевном, в моральном смысле и хочу именно работать

как можно лучше. Кстати, в этом вся моя самоподдержка может быть. А то все кругом для меня здесь, в редакции, и шире, как-то неприятно и чуждовато» [1, с. 67].

Как же так? Ведь он имел здесь «успех волнующий», был «нужен людям», «даже любим». И вдруг такое охлаждение и отчуждение от газеты и всего окружающего. А дело в том, что финские наброски подняли его на иной горизонт, что в нем выросли крылья для полета, а тут надо было ходить по земле. Отсюда эти парадоксальные строки: «Чтобы иметь успех и прочее, нужно писать так, как я уже органически не могу писать» [1, с. 67]. Он рвется из редакции на линию фронта, в кипящий котел войны, чтобы вернуться из него не газетчиком, а поэтом: «Скоро, должно быть, будут новые и серьезные записи здесь, вообще, кажется лучше будет работать» [1, с. 69]. И он делает такие записи, которые могли появиться в печати лишь после войны («Комбат Красников», «Гость и хозяин», «Тетя Зоя», «Дедюнов», «Супчику хочется» и др.). Кстати, последняя из них напрямую характеризует особенности газетных писаний. Наш подбитый танк суток пятнадцать стоял на ничейной земле, ни немцы не могли его расстрелять, ни мы его вытащить. Танкисты жили в нем, «стряпали и варили в машине, жгли автол, открывая замок орудия и выпуская дым через ствол...

— Как вы еще можете там о вареве думать? — спросили одного из них.

— Знаете, говорит, — сухомятка всё-таки не еда. Супчику хочется...

Мы всё еще объясняем скудость и сухость наших писаний исключительностью военной обстановки. А надо полагать, что при этой именно исключительности нельзя жить сухомяткой» [13, с. 277]. Это ведь не только о других, но и наказ самому себе — недаром здесь «мы». Это и осознание условности того успеха, который приносили стихи из отдела «Прямой наводкой». Они, конечно, нужны и полезны, они тоже духовная пища, но, говоря словами танкиста, «сухомятка», а ведь «супчику хочется», т.е. полноценного, сочного слова. Горькую запись делает Твардовский 11 марта 1942 года: «Всё труднее работать, числясь некоей сомнительной знаменитостью...» [1, с. 70] газетного масштаба. Осознание своего положения углубляется по мере углубления в судь-

бы воюющих людей, таких как бывший кулак или репрессированный и разжалованный до рядового капитан Красников. Но газете нет дела до этих судеб: «Приехал (с передовой.— В. А.), начинаю писать, но всё так не по-настоящему, всё это не то. И надоело мне здесь предельно — хочется перемены. Трудно работать в таком органе, он меня не поднимает, а снижает. И от этого работа не веселит» [1, с. 82].

Месяц пребывания на передовой, поездка в Москву и Чистополь резко сократили появление его материалов в газете, на что сразу же отреагировал редактор Л. И. Троскунов: «Наша “костяная нога” (редакционное прозвище. В. А.), по-видимому, не захотел понять, что это вызвало объективными обстоятельствами, “накапал” на меня начальству, и вот вчера меня вызвал начпуфронта. “Почему вас не видно, не слышно в газете, что мешает?” и т.д. Немножко обидно было только то, что тормошить меня стали тогда как раз, когда я сам по себе изготовился к активной деятельности» [1, с. 83],— пишет он мне. И теперь ничто уже не свернет его с этого пути. «Как я собирался писать, так и буду писать. А, кажется, дай мне хоть какой-нибудь изолированный уголок, чулан — я много бы наворочал» [1, с. 83]. Но это всё внешнее, «а внутреннее сложнее, хотя и связано с внешним» [1, с. 83]. Оно, как и прежде, касалось его общественного статуса, «места поэта в рабочем строю», «тайной свободы» художника. Отчасти это объяснил его фронтовой товарищ В. Гроссман — «как то, что свое во фронтовой газете я отработал, т.е. что писать так, как в первые месяцы, я уже не могу, мне нужно в большую газету...» [1, с. 83]. То есть, в большую литературу, добавим мы, куда могла его вывести только задуманная до войны поэма. Тут бы она не пошла, казалось ему, тут бы ей было тесно. «О том, что я уйду из этой газеты, я уже думаю как о решенном... Очень хочется работать, очень мешает обстановка» [1, с. 83]. Причем «работать всерьез, не отмахиваясь легкой газетчинкой, искать, пробовать, как бы ни были слабы надежды на успех теперь» [1, с. 84].

По мере назревания конфликта и разрыва с «Красной Армией» вызревало решение писать не газетное, а литературное (и наоборот): «Испытываю желание писать вещи, которые, может быть, да и наверняка, не пойдут сейчас в газете, но которые были бы ближе к суще-

ственности, чем то, что печатается. И лучше, конечно... Но от меня хотят календарно-кампанейских всплесков поэзии» [1, с. 85].

Он, конечно, отдавал дань этим «всплескам», когда они были остро востребованы текущим моментом, особенно на войне. Но за ними он всегда чувствовал глубинное течение народной жизни. И тут сбить его с курса, избранного характером и талантом, было невозможно никакой критикой, никакими угрозами. Только для тех, кто хорошо знал, как его избивали в пору создания «Страны Муравии», в том числе отзыв о ней Горького, эта драма его не была новостью: Твардовский оставался самим собой. Нелегко сказать, когда ему было труднее — в середине 30-х или на войне. Но живой росток пробивает и камень. «Я с радостью отмечаю в себе возрождающуюся способность к хотя бы замыслам серьезным... Так хочется, хоть не бог весть что, а просто человеческое что-то сделать, что-то очень личное по форме, но очень общее по касаемости многих и многих людских дум» [1, с. 86–87]. Одно решение привело за собой другое: «Дело ... клонится к тому, к чему я и сам стремлюсь,— к перемене фронтового адреса» [1, с. 88].

Чем ближе подходило время расставания с этой газетой, тем гуще темные краски ложились на ее оценки: «Настроение — работать, вылезать из состояния некоторого душевного одичания, которое вгнездилося за долгие месяцы работы спешной, порой небрежной и всегда с чувством приноравливания себя к какому-то уровню требований ... редакторов» [1, с. 88]. В результате самоконтроль ослаб, но требовали «писать много, писать на какую-то тему, с обозначением таких-то моментов и т.п.» [1, с. 89]. Приноравливание к газетным правилам и нормам вело «к мучительнейшей неудовлетворенности тем, что делаешь и делал» [1, с. 89], к тому самому «душевному одичанию», которое несовместимо с творчеством. Какой беспощадный самоанализ! Но он проделан не для того, чтобы сдать, опустить руки, но затем, чтобы окончательно решить: «Больше плохих стихов я писать не буду,— делайте со мной что хотите. В этом решении я твёрд и уверен в своей правоте. Война всерьез, поэзия должна быть всерьез» [1, с. 89–90].

На следующий день пришла телеграмма, отзывающая его в Москву. В Воронеже, откуда он выезжал, накатали на него злую и не-

справедливую характеристику, в которой говорилось о недостатках характера поэта и ни слова о взаимоотношениях писателя и фронтовой газеты, о статусе художника в системе советской печати. Твардовский не оставил без ответа мелочные и несправедливые обвинения, но придал своему ответу обобщающий, концептуальный смысл.

Выступая на заседании Военной комиссии ССП 22 июня 1942 года с отчётом о работе в «Красной Армии» и чтением глав «Василия Теркина», Твардовский заявил: «Должен предупредить, что поэма эта к моей газетной работе на фронте отношения не имеет» [14, с. 229]. Эта фраза может показаться непонятной и странной: как же так, ведь и замысел, и некоторые фрагменты будущей поэмы обязаны своим появлением газетам «На страже Родины» и «Красная Армия»? Но дело в том, что своим заявлением Твардовский хотел подчеркнуть принципиальное отличие труда поэта по собственному замыслу от работы по заданию газеты.

Большая часть его выступления — это размышление о статусе и о характере работы военного литератора во фронтовой газете. «Постоянный “штатный” писатель,— говорил он,— это вещь плохая, искусственная, и хорошо получается у тех, кто брал на себя только то, что полагается делать военному корреспонденту и всякому работнику. А то есть еще обозначения “литератор фронтовой и армейской газеты”. Можно быть штатным комиссаром, штатным редактором, но штатный поэт — это ужасная вещь, и нужно, по-моему, ставить себя в такие условия, когда задания касаются только таких областей, в которых обязательность возможна» [14, с. 230]. Отсюда можно сделать вывод: поэт птица вольная, в поэзии обязательность не всегда возможна. По сути он говорит о свободе поэтического творчества! Где и когда? Перед Военной комиссией ССП и во время войны! Не важно, где работать поэту — во фронтовой газете или находясь в Москве: всё «зависит от интереса, инициативы самого работника» [2, с. 230]. Главным звеном для Твардовского остается не газета, а сам писатель. Свободный в своем деле автор и свободный в своих поступках и мыслях герой. Василий Теркин, герой его новой поэмы, отличается от героев фронтовой печати «именно тем, что он совершенно свободно высказывается обо всём,— ему незачем поступать иначе» [14,

с. 231]. Это прозвучало как условия, на которых он будет работать над «Книгой про бойца». Прозвучало так смело, так неожиданно, что никто не посмел возразить Твардовскому. Победителей не судят...

Убывая из газеты, он записывает в рабочей тетради: «В редакции рады, хотя и ошибаются, думая, что меня вызывают по-худому (а может быть, я ошибаюсь?). а я рад просто, хоть и грустно, что прошел год, этот год... И в то же время — Москва, возможность выступить в большой печати, почувствовать настоящий уровень требований, делать что-то большее, чем здесь, вообще ощутить себя в “ином качестве”. Хуже не будет!» [3, с. 90].

Так «написался» и так завершился его «роман» с фронтовой газетой «Красная Армия», «роман» глубоко личный и пристрастный, «роман» поэта с печатным органом Юго-Западного фронта (и шире — армии, государства), в котором мы увидели Твардовского в «ином качестве» — как масштабную личность и поэта-гражданина, способного подняться «в свою атаку» и победить. И он многое взял из этого «романа» для своей прославленной поэмы...

ЛИТЕРАТУРА

1. Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...» Дневники. Письма. 1941–1945.— М., 2005.
2. Журналисты на войне: сб. / [сост. Н. Г. Кузьмин]. — М., 1974.— Кн. 2.
3. Творческие отчеты писателей на заседаниях Военной комиссии СП СССР. Обзор В. П. Нечаева // Литературное наследство.— М., 1966.— Ки. 1.
4. Долматовский Е. Год фронтового товарищества // Воспоминания об А. Твардовском: сб.— М., 1978.
5. Максакова Л. В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны.— М., 1977.
6. Бек А. Встречи с Твардовским в 1940 году. Дневниковые записи // Знамя.— 2001.— №10.
7. Солодарь Ц. Живые голоса. Воспоминания.— М., 1987.
8. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т.— М., 1977.— Т. II.
9. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т.— М., 1980.— Т. V.
10. Кондратенко В. Как нашли героя // Палийчук Б. Иван Гвоздев на фронте: поэма.— Киев, 1985.
11. Мушта Г. А. А. Твардовский в красноармейской газете (К вопросу о роли работы над военным очерком в творческой эволюции поэта) // Уч. зап. Московского государственного института культуры.— М., 1969.— Вып. 17.
12. Фадеев А. А. По страницам фронтовых и армейских газет. Рабочие записки к докладу // Литературное наследство.— М., 1966.— Т. 78.— Ки. 1.
13. Твардовский А. Т. Собр. соч.: в 6 т.— М., 1978.— Т. IV.
14. Твардовский А. О войне, о литературе, о себе... // Вопросы литературы.— 1975.— № 5.

ТИПОЛОГИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ И ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ

Е. В. Ахмадулин

Южный федеральный университет

Говоря о типологии провинциальной прессы, исследователи делят ее на официальную и частную. Далее рассматривается ареал распространения, целевое назначение, аудиторная направленность, язык, издательско-редакторский комплекс, политическая или специализированная ориентация, объем, формат, периодичность, тираж и другие параметры, связанные с оформлением, жанровой палитрой, индивидуальным творчеством отдельных журналистов.

Вместе с тем характер провинциальной прессы объективно зависит от специфических особенностей региона (геоклиматических, ментально-исторических, сословно-этнических, политических, производственно-экономических, культурно-образовательных), а субъективно — от личности издателя-редактора и, в немалой степени, — от личности чиновника, осуществляющего цензуру конкретного издания.

Первые провинциальные газеты возникли в результате частной инициативы во времена либеральной политики Александра I. Первой из них в 1811 году вышла газета «Казанские известия», вслед за ней в 1812 году — «Харьковский еженедельник», а в 1813 году — «Восточные известия» в Астрахани. Две первые газеты выходили в крупных университетских городах и цензурование их по положению от 26 января 1803 г. осуществлялось местными университетами — Казанским и Харьковским [1].

«Казанские известия» (1811–1820) начали издаваться по инициативе молодежи учебного ведомства под руководством преподавателя университета И. Запольского. С 19-го номера «по силе высочайшего повеления» казанский еженедельник был передан в ведение университета со значительным усечением первоначальной программы издания (были исключены отделы правоведения, философии и медицины). Основное содержание газеты составляли этнографические, исторические и статистические материалы университетских ученых. [2, 206]. Таким образом, выступления «Казанских известий» носили научно-просветительский характер.

Для «Харьковского еженедельника» издателем-книготорговцем Лангнером была заявлена торгово-промышленная тематика. После выхода первых номеров еженедельника в правление Харьковского университета поступило указание из столичного ведомства принять издание газеты на себя и привести ее в рамки традиционной программы: ученые статьи и частные объявления, ограниченные Слободско-Украинской губернией.

В обоих случаях просматривается желание правительства устранить частную инициативу, придать газетам, по примеру «Московских ведомостей», официальный университетский статус, свести их программы до научно-просветительского минимума в рамках местного учебного округа.

Несколько иной типологический облик формировался у астраханской газеты «Восточные известия» (1813–1816). Инициатива по ее изданию принадлежит И. А. Вейсгопфену — тирольцу, получившему образование в Венском университете и определившегося учителем немецкого языка в астраханскую гимназию.

Местную цензуру газеты осуществляла астраханская гимназия под контролем Казанского университета, издательский комитет которого и разработал примерный план содержательной структуры издания, адаптированный к местным условиям. В этих программных требованиях наиболее ярко учитывалась специфика региона.

В начале XIX века Астраханская губерния простиралась по всему нижнему Поволжью, а город Астрахань служил воротами на обширные

территории стран каспийского побережья. Все это довольно прозрачно просматривается в утвержденной министерством народного просвещения программе для «Восточных известий».

В заметке «От издателя» И. А. Вейсскопфен сделал следующее сообщение, из которого виден замысел издания: «Мне предписано обратить свое внимание: во-первых, на самый город Астрахань; во-вторых, на страны, составляющие губернии Астраханскую и Казанскую и отчасти Таврическую, земли Донских и Черноморских казаков, Грузию, землю Кавказских горных народов, южную часть Саратовской и Оренбургской; в-третьих, на земли, обитаемые калмыками, киргизами, каракалпаками и трухменцами; в-четвертых, по сношению с восточными странами России на Хиву, большую и малую Бухарию, Персию, Турцию, и если возможно, Аравию, восточную Индию и Тибет» [3, с. 4–5]. В числе сведений, которые обещала опубликовать газета, были указаны историко-этнографические материалы «об особенностях в нравах, обыкновениях, вероисповеданиях, празднествах, нарядах, характере и телосложении, языке, образовании и искусстве живущих или приезжающих в Астрахань» [3, с. 4–5]. В 1815 г. редактор привлек к изданию газеты представителей армянской общины, и «Восточные известия» стали выходить на двух языках.

Таким образом, геополитическое положение региона и его этнический состав потребовали особой проблемно-тематической направленности и двуязычного представления контента, что впоследствии послужит примером для изданий, выпускаемых в полиэтнических регионах.

Еще ярче объективный характер региональной специфики и субъективные факторы (организационный, творческий, контрольный) просматриваются в типологически однородной массе губернских (областных) ведомостей. Решение об издании этих газет во всех губерниях и областях было принято в 1838 г. По своему типу «Губернские ведомости» представляли нечто среднее между «Правительственным вестником» и его прибавлением — «Сельским вестником». По замыслу организаторов этой прессы, «Ведомости» должны были служить для облегчения сношений между властями внутри губернии. Поэтому

«Ведомости» публиковали разного рода указы, правительственные распоряжения, сведения о награждении, присвоении чинов, перемещении, розыске и т.д. Этими вопросами занималась официальная часть «Ведомостей», превратившаяся по сути дела в сборники постановлений и распоряжений властей.

Неофициальная часть имела свою строго ограниченную проблематику. В своде законов 1876 г. указывалось, что в неофициальной части «Ведомостей» «могут быть помещены относящиеся к местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и прочие статьи, сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, судоходствах, о рыночных и справочных ценах, состоявшихся торговых и других обществах, о выданных привилегиях на изобретение, некрология известных в губернии лиц и прочее» [4].

При отсутствии общественно-политических материалов и отдела «Фельетон», заданная «Ведомостям» программа скорее предназначалась для специального журнала, нежели для газеты. Идеологический аспект в этих официальных изданиях отсутствовал совершенно. Сами газеты выделяли для себя или информационно-управленческие функции, как «Донские войсковые ведомости» (служить «...для облегчения и сокращения сношений войскового правления и для скорейшего обнародования распоряжений войскового и предписаний высшего начальства, а равно других известий, следующих к общему сведению и исполнению» [5, с. 485]), или информационно-рекламные, как «Саратовские губернские ведомости» («Сколько теперь выгод представляет газета всем сословиям! Кто имеет что продать или купить, ищет слугу, предлагает свои услуги и т.п., стоит только дать знать, и по всей губернии будет уже известно» [6, с. 105]).

Столичные обозреватель выделял в губернской печати две категории: «прогрессивную» и «ретроградную». Газеты прогрессивные, отмечал В. Слепцов, «с первого же взгляда останавливают на себе внимание читателя как разнообразием содержания, так равно и теми усилиями, которые замечаются со стороны издателей, усилиями — выйти по возможности из тесного круга местных интересов» [7, с. 44].

Прогрессивность ряда неофициальных прибавлений к «Губернским ведомостям» была связана прежде всего с именами редакторов из демократической интеллигенции, по большей части из числа политических ссыльных. Так, А. И. Герцен, сосланный в Вятку, а затем во Владимир, в 1838–1839 гг. редактировал неофициальную часть вятских и владимирских «Губернских ведомостей». «Вологодские губернские ведомости» в 1838–1839 гг. — ссыльный поэт В. И. Соколовский. «Нижегородские губернские ведомости» с 1845 г. редактировал писатель П. И. Мельников-Печерский, «Саратовские» — историк Н. И. Костомаров (1848–1850 гг.). Идеи просветительства и гуманизма в сочетании с обличениями местных властей проводили через неофициальные прибавления к местным «Ведомостям» поэт-демократ Л. Н. Трефолов в Ярославле (1864–1870 гг.), краевед А. С. Гациский в Нижнем Новгороде (1862–1866 гг.), писатель Д. Л. Мордовцев в Саратове (1856–1859 гг.) и др. Все они так или иначе подвергались цензурным репрессиям, ибо даже «свои», официальные органы самодержавное правительство держало в строгих цензурных тисках вплоть до 80-х годов.

Официальные газеты Дона и Северного Кавказа мало чем отличались от им подобных из других губерний России. На рубеже веков в регионе выходили «Донские областные ведомости» (1839–1917 гг.), до 1872 г. называвшиеся «Донские войсковые ведомости», «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1916 гг.), «Кубанские областные ведомости» (1863–1917 гг.), до 1871 г. также носившие название «Войсковые ведомости» и «Терские ведомости» (1868–1917 гг.) [5]. Типологической особенностью этого регионального отряда официальных ведомостей было то, что они обслуживали области постоянной дислокации казачьих войск и проживания исторически сложившегося казачьего сословия. Начальники этих областей являлись наказными атаманами донского, терского, кубанского казачьего войск и помимо общих обязанностей губернаторов выполняли функции военачальников и в этом отношении подчинялись военному министру. Кроме того, кубанский и терский атаманы, а также ставропольский губернатор входили в прямое подчинение царскому наместнику на Кавказе. Даже «Ставропольские губернские ведомости», выходявшие, собственно,

в крестьянской губернии, ощущали на себе давление «казачьего» и «кавказского» типологических факторов, т.к. находились в окружении казачьих областей, действовали под контролем кавказского наместничества и до учреждения «Терских ведомостей» обслуживали эту обширную область. Отсюда и своеобразие проблематики «Ведомостей» этого региона. Наряду с публикацией исторических, географических, этнографических и статистических сведений, они отдавали дань военно-исторической, казачьей и горско-этнической тематике. Так, «Донские областные ведомости» помещали актуальные статьи «О лагерных занятиях донской артиллерии», «О вооружении казачьих войск», «О перевооружении донских полков» и исторические материалы: «Об Азовских сидениях донских казаков», «О военных подвигах донских казаков на Кавказе», переписку Суворова и других военачальников с донскими атаманами.

В отличие от других губерний, в газетах казачьих областей популярной была выборная тематика, отражавшая остатки старой казачьей демократии — выборности атаманов, к тому времени лишь в станицах. Свообразными были исторические, этнографические и статистические материалы этих газет.

Если по сословному признаку все казацки «Областные ведомости» были в той или иной мере равны, то в историко-ментальном и этническом отношении ощущалась значительная разница в проблематике их выступлений. «Донские областные ведомости» показывали историко-этническую связь казачества с вековыми устоями проживания на донской земле. «Кубанские областные ведомости» в историческом контексте напоминали об украинских корнях кубанского казачества. А «Терские ведомости» широко освещали историческое прошлое горских народов.

С развитием многообразной частной прессы объективные факторы региональной специфики и субъективные личностные факторы оказывали все более значительное влияние на типологический облик различных групп провинциальных изданий. Поэтому так важно выявить тенденции, характерные для развития всей местной печати, а также факторы, наложившие специфические особенности регионального характера.

***

Мне уже приходилось выступать в поддержку инициативы факультета журналистики Воронежского государственного университета и Академии наук региональной печати России о создании **«Энциклопедии региональной печати России»** [9].

Чтобы хорошая идея воплотилась в реальный проект, необходимо объединить научные силы регионов, а в их рамках авторские коллективы республик, краев и областей, сформированные вокруг университетских центров. Причем сюда должны войти не только профессиональные исследователи печати, но и библиотечные работники, историки, архивисты, краеведы. Очень важно, чтобы к этой работе подключились аспиранты, магистранты и студенты.

Что касается предмета и объема содержательного контента энциклопедии, то, конечно же, идеально было бы, чтобы в неё вошли и издания, и их сотрудники всех исторических периодов функционирования российской прессы: дореволюционного, советского и постсоветского. Очевидно, что организационную работу можно и нужно вести сейчас параллельно по трем историческим срезам. Это само по себе, надеюсь, станет неким дополнительным толчком для привлечения молодых исследователей к изучению многочисленных лагун и белых пятен в истории журналистики.

Однако первоочередным, приоритетным в проекте на его первой стадии должен стать лишь один исторический период. По хронологии и большей степени изученности приоритет в подготовке первого выпуска энциклопедии, несомненно, принадлежит изданиям дореволюционного периода.

Актуальность исследования региональной печати дореволюционного периода связана, прежде всего, с освоением всех исторически сложившихся культурных слоев, накопленных на протяжении нескольких веков в России. Журналистика в этом плане представляет собой интерес, так как именно в текстах периодических изданий зафиксированы факты, события и мнения, волновавшие в свое время те или иные поколения россиян. Кроме того, опыт работы самих журналистов, постановки тех или иных изданий, реакции их

на окружающую социальную действительность, несомненно, всегда будут актуальны для современных журналистов.

Южный регион России имеет мощный научный потенциал по изучению местной и национальной печати дореволюционного периода. Здесь выдвинулись авторитетные лидеры, которые могли бы успешно возглавить научную и организационно-методическую работу по созданию сначала местных энциклопедий, а затем и общей энциклопедии печати Южно-Российского региона. К таким лидерам относятся Д. Н. Ахмедов, А. А. Камалов (Махачкала), Г. С. Белолипская (Астрахань), Ф. Б. Бешукова, З. Ю. Хуако (Майкоп), Б. Б. Дякиева (Калмыкия), О. И. Лепилкина (Ставрополь), Ю. В. Лучинский (Краснодар), Ю. Б. Хоруев (Владикавказ) и др. Каждый из них уже создал свои труды по истории местной и национальной журналистики и вдохновил своих учеников на продолжение этой работы.

Помимо выпуска многочисленных монографий, статей и диссертаций, посвященных истории журналистики Южного региона, проведена большая работа по составлению библиографических указателей и справочников по местной и национальной печати [10], которые могут стать хорошей опорой для написания энциклопедических статей.

Важно, чтобы структура энциклопедических статей была одинаковой и понятной для всех участников проекта. Предлагаю следующий перечень вопросов и их последовательность:

Орган периодической печати

1. Полное название издания; указываются все изменения в названиях, а в скобках приводятся даты перемен.
2. Вид и тип издания (газета, журнал; общественно-политическое, литературное, научно-популярное и т.д.).
3. Даты выхода издания (год начала и прекращения издания).
4. Место выхода. Если издание выходило в различных городах, указываются все места издания с указанием дат.
5. Периодичность выхода издания.
6. Общее количество вышедших номеров.
7. Основатель издания, его редакторы, в скобках приводятся года редакторства (приводится весь список редакторов).

8. Основные члены редколлегии.
9. Постоянные авторы издания (приводятся наиболее известные).
10. Тираж издания.
11. Общественно-политическое направление издания, его программа (изменения в направлении с указанием дат).
12. Наиболее яркие выступления.
13. Влияние издания на современное ему общественное мнение.
14. Литература (список не должен превышать 10 пунктов).
15. Указатель статей, напечатанных в издании (если есть).

Каков может быть объем первого выпуска энциклопедии, посвященного только региональным изданиям дооктябрьского периода, можно судить по вышеназванным библиографическим указателям и справочникам. Приведу лишь цифры из перечня Е. Е. Воронцовой «Периодические издания Дона, Терека, Кубани и Ставрополья» (Ростов н/Д, 1992): в Области Войска Донского выходило в разное время 174 издания; в Терской области — 114; в Кубанской области — 119; в Ставропольской губернии — 56 и свыше 10 изданий в Дагестанской области. Если экстраполировать усредненные показатели количества изданий на все регионы России, можно получить представления о предстоящем объеме работ и самой энциклопедии. В таком проекте, уверен, престижно и почетно участвовать каждому члену историко-журналистского регионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новомбергский Н. Освобождение печати / Н. Новомбергский // История печати: Антология.— М., 2003.— С. 195–420.
2. История русской журналистики XVIII — XIX веков: Учебник / Под ред. проф. Л. П. Громовой.— СПб., 2003.
3. Штылько А. Н. Астраханская периодическая пресса (исторический очерк) / А. Н. Штылько.— Астрахань, 1891.
4. ПСЗ. 1876. Т. 2. Ст. 767. С. 166–168. Общие губернские учреждения.
5. Наш край / Документы по истории Донской области. Т. 1.— Ростов н/Д, 1963.
6. Станько А. И. Становление теоретических знаний в периодической печати в России (XVIII в.— 60-е гг. XIX в) / А. И. Станько.— Ростов н/Д, 1986.
7. Современник.— 1865.— № 9.
8. Таказов В. Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (вторая половина XIX — начало XX вв.) / В. Д. Таказов.— СПб., 1998.

9. Ахмадулин Е. В. Итоги и задачи изучения местной и национальной прессы / Е. В. Ахмадулин // Региональная журналистика России.— Воронеж, 2012.— С. 3–11; Он же. «Энциклопедия региональной печати» и научный потенциал регионов / Е. В. Ахмадулин // Известия ЮФУ: филологические науки.— 2012.— № 2.— С. 186–190.
10. Ахмадулин Е. В. Печать периодическая / Е. В. Ахмадулин // Новочеркасск: Краткая энциклопедия.— Новочеркасск, 2001. С. 209–214; Воронцова Е. Е. Периодические издания Дона, Терека, Кубани и Ставрополя / Е. Е. Воронцова.— Ростов н/Д, РГУ, 1992; История донской журналистики. Справочник / авт.-составители В. Ф. Волошинова, В. В. Шумов.— Ростов н/Д, 2007; Периодические издания Ставропольской губернии (1850–1916) / Сост. Т. И. Фунтикова. Ставрополь, 1988; Печать Дагестана: Справочник / Ред.-сост. Алиханова А. А.— Махачкала, 1983; Периодическая печать Кавказских Минеральных Вод (1863–1875) / Сост. И. А. Вершинина, Е. Б. Польская, Л. Н. Польский.— Пятигорск, 1976; Периодическая печать дореволюционного Дона. 1841–1916.— Ростов н/Д., 1963; Хорув Ю. 109 голосов: справочник периодических изданий на Тереке (1863–1917 гг.) / Ю. Хорув.— Орджоникидзе, 1966; Хуако З. Ю. Мир печати Адыгеи / З. Ю. Хуако // Энциклопедия.— Майкоп, 2003.

ИСТОКИ МАССОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

А. А. Грабельников

Российский университет дружбы народов

Массовые информационные процессы (МИП) — это процессы, которые происходят в обществе и охватывают большие народные массы, участвующие в производстве и потреблении социальной информации, оперирующие ею в ходе своей жизнедеятельности. Они широко отражают функционирование различных социальных слоев и групп общества, а также аккумулируют и синтезируют в себе разноплановые информационные потоки внутри этих групп и между ними. Благодаря своей универсальности, МИП активно используются различными общественными силами, однако их внутренние закономерности остаются еще до конца не познанными.

Чтобы достаточно глубоко изучить их, необходимо проследить функционирование этих процессов на протяжении длительного исторического периода. Это позволит понять, как возникали, изменялись их отдельные элементы, каким образом формировалась система массовой коммуникации в целом. Исторический принцип дает возможность взглянуть и в перспективу, увидеть возможные пути развития массовых информационных процессов. МИП следует рассматривать, на наш взгляд, в контексте общей культуры той или иной социально-экономической формации, частью которой они являются, в контексте общественного управления, которое не может осуществляться вне информационных процессов.

Вся ранняя история человечества говорит о том, что массовая коммуникация принадлежала массам, что каждый член общества имел равное право на производство и потребление информации.

Это было так же естественно, как дышать воздухом. Со временем это неотъемлемое право всех людей было присвоено отдельными группами. Сначала монополию на массовую коммуникацию установило жречество, затем государство, политические партии, частный капитал. Сегодня эта монополия приобрела чудовищные формы и размеры. Манипуляция разумом, чувствами, поведением людей становится все изощреннее благодаря научным разработкам и техническому обеспечению.

Основатель кибернетики Норберт Винер писал, что всякий организм скрепляется наличием средств приобретения, использования, хранения и передачи информации. В обществе, слишком большом для прямого контакта между его членами, эти средства суть пресса (книги и газеты), радио, телефонная связь, телеграф, почта, театр, кино, школы и церковь. Помимо своего непосредственного значения как средств связи все они служат другим, вторичным целям. Газета — средство рекламы и средство наживы для ее владельцев, так же, как кино, радио. Однако эти вторичные функции в мире рыночного бизнеса обретают главенствующее значение и полностью подчиняют средства информации коммерческим интересам их владельцев. В результате та система, которая больше всех других должна способствовать общественному гомеостазу, попадает прямо в руки тех, кто больше всего заинтересован в игре за власть и деньги, в игре, которая является одним из основных антигомеостатических факторов в обществе [1, с. 243–245].

Простой человек, обладая по конституции свободой слова, печати, на самом деле лишен их, хотя, как налогоплательщик, он содержит большую часть СМИ. Всем очевидна эта несправедливость. Для успешного развития человеческой цивилизации следует вернуться к тому, что существовало на заре человечества, только уже на качественно новом, высокотехнологичном уровне. Обращение к древним и традиционным коммуникационным средствам, считают исследователи, помогает глубже оценить гуманитарный потенциал и современных форм информационных взаимодействий, и культурного наследия прошлого для решения глобальных проблем челове-

чества на благо его нравственного здоровья и устойчивого мирного социального прогресса [2, 4, 13].

Каждой общественно-экономической формации, на которые делится вся история человечества, соответствует свой тип культуры — совокупность конкретных достижений общества в его материальном и духовном развитии. Частью этих достижений является и система средств массовой коммуникации (СМК) с ее подсистемами. Следовательно, каждому общественному строю соответствует свой тип (и виды) субъектов общественно значимой информации.

Субъект (от латинского слова *subjectus* — лежащий внизу, находящийся в основе) трактуется в философии как носитель предметно-практической деятельности и познания, в роли которого могут выступать как отдельный человек, так и социальная группа. Субъект является продуктом исторического развития и выступает таковым постольку, поскольку он в определенной мере овладел созданным человечеством миром культуры: орудиями предметно-практической деятельности, формами языка, логическими категориями, нормами нравственных и эстетических оценок и т.д. Активная деятельность субъекта служит условием, благодаря которому тот или иной фрагмент объективной реальности выступает как объект, данный субъекту в формах его деятельности. Деятельность субъектов — масс, классов, партий, отдельных людей, — включающая в себя различные уровни и формы, например, идеологическую, политическую, организаторскую, и направленная на изменение, развитие или сохранение объективных общественных условий, называют субъективным фактором в истории [3, 154, 157]. Эти общие положения относятся и к субъекту массовых информационных процессов — определенным социальным группам, а также индивидам как представителям этих групп.

В ранней, доклассовой формации он являлся производителем устных, нефиксированных текстов, а в классовых обществах также и письменных текстов. Что же представлял собой источник социальной информации на заре человеческой истории и какой характер носили тексты?

В эпоху раннего палеолита трудовая и духовная жизнь первобытной общины представляла собой единое целое. Зарождающееся искусство составляло непосредственную часть производственного процесса. «Древнейшие песни и музыка несли в себе определенную организующую функцию в коллективном производстве древней общины. Работа шла в такт, согласованно и дружно под звуки песен и музыкальных инструментов. Их ритм снижал разнообразие работы, облегчая усталость, вдохновлял и духовно поддерживал работающих» [4, 32]. Неотделимы были от этого процесса и коммуникативные связи членов общины. Палеолитическое искусство — художественная, изобразительная деятельность человека — служило одновременно и как способ общения, и как формы передачи информации, и как система воспитательных средств.

Духовная деятельность, вплетенная в материальную, носила стихийный характер, в ней были заняты все члены общества, участвующие в материальном производстве. В ходе этой деятельности вырабатывалось обыденное и мифологическое сознание. Последнее представляло собой единство естественного и сверхъестественного, идеального и материального. Оно систематизировало стихийно сложившиеся в обыденном сознании верования, традиционные знания, представления, нравственные нормы и нормы организации общества, образцы поведения, обычаи, экономические права и обязанности, формы разделения труда, ведения хозяйства и формы собственности. Все эти установления в мифах, легендах, сказаниях, баснях — основных формах выражения мифологического сознания — приобретали вид законов, созданных богами и предками и имеющих для всех членов данного общества обязательный характер [5, с. 54–68].

На ранней стадии развития первобытного общества человек был крепко привязан к своей общине, племя и род для него являлись священными и обладали властью, которой были подчинены все его чувства, мысли и поступки. Естественно, что и формы культа, выраженные в танцах, играх, обрядах, ритуалах, воспринимались человеком как нечто данное ему сверху, обязательное для выполнения. Его поведение, социальная роль в общине были заданы

поведением предыдущих поколений, традициями, сложившимися в этой среде.

Сценаристом, постановщиком и исполнителем зрелищ являлся весь род, все племя. Творчество было коллективным, всеобщим. Все члены общины были одновременно и участниками, и зрителями праздников, мистерий. Система средств массовой коммуникации того времени еще не была разделена на подсистемы «адресант» и «адресат», которые мы привыкли видеть сегодня, т.е. субъект информации и аудитория представляли собой неразрывное целое, здесь господствовал полифункционализм. Можно сказать, что производителем и распространителем социальной информации являлся весь первобытнообщинный коллектив. Он же ее и потреблял [6, с. 36].

В качестве видов этого полифункционального субъекта МИП выступали основные социальные организации древнего общества — род, фратрия, племя. Главной единицей общины и основным звеном в производстве социальной информации являлся род. Из родов складывались фратрии, из фратрий — племена. Род представлял собой совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка и носящих общее родовое имя. Фратрия являлась органическим союзом двух или более родов одного и того же племени. Эта организация была вызвана к жизни тогда, когда члены одного рода не могли вступать в брак между собой, а только с представителями другого рода. Именно в рамках фратрии происходило более частое взаимодействие родов как информационных коллективов в общих ритуальных обрядах и празднествах, связанных с различными важными событиями в жизни первобытных людей — рождением ребенка, наречением его именем, свадьбой, выборами старейшины, военного вождя рода, погребением членов рода. Участвуя в общих церемониях и обрядах, каждый родовой коллектив как субъект МИП выполнял определенные, закрепленные за ним функции. На свадьбе род жениха и род невесты тоже имели разные роли. Это торжество состояло из многообразных обрядов, имевших и актовое, и символическое содержание, отражавших различные моменты из истории брака, облеченных в форму своеобразного драматического действия,

в которое входили инсценировки, игры, танцы, музыка, пение и т.д. с участием определенных действующих лиц и всей близкой родни жениха и невесты. Центральным актом свадьбы был переезд невесты в дом жениха, а основной мотив — поселение в другой семье, в другом роде. Именно этот мотив отражает ряд обрядов, реально или символически выражавших отрыв женщины от своей родни, утрату своей девичьей свободы. В значительной своей части свадьба носила характер праздника, знаменующего союз двух семей и родов, представляла собой яркое и красочное произведение народного творчества [7, с. 120].

Конечно, основным элементом родового коллектива как субъекта МИП являлся индивид, но — как член рода, его полномочный представитель. Выполняя с другими родственниками во время проведения религиозных обрядов и праздничных мистерий коммуникативные функции, служащие сплочению общины, передаче опыта, традиций своих родовых предков новым поколениям, укреплению и продолжению рода, он в то же время сам являлся носителем богатой и разнообразной информации, содержащейся в его внешнем облике, одежде и т.д. Информационную роль, элементы магии выполняли также прическа, раскраска тела — подрисовка под тотемное животное рода, ношение различных предметов. Антропотекстовая коммуникация играла большую роль в ходе общения индивидов как представителей конкретных родов, фратрий, племен, давая общающимся сторонам разнообразную информацию друг о друге.

Наибольшее число коллективных обрядов и обычаев, в которых участвовали все роды и фратрии племени, падает на земледельческие праздники — зимние, весенние и летне-осенние, отвечающие этапам сельскохозяйственных работ общины, в их числе обряд колядования, в котором сосредоточен большой набор магических средств, заключающих в себе идею плодородия; обрядовая запашка, масленица, игры вокруг майского дерева, летние обряды вызывания дождя, день летнего солнцестояния, связанный с солнечным культом и с почитанием земного плодородия, известный у славян как Иван Купала, начало жатвы, праздник завершения уборки урожая [8, с. 73–85].

Воздействие древних субъектов информационных процессов происходило не только в непосредственных контактах, но и опосредованно, с большим разрывом во времени благодаря созданным ими текстам. Неписаная литература мифов, легенд, преданий оказывала могущественное влияние на человеческий род. Становясь темой устного народного творчества, события первобытной истории в последующие эпохи превращались в легенды. Имея фантастический характер, они всегда содержали реальную основу. Так, замечательной реминисценцией эпохи матриархата является широко распространенная по всему земному шару легенда об амазонках [7, с. 73–85].

Сам факт того, что эти легенды дошли до наших дней, красноречиво доказывает взаимодействие субъектов МИП во времени — передачу старшими поколениями младшим родовых и племенных культов, обрядов, преданий, мифов, закрепленных в устных и письменных текстах, предметах материальной культуры. Правда, связь у них односторонняя: от предков — к потомкам. Новые поколения, получая в наследство эти тексты, в одних случаях бережно сохраняли их, ничего не изменяя, в других — добавляя и перерабатывая в соответствии со сложившимися к тому времени общественными воззрениями и идеологическими установками.

В развитом первобытном обществе коллективы рода и племени стремились к передаче потомкам прежде всего культа предков. Сначала — тотемного первопредка, который впоследствии был заменен культом умерших членов рода, племени, сыгравших известную общественную роль, родовых глав, воинов. Материальным объектом культа служило его изображение — идол, славянский «чур» или «щур», откуда и пошло слово «пращур». Предкам рода были посвящены многие первобытные мифы.

Сказки, передаваемые из поколения в поколение, служили не для развлечения, а играли воспитательную роль, давали оценку действительности, формировали социальный опыт людей. Герои сказок о животных и природе, как правило, были наделены человеческими качествами, поставлены в условия типично человеческой

деятельности. Звери, птицы, рыбы проявляют себя то ленивыми, то трудолюбивыми, то хитрыми и коварными, то добродушными. Такие образы призваны были формировать чувства и волю людей, их взгляды на окружающую действительность.

Сказки, ставившие в центр повествования человека, поднимали его до уровня бесстрашного покорителя природы, утверждали веру в его силу. Сказочные персонажи являлись обобщением существовавших в родовом обществе идеалов. Они действовали согласно нормам и этике родового строя [9, с. 53–58].

Важная роль отводилась субъектам массовых информационных процессов в общественном самоуправлении. Под самоуправлением обычно понимается управление делами территориальной общности, организации или коллектива, самостоятельно осуществляемое ее членами через выборные органы либо непосредственно (с помощью собраний, референдумов и т.п.). Основные признаки самоуправления — принадлежность публичной власти населению или избирателям соответствующей территории, членам общественной организации, коллектива; самостоятельность в решении вопросов внутренней жизни, отсутствие органов, назначаемых извне.

Самоуправление было присуще человеческому обществу с первых шагов его развития. Естественным складывавшиеся отношения кровного родства создавали готовую иерархию отношений в трудовой деятельности и в самоуправлении родом. Каждый член рода занимал прочное место в этой иерархии, которое предопределялось родством, полом, возрастом и никак не могло быть изменено человеком по собственной воле. Тем самым обеспечивался известный порядок, урегулированность всей жизни рода [10, с. 66].

В первобытном обществе все члены рода сообща управляли своей жизнью. На своем совете — демократическом собрании всех взрослых членов рода, мужчин и женщин, обладавших равным правом голоса, — они выбирали и смещали старейшин и военных вождей, выносили решения о выкупе или кровной мести за убитых членов рода, принимали посторонних в состав рода. Совет был верховной властью в роде.

Внутри родового строя не существовало еще никаких различий между правами и обязанностями, точно также невозможно было расслоение племени и рода на различные классы. В доклассовом самоуправляющемся обществе управленческая информация содержалась также в устных, нефиксированных текстах мифов, легенд, сказаний, цель которых состояла в сохранении и продолжении рода, сплочении членов рода, семьи, общины, передаче им накопленного опыта, культа предков, социализации новых поколений.

На иерархической лестнице самоуправления доклассового общества на первой, нижней ступени стояли род и семья. Управление жизнью семьи тоже шло коллективно, с помощью семейного совета, на котором взрослые члены семьи решали все проблемы. С появлением отцовского права, власти патриарха как главы семейной общины и семейного жреца в домашней религии культа предков, управление переходит в его руки. Следует, однако, сказать, что семья имела разные стадии развития в различных регионах и соответственно этому — разные формы управления.

Основным инструментом самоуправления сельской общины было общественное мнение, выразителем которого выступал мир на общинной сходке при решении различных вопросов. Так называемые мирские приговоры выносились по поводу увольнения и приема в общину, изгнания из общины за аморальное поведение, раздела земель общины, различных хозяйственных дел — городьбы поскотин, строительства мельниц, колодцев и т.п. Проявлялось общественное мнение и в общинных празднествах, играх. Это было сильное средство управления, поскольку влияние общественного мнения, как пишут философы, распространяется не только на мысли, но и на чувства человека, что усиливает стремление поступать в соответствии с требованиями среды, «срабатывает» совесть человека, сознание и чувство моральной ответственности за свои действия перед обществом, самооценка своих поступков.

Общественное мнение вездесуще, каждый человек находится в поле его зрения, так что контроль над ним постоянен и непрерывен. Это формирует надлежащую линию поведения людей, способствует

складыванию убеждений и привычек. Функции контроля реализуются общественным мнением без специально организуемых мероприятий, он может быть вообще молчаливым [11, с. 63–73]

Итак, в доклассовом, догосударственном обществе народ являлся основным и единственным субъектом массовой информации, которая выполняла довольно много различных функций, главными из которых можно считать управленческую и социализаторскую.

С возникновением государства и разделением общества на господствующие и подчиненные классы в коммуникативных связях, информационных процессах тоже произошли существенные изменения. В общих религиозных празднествах афинского рода, например, выделились жрецы, которые имели исключительное право совершать священные обряды в честь определенного бога, предполагаемого родоначальника рода. В результате разделения труда, зачатков частной собственности в рамках общины образовалась часть людей, не принимавших участия в общих делах. Аналогично в системах СМК появились индивиды, пассивные по отношению к живому коммуникативному действию. Произошло первое разделение на адресатов и адресантов. Возникли действия-зрелища «по заказу некоторых и специально для некоторых из моей общины». С изобретением буквенной письменности, которая стала применяться для записывания словесного творчества, в коммуникативной цепочке появилось новое звено, имевшее революционное значение для развития СМК — материально закрепленный текст, который привел к отчуждению, опосредованию связей: адресант — текст — адресат. В структуре общества оформились две подсистемы СМК — источник социальной информации и аудитории. Первая становилась все более однородной и была направлена на производство текстов, которые становились товаром, вторая — на их потребителей [6, с. 38–43]

Материально закрепленный текст привел к еще одному очень важному явлению: разделению системы массовой коммуникации на письменную и устную. Первая в дальнейшем стала использоваться в основном господствующими классами, вторая — неграмотными массами. Древние языческие культы, например, удержались в де-

ревне вплоть до XIX–XX вв. и были «формой проявления народных крестьянских воззрений, существовавших на своих тысячелетних исконных основах» [12, с. 605–606]. Древние мифы и первичный героический эпос превратились в народную богатырскую волшебную сказку и в таком виде дошли до наших дней. Церковь же с ее «международной культурой богословской литературы, живописи, храмоздательского и торжественно-театральной литургического действия стала, прежде всего, выразительницей феодальной идеологии» [12, с. 605].

Итак, наряду с полифункциональным народным субъектом информации, который продолжал функционировать в устных СМК, начал действовать новый тип субъекта с жестко закрепленными функциями. Первый был основан на коллективном творчестве народных масс, которое затем оформилось как фольклор, второй представлял собой особую группу людей, занимающуюся производством текстов. В деятельности этого коллектива исчезают непосредственные обратные связи, происходит индивидуализация творчества. Тексты уже предназначены не для себя, а для других, создаются по их заказу. Этот новый тип источника информации получает наибольшее распространение и становится господствующим над старым, полифункциональным в эпоху классовых социально-экономических формаций.

Группы адресантов — лиц, поставляющих потребителям информацию, в частности, жрецов, которые со временем выросли в целое сословие и взяли в свои руки идеологические, религиозные функции, часто передававшиеся по наследству, — приняли на себя роль официальных субъектов идеологической информация, стоявших на страже интересов господствующего класса, а иногда и соперничавших со светской властью. Примером высокоразвитого жречества могут служить друиды древних кельтов. «Составляя особую иерархически организованную корпорацию, друиды были единственными знатоками и толкователями племенных преданий и обычаев, держали про себя все знания, захватили в свои руки судебные функции и пр. ... Они достигли такой власти, что племенные вожди не могли принять никакого решения без санкций друидов» [7, с. 205].

Выделенные от своих общин в качестве их представителей перед божеством, живущие за счет труда других членов общины и занимающиеся исключительно культом, жрецы со временем становятся главной опорой государства, получают права царских чиновников, в результате чего уже не они зависят от общины, а наоборот, община от них. Правители, осознав необходимость обеспечить себе поддержку служителей культа, строили много храмов. Жрецы, со своей стороны, создавали учение о божественной, единой и вечной царской власти, возникшей в начале времен и передававшейся без перерыва из века в век [13, с. 240, 280].

Для утверждения этих идей сочинялись многочисленные гимны в честь богов и царей, псалмы, культовая лирика и т.д. В древней Месопотамии, например, было распространено учение, согласно которому единственным назначением людей, ради чего они и созданы, было обслуживание культа богов жертвоприношениями и трудом, а также содержание царя как представителя общин перед богом. В соответствии с этим учением и любые действия царя должны были восприниматься как осуществление божественных предначертаний.

Введение государственного аппарата для защиты отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя постепенно вытеснило родовые организации. Центральное управление, например, в Афинах, стало возвышаться над племенными органами управления. Независимо от рода, фратрии, племени общество Аттики было разделено на благородных, земледельцев и ремесленников. Благородным был передан надзор за религиозными делами, право обучения законам и толкование божественных и человеческих прав. Позже Солон разделил общество на классы уже не по роду занятий, а по размерам собственности индивидов. Это окончательно подорвало силу старой, родовой организации. Их заменили новые социальные организации: отдельная семья; патриархальная домашняя община, охватывавшая несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами и живущих одним двором; патронимия, представляющая собой группу родственных семей, происшедшую от разделения одной, семейной, общины, ведущую общее землепользование, носящую одно общее

имя, образующую отдельное поселение или улицу; сельская община [7, с. 121–123]. В этих социальных ячейках общества, продолжавших играть роль полифункциональных субъектов социальной информации, жили и передавались из поколения в поколение языческие предания, обычаи, мифы, сказки, легенды.

Части, на которые распался род, представляли собой большие патриархальные семьи, состоявшие из нескольких поколений. Они существовали и внутри рода, но там отец семейства не обладал той властью над членами семьи, которую он приобрел впоследствии. В родовом обществе дети принадлежали не столько отцу, сколько роду и родовое право защищало их.

Патриархальная семья составила вторую фазу общественного развития. Это была община кровных родственников, живущих под одной крышей и сообща ведущих свое хозяйство. Патриархальная домашняя община являлась не только основной социальной и экономической ячейкой, зарождающегося классового общества. Она была в то же время еще и религиозной общиной, отправляющей культ своих предков. Вся духовная жизнь семьи, ее деятельность как субъекта массовой коммуникации строилась именно на этой основе.

Известный русский исследователь истории социальных институтов М. М. Ковалевский уделил этой стороне жизни семьи большое внимание. «Если не иметь постоя — то совершенно нельзя понять ее внутренней организации» [14, с. 68]. Каждая семья составляла самостоятельный религиозный союз с собственными богами-покровителями, которыми являлись предки главы семьи. Считалось, что умершие предки помогали своим потомкам во всех делах. Их влиянию приписывались обильные урожаи, быстрый прирост скота, победы над врагами. Несчастья же, обрушившиеся на семью и родственников, также истолковывались как месть духов предков за то, что живущие не выполняют по отношению к ним своего долга. Долг этот состоял, прежде всего, в постоянных жертвоприношениях семейным божествам, чтобы они всегда были сыты и довольны. Древние люди считали, будто после смерти человека душа его продолжает жить так же, как и раньше, что она нуждается в питании и постоянной за-

боте со стороны своих потомков, кровных родственников. В древних верованиях еще не существовало христианского рая, чистилища, ада. Душа умершего не уносилась на небо, а оставалась жить здесь же, под землей, где был захоронен предок. Как прежде члены рода почитали тотемного первопредка, которому они обязаны своим существованием и в божественной силе которого находили защиту, так и члены патриархальной семьи почитали общего предка, прародителя.

Почитание предков было неразрывно связано с существованием патриархальной семьи и утверждением власти мужа и отца, так как этот культ предков переходил от мужчины к мужчине. Женщина не могла участвовать в нем помимо отца и мужа. Глава семьи старался строго соблюдать все ритуалы и обычаи, связанные с культом предков, и следить за их соблюдением сыновьями и другими родственниками, живущими с ним под одной крышей, сознавая, что от этого будет зависеть и его благополучие, когда он перейдет в мир иной и станет духом семьи. «Ни живой не мог обойтись без мертвого, ни мертвый, без живого. Тесная связь устанавливалась между всеми поколениями одной и той же семьи и делала из нее что-то вечное и нераздельное» [14, с. 60–61].

Патриархальная власть в семейной общине была не просто властью мужчины, она в такой же мере была и властью жреца. Отец, являясь главой домашней религии, отправлял все церемонии культа, как он научился им от своего отца. Никто в семье не оспаривал его жреческого главенства. Даже город и его жрецы ничего не могли изменить в его культе. Как жрец своего домашнего алтаря он не признавал над собой никакой высшей власти. Семья и религия крепко срослись друг с другом через него, потому что отец представлял в своем лице целый ряд потомков, на нем покоился домашний культ. И когда наступала смерть, он делался божеством, которому поклонялись потомки. Трудно было преувеличить значение религиозного авторитета для патриарха: против родителя и против господина можно было восстать, но перед жрецом нужно было преклониться [15, с. 319–321].

Содержание текстов, производимых семейным коллективом, оставалось тем же, что и в родовом обществе: они были направлены

на сохранение и продолжение своего рода, сплочение членов семейной общины на основе культа предков, социализацию новых поколений. Семейное традиционное воспитание ставило своей целью включить ребенка в религиозно-мифологическую среду, управляющую жизнью общины — раскрыть перед ним невидимый магический мир предков, приобщить к ценностям семейного коллектива, подготовить к социально-экономической роли, которую ему предстоит играть в обществе.

Распространение христианства привело к постепенному вытеснению семейных культов, что, естественно, сказалось в первую очередь на главе патриархальной общины. Он лишился своей божественности, своих жреческих полномочий, а вместе с ними и той власти над членами семьи, которую они ему давали. Церковники взяли семью под свое особое попечение, понимая, что именно там находится главный источник языческой религии. «Дать семье христианскую основу, уничтожить в ней все, что могло еще оставить там языческое время, вот к чему стремилась русская церковь в течение первых столетий христианства» [16, с. 7–8]. Христианство ввело брачные церемонии, единобрачие, уравнило мужчину и женщину перед богом.

Будучи не в силах до конца искоренить языческие ритуалы и верования, церковь пошла на компромисс: старинные обряды и праздники были допущены, но приурочены к датам церковного календаря, к датам памяти святых. Именно этим путем многочисленные имена святых проникли в народный календарь, вытеснив древние местные божества или просто покрыв их своими именами [17, с. 212]. Несмотря на эти ухищрения, полифункциональный, неофициальный субъект массовых информационных процессов не был побежден, он действует и поныне.

Подчеркнем, что народ всегда был и остается субъектом массовых информационных процессов. Объектом же информационного воздействия его сделали господствующие классы. Однако народ от этого не перестал быть творцом массовой информации, которая носит неофициальный характер. Независимо от государственной пропаганды устное народное творчество давало собственную оценку всем важнейшим событиям.

Наряду с полифункциональным выделился и другой народный субъект МИП — с жестко закрепленными функциями производителя и распространителя неофициальных идеологических текстов, которые в противовес официальной трактовке по-своему комментировали многие явления общественной жизни средневековья. Кельтские барды и ионические рапсоды, скандинавские скальды, германские миннезингеры, французские трубадуры, менестрели и сербские гусяры, малороссийские кобзари, бандуристы и русские скоморохи — у каждого народа были свои носители этого творчества. Ярким примером народной публицистики служат украинских думы и исторические песни — многогранное устное поэтическое творчество, отображающее разнообразные стороны народной жизни, быта, психологии, обобщающее исторический и социальный опыт народа.

Итак, в антагонистическом обществе, где каждый социальный класс создает собственную культуру, субъект массовых информационных процессов имеет ярко выраженный классовый характер. Субъекты управляющей части общества, как правило, занимают ведущее положение и имеют наиболее благоприятные условия для информационно-пропагандистской деятельности, поскольку известно, что господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса. Субъект, выражающий такие идеи, обычно носит название официального, неофициальный же высказывает мнение народа.

Субъект МИП дифференцируется также по функциональному признаку. С одной стороны, это группа профессионалов — журналистов, агитаторов, пропагандистов, работников других идеологических специальностей с жестко закрепленными функциями организаторов информационного процесса, создателей и распространителей текстов. С другой стороны, это полифункциональный субъект массовой коммуникации без закрепления таких функций за участниками информационного процесса. Он совмещает в себе и функции источника информации, и функции аудитории, выражает неофициальное общественное мнение, мысли народа, отдельных его слоев и групп.

С изменением социальных и политических условий официальный и неофициальный субъекты МИП иногда меняются местами. Так, например, после Октябрьской революции неофициальные субъекты — нелегальные большевистские издания — перешли в разряд официальных, а церковь, занимавшая в дореволюционной России господствующее положение в идеологии, была отделена от школы и государства и превратилась, таким образом, в неофициальный субъект.

Одной из главных функций субъекта МИП является функция социального управления. Вся иерархия многочисленных функций СМК служит, в конечном счете, этой задаче. Так, основные функции советской журналистики — агитационная, пропагандистская, организационная — были направлены на выполнение основной цели СМК — управление обществом, обработку людей людьми. Они, равно как и другие функции, выделяемые разными исследователями СМИ (информационная, просветительская, воспитательная, регулятивная, гедонистическая, познавательная, коммуникативная и т.д.), по сути, являются конкретизацией одной общей генерализующей функции СМК — функции социального управления. Поэтому деятельность субъектов МИП, средств массовой информации необходимо, на наш взгляд, рассматривать также и в неразрывной связи с развитием управления обществом, параллельно с ним. Ведь каждому историческому этапу управления соответствуют свои типы и виды информационных источников. Так, в самоуправляющемся обществе его члены сами производят управленческую информацию. Общество же, которое управляется извне, свыше, получает и соответствующую информацию извне. Массовая информация есть функция управляющей системы. При государственном управлении — это информация для масс (как и управление для народа), а при самоуправлении общества — это информация самих масс (как и управление народом посредством самого народа).

Самоуправление народа, отправной точкой которого служила непосредственная демократия в форме общих собраний членов родовой общины внизу и представительная демократия в форме племенных советов наверху, в какой-то мере повторяет себя на ны-

нешнем витке развития общества: прямая демократия в управлении семьей, неформальными группами, трудовыми коллективами и представительная в выборных органах. Существенная разница состоит лишь том, что древние социальные ячейки самостоятельно решали все свои жизненные проблемы, а нынешние — бесправны, поскольку функции управления у них были отобраны централизованной государственной властью. Основная задача сегодня — вернуть им самостоятельность, без которой самоуправление народа останется лишь добрым пожеланием.

Для успешного самоуправления народа через СМК необходим высокий уровень информационной культуры всего общества. Критериями информатизации является степень информирования его в целом — от высших эшелонов власти до отдельного индивида. Свободный доступ к любой информации (кроме государственной и коммерческой секретной) стимулирует нарастание групповой и личной инициативы — единственного реального источника и ресурса решения большинства глобальных и региональных проблем. Важно также, чтобы среди граждан существовал интерес к формам управления, знаниям о составе и функционировании правительственного аппарата, иначе их очень трудно будет подвигнуть на осуществление какого-либо контроля над ним. Поэтому необходимо поддержание в этой сфере определенного уровня информированности и интереса масс, который по силам создать СМИ. Через них политологи и журналисты могут распространять знания о политике, политической практике, формировать из читателей, слушателей, зрителей полноправных, активных, компетентных политических субъектов [18, с. 21–22; 19, с. 17–18]. Политический интерес и активность нужно, на наш взгляд, развивать у аудитории СМИ, начиная с юношеских и молодежных периодических изданий, радио- и телепередач, сайтов, если общество хочет, чтобы его члены не были в своей массе пассивными созерцателями окружающей действительности и видели в новых медиа лишь средства развлечения.

Блогосфера и социальные сети в интернете стали тем информационным полем, на котором взошли всходы давно посеянных

семян участия населения в деятельности СМИ. Однако обсуждение общественно важных проблем или то, что сегодня называют «гражданской журналистикой», занимает в этом бескрайнем народном информационном море столь незначительное место, что его вряд ли можно выразить в долях процента. Удручает низкое качество любительских материалов, большой объем информационного шума, спама, безответственность авторов в подаче фактов, дезинформация, фейки, использование в комментариях ненормативной лексики и др. Видимо, развитие «гражданской журналистики» нужно начинать с восстановления культурного уровня народа, который существенно снизился за последние десятилетия, обучения его правилам дискуссии и хорошим манерам, с воспитания молодого поколения в духе гражданской активности и социальной ответственности.

Итак, с приходом новых интернет-технологий существенно меняется характер массовых информационных процессов. Народ получает возможность наряду с устными коммуникациями использовать в своей информационной деятельности и технические. Благодаря этому, разрушается монополия СМИ на производство и распространение информации. Использование компьютерных сетей в интерактивном режиме перечеркивает один из главных факторов СМИ — пассивность получателя информации, который теперь может не только участвовать в производстве информации, но и искать информацию без посредничества и интерпретации СМИ. Народ становится полноправным производителем массовой информации, как это было в доклассовом обществе, но уже на новом историческом витке. Как он воспользуется этой открывшейся возможностью? Насколько эффективно будет применять для дальнейшего развития общества? От этого будет зависеть и развитие традиционных СМИ, которые неожиданно могут оказаться на обочине информационных супермагистралей.

Возрождение субъектно-субъектных отношений между СМИ и их аудиторией восстанавливает естественный процесс коммуникативных действий, направленных на со-общение, со-знание, со-гласие, со-слово, со-весть, со-мыслие. Совместное бытие, со-бытие издревле диктовало все эти общие правила, чтобы человеческое общество

могло нормально существовать и развиваться во времени и в пространстве. Диалогизм, обеспечивающий людям взаимопонимание, возможность свободного обсуждения всех жизненно важных проблем и принятия наиболее оптимальных решений, может быть восстановлен на качественно новом уровне как внутри нашего общества, так и на глобальном уровне между различными странами и народами. Использование его всеми в гуманных целях ведет к взаимообогащению, к более высокому материальному и духовному развитию. Ведь основной стержень-идея коммуникации — это со-общение культурных опытов человечества [20, с. 10–12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер.— М., 1983.
2. Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика / Л. М. Землянова.— М., 1995.
3. Философская энциклопедия. В 5-ти тт.— М., 1970. Т. 4.
4. Окладников А. П. Утро искусства / А. П. Окладников.— Л., 1967.
5. Мосейко А. Н. Идеология в странах Тропической Африки / А. Н. Мосейко.— М., 1985.
6. Буданцев Ю. П. В контексте жизни: системный подход и массовая коммуникация / Ю. П. Буданцев.— М., 1979.
7. Косвен М. Очерки истории первобытной культуры / М. Косвен.— М., 1953.
8. Покровская Л. В. Земледельческая обрядность / Л. В. Покровская // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев.— М., 1983.
9. Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества / А. Ф. Анисимов.— М., 1966.
10. Филиппов Г. Г. Социальная организация и политическая власть / Г. Г. Филиппов.— М., 1985.
11. Тарасенко А. А. Общественное мнение и поведение личности / А. А. Тарасенко.— Минск, 1975.
12. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков.— М., 1981. С. 605–606.
13. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия.— М., 1983.
14. Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М. М. Ковалевский.— СПб, 1896.
15. Гроссе Э. Формы семьи и формы хозяйства / Э. Гроссе.— М., 1898.
16. Добряков А. Русская женщина в домонгольский период / А. Добряков.— М., 1864.
17. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год.— М., 1985.
18. Байчоров Д. М. Введение в политологию / Д. М. Байчоров.— Минск, 1991.
19. Основы политологии.— М., 1990.
20. Березин В. М. Теория массовой коммуникации / В. М. Березин.— М., 1997

ОБОЗРЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ РЕГИОНОВ

Ю. М. Ершов

*Филиал Московского государственного
университета в г. Севастополе*

7 февраля 2014 года на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2013 году. Регионы в российском медиапространстве» прозвучал мой доклад о нелегкой судьбе местной журналистики. И в том же году журнал «Журналист. Социальные коммуникации» опубликовал мою статью «Местная пресса выпадает из национальной медиасистемы России», подготовленную на основе названного доклада на факультете журналистики МГУ [1]. Поскольку с той поры прошло почти десять лет, временная дистанция позволяет рассмотреть, что изменилось в контексте национальной медиасистемы, что приобрела и что утратила местная пресса. В этой статье, написанной по следам прошлых докладов и публикаций, я постараюсь уточнить некоторые идеи, высказанные ранее в моих трудах, посвященных прессе регионов [2-6].

Порой кажется, что хуже ничего быть не может, но происходит нечто, пробивающее дно и освещающее в ином свете прежние страхи и переживания. Пафос алармизма, которым пронизана публикация 2014 года, оказался чрезмерен. Речь тогда шла уже о том, чтобы «отключить больного от аппарата дыхания или какой-то шанс выбраться из комы у него ещё есть». Региональная пресса не умерла, и вопрос о ее скорой кончине пока что снят с повестки дня. Появились примеры успешного перехода местных редакций из принта в интернет. Благодаря такой трансформации суммарная аудитория (бумага + веб) даже выросла. Печатные издания стали дружнее объединяться в холдинги — более жизнеспособные экономические конструкции.

Нельзя сказать, что региональная пресса нашла ноу-хау существования в эпоху «большой цифры» и окончательно переломила процессы деградации, но про «искусственную вентиляцию легких» уже речи нет. Всё ещё слаба, но жить будет.

За счёт чего региональная пресса выживает? Хотелось бы сказать, что за счёт технологических инноваций и новых способов хозяйствования. Но нет. «Выжить и не прекратить финансово-хозяйственную деятельность редакциям во многом помогли меры государственной поддержки — включение печатных СМИ в список наиболее пострадавших от пандемии отраслей экономики, отсрочка платежей по налогам и аренде, субсидии на выплату заработной платы сотрудникам (при условии сохранения рабочих мест), а также льготное кредитование (под 2%) на выплату заработной платы» [7]. То есть государство в который раз спасает малую прессу, хотя бюджетные вливания не такие уж малые. Объем государственной поддержки СМИ на региональном уровне, по оценке Общероссийского Народного Фронта, составляет около 32–33 млрд. рублей в год [7]. Тысячи региональных и муниципальных СМИ регулярно получают государственную помощь на свою деятельность. И она существенна, как мы видим, хотя представители отрасли чаще всего считают ее недостаточной.

Каковы количественные параметры региональной прессы? В 2013 году премьер-министр озвучил в День российской печати цифру — 90 тысяч СМИ в нашей стране. Мы с коллегами тогда усомнились в точности данных, посчитав включение в эти показатели всех, кто зарегистрировал когда-то средство массовой информации, но по каким-то причинам прекратил или даже не начинал выпуск издания или программы. 13 января 2022 заместитель Председателя Правительства Дмитрий Чернышенко поздравил журналистов и сотрудников СМИ с профессиональным праздником, назвав другую цифру: «По данным Роскомнадзора, в России распространяется свыше 60,5 тыс. средств массовой информации» [8]. Получается, что за последнюю декаду количество СМИ в стране сократилось на треть. Даже и без анализа сборников государственной и профессиональной статистики можно угадать, что в этой «убыли» самая большая доля не у федераль-

ных, а у региональных и местных СМИ. Однако в отличие от «плача Ярославны» по безвозвратным потерям 2013 года в 2023 году мы не оцениваем количественное уменьшение однозначно негативно. Что должно умереть — должно исчезнуть.

Главная проблема местной прессы — это отсутствие платежеспособного спроса на нее. Муниципальные издания приучили своих читателей к тому, что газета как социально значимый товар стоит дешево, а чаще раздается бесплатно. Лежащие пачками в присутственных местах, забивающие почтовые ящики, в лучшем случае почитываемые пенсионерами на скамеечках у подъездов муниципальные газеты бесплатного распространения подрывают информационный рынок и обесценивают журналистский продукт. Так, например, в 111 муниципальных округах Санкт-Петербурга выпускают свои газеты, на которые за три года потрачено более полумиллиарда бюджетных рублей. Среди этих сотен газет есть профессионально сделанные и популярные в народе, но есть такие, что выпускаются на уровне школьных стенгазет (сплошным «кирпичом» без попыток развернуть текст на колонки). Об этом пишут в «Фонтанке» Денис Лебедев и Ксения Клочкова [9].

Под одним из выводов статьи 2014 года я и сегодня готов подписаться. «То, что осталось от местных СМИ, надо не спасать и не консервировать, а реформировать. Наша провинциальная журналистка не прошла необходимую модернизацию и осталась в реликтовом излучении сталинизма... Просвещенная публика ожидает от региональных СМИ большей самостоятельности и социальной ответственности. Власти тоже недовольны своими карманными газетами и нерейтинговыми телеканалами, что озвучено в угрозе премьера передать всё это нерентабельное хозяйство в частные руки». Конечно, никакой приватизации региональных медиа-активов не будет хотя бы потому, что это по большей части неликвидные активы. Но потому ещё, что в последнее десятилетие трендом было огосударствление, а не продажа СМИ частным компаниям.

В регионах продолжается процесс объединения печатных изданий в холдинги, а в национальных республиках он идёт быстрее.

По примеру АО «ТАТМЕДИА», созданного указом Президента Республики Татарстан в 2007 и объединившего 98 районных, городских и республиканских газет в других регионах областные и краевые администрации тоже создают группы компаний под одним управляющим началом. Например, в Удмуртии редакции пяти изданий объединились в одно юридическое лицо — «Издательский дом национальной прессы». Удмуртское республиканское агентство печати и массовых коммуникаций осуществляет функции хозяйствования и не даст взятым на баланс газетам и журналам пропасть. В Крыму в 2022 году обанкротилась газета «Слава Севастополя», которая издавалась с 1917 года. Однако по распоряжению губернатора Управление информационной политики города Севастополя осуществило переучреждение этой газеты в новом статусе и формате. Теперь это сетевое издание.

Медленный, но неуклонный дрейф региональной прессы в интернет-пространство — это, пожалуй, главная тенденция обозреваемой декады. Сайты у городских и районных газет появились давно, но за десять лет у них прилично приросла аудитория. Аудитория появилась и потому, что в провинции широкополосный интернет стал относительно недорог и доступен. Но главным образом потому, что по полноте и качеству актуальной информации местным газетам не оказалось равных. Некоторые «районки» с обживанием интернет-пространства почувствовали себя информационными агентствами — фабриками новостей. Это позволило редакциям сформировать вокруг себя местные сообщества или наладить сотрудничество с уже созданными, чтобы стать агентами их коммуникаций.

Вместе с тем вхождение в виртуальное пространство коммуникаций принесло локальным СМИ новые проблемы. Журналисты увидели, что их газетная аудитория, скажем так, не конвертируется в скроллинг, репосты и интернет-клики. Интернет-читатель иначе ведет себя: он в большей степени настроен на легкое чтение и развлекательный контент. Но самое печальное то, что прирост аудитории за счёт интернет-юзеров не привел к такому же приросту рекламных доходов. Рекламные посты, реклама контекстная и баннерная приносит пока меньше дохода, чем продажа квадратных сантиметров

площади в газетах. Эксперты связывают потери рекламных заказов и с новым поколением маркетологов, которое при медиапланировании и распределении бюджетов не воспринимают газеты как рекламный инвентарь. Потому что представители этой новой генерации газеты читать непривычны, они всю свою недолгую жизнь прожили в социальных сетях и мессенджерах.

В последние годы обозреваемого десятилетия у региональной прессы случилось три «обморока» подряд, повлиявших на финансовое состояние редакций. Во-первых, коронавирусная пандемия обрушила на 55–65% объемы прямой рекламы. Редакциям пришлось менять налаженную логистику доставки газет. Вторым потрясением стало изменение алгоритмов поисковиков «Яндекс» и Google, нацеленных на более высокий уровень индексации оптимизированных медийных ресурсов. Редакции приходили в исступление, бессильно наблюдая, как их интернет-аудитория тает на глазах. Третьим испытанием на прочность стала специальная военная операция, с началом которой доля федеральной повестки в информационном пространстве снова увеличилась в разы, как это было уже и при пандемии COVID-19. Наш мониторинг городских и районных газет в разных регионах показывает, что почти никакой информации о СВО местные издания не публикуют, расходясь таким образом не только с федеральной повесткой, но и с личной — с тем, что волнует каждого гражданина.

Если СВО и карантинная изоляция стали форс-мажором для локальной прессы, то понижение в поисковых запросах можно было бы нивелировать, будь в редакции квалифицированный айтишник. Региональные СМИ десятилетиями жаловались на нехватку пишущих авторов и непоявление у них молодых специалистов с дипломом журфака. Но в последние годы самый большой кадровый запрос у редакций не на корреспондентов, а на гуманитариев с инженерным мышлением: на программистов, веб-дизайнеров, SMM-специалистов. Очевидно, что острейший дефицит в медиаотрасли специалистов компьютерных дел должен повлечь изменения в учебных планах факультетов журналистики, где сегодня междисциплинарного взаимодействия IT и media studies за редким исключением не наблюдается.

Необходимость скорее оснастить редакции местных СМИ квалифицированными журналистами-программистами актуализирована еще и потому, что у региональной прессы появился конкурент там, где редакции его и не ждали. Это гиперлокальные медиа в виде новостных сообществ социальных сетей. Такие паблики, как «Подслушано Ярославль», побивают старейшую областную газету «Северный край». У газеты тираж 8000 экземпляров, а у публичной страницы «Подслушано Ярославль» 337 000 подписчиков. Можно раскритиковать ленту новостей паблика с точки зрения профессиональных стандартов журналистики — это нетрудно сделать. Но паблик не регистрируется как СМИ и не претендует на профессиональные стандарты, публикуя вести с мест. Однако при населении Ярославля чуть более полумиллиона человек 337 тысяч подписаны, заходят, читают и комментируют новости паблика, а не публикации областной ежедневной газеты. Заметим, что, если бы в Ярославле и других городах местные газеты выполняли свои коммуникативные и интегративные функции, вряд ли в стране появилось бы 1259 гиперлокальных медиа-комьюнити с названием «Подслушано в...» [10].

Подводя итог обзору основных событий и трендов последнего десятилетия, подтвердим вывод о двух существенных характеристиках региональной прессы, за счёт которых она не выпала из национальной медиасистемы, хотя и уступила часть своей аудитории новым медиа. Первая характеристика — консерватизм. И в организации содержания, и в оформлении газет проглядывают традиции советской эпохи, что на повестку ставит вопрос о том, а можно ли нашу локальную периодическую печать как-то реорганизовать или она принципиально не реформируема и уйдёт только с последним подписчиком, рожденным в СССР. Консерватизм местной прессы так силен, что в нашу стремительную эпоху оборачивается неожиданным преимуществом. Должна же бы какая-то стабильность? Ну, вот газеты «Северный край» и «Слава Севастополя» выходят больше века и замахиваются на следующее столетие, переходя в сетевой формат и завоёвывая новых читателей.

Вторая существенная характеристика журналистики регионов — адаптивность, которую можно ещё назвать живучестью. Муници-

пальные городские и районные газеты пережили многих городничих и мэров, бандитский и олигархический капитализм, финансовые кризисы, падение тиражей, повальное увлечение социальными сетями и должны были бы уже давно кануть в Лету вместе с тарансами, керогазами, отрывными календарями-численниками и пейджерами. Но они остаются самым распространенным видом СМИ в нашей стране по количеству зарегистрированных редакций. Да и по количеству работающих в них сотрудников они составляют самый большой отряд журналистов — львиную долю тех, кто входит в Союз журналистов России. Одно это оправдывает усилия учёных, посвятивших какую-то часть своей жизни медиарегионалистике. Счастлив, что я тоже попал в этот ареопаг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ершов Ю. М. Местная пресса выпадает из национальной медиасистемы России // Журналист. Социальные коммуникации. — 2014. — № 2(14). — С. 55–59.
2. Ершов Ю. М. Местная пресса как скрепа социальных пространств // Вопросы журналистики. Национальный исследовательский Томский государственный университет. — Томск. — № 8. — 2020. — С. 49–70.
3. Ершов Ю. М. Диалектика становления и угасания медиабизнеса в регионах // Журналистика 2013: Регионы в российском медиапространстве: Сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф.— М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014.— С. 16.
4. Ершов Ю. М. Телевидение регионов в поиске моделей развития. Ю. М. Ершов. — М.: Издательство Московского университета, 2012.— 340 с.
5. Ершов Ю. М. Локальная журналистика versus столичная: о феномене провинциального сознания в медиасфере // Журналистский ежегодник. — 2012. — № 1.— Томск: Издательство ТГУ. 2012. С. 16–19.
6. Ершов Ю. М. Информационный потенциал регионов // Медиаскоп. 2008. № 2. С. 21.
7. Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад / Под общ. ред. В. В. Григорьева.— М.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2021.— 130 с.
8. Дмитрий Чернышенко: В России распространяется свыше 60,5 тыс. СМИ. Режим доступа: <http://government.ru/news/44323> (дата обращения 12.04.2023).
9. Денис Лебедев, Ксения Ключкова. Бесплатное распространение 500 миллионов. Как 111 муниципалитетов издают свои газеты». Режим доступа: <https://www.fontanka.ru/2022/12/22/71919800/> (дата обращения 12.04.2023).
10. Ершов Ю. М. Гиперлокальные медиа Севастополя // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия, издательство Факультет журналистики МГУ (Москва), С. 80–81.

РЕГИОНАЛИЗМ В ЭВОЛЮЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ РОССИИ КАК СИСТЕМЫ

Г. В. Жирков

*Санкт-Петербургский государственный
университет*

Основы системы русской журналистики были заложены еще Петром Великим. Созидая новое информационное пространство России, Петр Великий решал сложную задачу: ранее особенности этого пространства определялись деятельностью Русской православной церкви [1]. Она **заложила** в нем традиции духовности, способствовала организации духовной жизни государства, укреплению его единства, объединению народа вокруг монарха. В ее руках были материальная база, кадры, книгопечатание и главное — устная коммуникация с такими мощными и блестящими центрами общения с паствой, как соборы и храмы. Однако переход от духовного книгопечатания к светскому и периодике фактически еще не начинался. Это тормозило развитие информационно-коммуникативного пространства государства.

Существенную для общества дилемму: взаимодействие Церкви и Государства Петр I решал, хотя и болезненно для священнослужителей, но вполне разумно с государственной точки зрения. Традиционная духовная коммуникация в стране продолжала функционировать, а Церковь опекать народ и призывать его к борьбе с иноземцами. Протоиерей Г. Флоровский писал о Петровской церковной реформе: «Это был властный и резкий опыт государственной секуляризации... Опыт этот удался. В этом весь смысл, вся новизна, вся острота, вся необратимость Петровской реформы» [2].

Эпоха Петра Великого привела к почвенным изменениям в информационном пространстве общества: создание светской издательской базы, гражданского алфавита и шрифта, обогащение языка,

организация оперативной информационной системы, выпуск разного типа светской литературы, основание светской печати и др. Петр I налаживает выпуск светской периодики, первой русской газеты «Ведомости Московского государства» [3], вышедшей в декабре 1702 г.

Русская журналистика [4] стала развиваться как *система из двух подсистем — светской и духовно-религиозной*. При этом были заложены основы государственного, светского информирования общества. Одновременно использовались возможности и духовной коммуникации. *Журналистика была включена в государственную систему управления, что определит особое положение в ней официальной печати*. Этим Петр I создал традицию, которая получит развитие на протяжении XVIII — XX веков — вплоть до 1990-х годов, когда журналистика станет добычей дикого рынка. Всем этим было предопределено развитие в региональной журналистике светской и духовной печати и литературы, светских и религиозных типов изданий.

«Ведомости Московского государства» положили начало основному — на долгое время — типу изданий, наиболее распространенному в России, — официальной газете. До сих пор в системе нашей журналистики есть напоминание о ней в названиях многих изданий. В системе информационной службы общества Петр I отводил значительное место официальным летучим листкам, с помощью которых власть не только информировала население, но и воздействовала в необходимом для нее направлении на общественное мнение страны. Эти листки включали манифесты, указы, разные правительственные распоряжения в виде отдельных оттисков, служивших для информирования населения и разъяснения внутренней и внешней политики власти. В связи с проводимыми в обществе реформами при Петре I велась большая законодательная работа, создавались сотни документов, регламентирующих социально-политическую жизнь общества, деятельность новых учреждений. Царь посчитал необходимым упорядочить законодательную работу и широко информировать о ней население своей державы. 16 марта 1714 г. появился его указ — «О печатании и продаже в народ указов». Эти документы печатались как *летучие листки* на одной стороне бумаги с тем, чтобы их можно было

вывешивать в людных местах. Подчас они имели тиражи 20–24 тысячи экземпляров и были наиболее оперативными и распространяемыми тогда в центре и на местах печатными изданиями — *официальными* летучими листками [5].

Через них Петр информировал подданных об основных требованиях к ним, о законах; разъяснял значение важнейших событий мировой и внутренней жизни страны; сообщал о тех мерах, которые предпринимаются правительством, и т.д. Отношение царя к этой печатной продукции характеризует его приказ И. А. Мусину-Пушкину от 10 сентября 1709 г.: «При сем посылаю к вам манифест о возвращении короля Августа в Польшу, против которого вели печатать и для ведома в народе продавать» [6]. Народ был основным адресатом этих летучих листов.

Практика их выпуска послужит моделью при создании первых периодических официальных печатных изданий в последующие годы. На протяжении XVIII — XIX вв. в России сложилась разветвленная сеть официальной печати, а властные структуры общества фактически имели монополию на печать. Этому способствовало то, что ее материальная база закладывалась как государственная собственность. Заботясь о просвещении подданных и совершенствовании делопроизводства, Александр I разрешил с 1802 г. открывать частные типографии. Их число в столице быстро увеличилось — с 5 в 1802 г. до 20 в 1811 г. Частные типографии находились под жестким контролем цензурного ведомства. В 1807 г. император Высочайше утвердил рескрипт об *открытии типографий во всех губернских городах*, что создавало почву для развития провинциальной печати [7]. К началу XX в. в стране насчитывалось 204 предприятия [8].

Большая протяженность территории государства — от Балтики до Тихого океана — всегда ставила перед его управлением сложные проблемы взаимодействия центра государства и его окраин, информирования населяющих его народов; определяла огромное значение в нем бюрократии разного ранга, полиции и коммуникаций, включая журналистику как важнейшее средство информирования и управления обществом, формирования общественного мнения,

контроля за ним и впоследствии, в ходе и после Первой мировой войны — манипулирования им.

Официальная периодика станет интенсивно развиваться в XIX в. и постепенно охватит всю страну, все слои ее населения [9]. Значительную роль в этом сыграл император Николай I (годы его правления — 1825–1855). Центрируя управление государством, увеличивая и совершенствуя его аппарат, он создал *сеть губернских ведомостей*, возникших как составная часть бюрократического аппарата и постепенно развивавшихся в то, что мы подразумеваем под газетой. Именно в период его царствования страна была всесторонне охвачена не только бюрократическими структурами, но и сетью официальной печати — столичной, ведомственной и провинциальной. Эта периодика имела большое значение в развитии и становлении в России культуры, в повышении грамотности населения, в его просвещении [10]. С 1860-х годов в стране Церковью была налажена сеть епархиальных ведомостей [11]. Таким образом, *региональная журналистика начинает свой путь в XIX в. как официальная периодика двух подсистем журналистики*. Следует сделать оговорку: наряду с официальной журналистикой в России почти с самого ее рождения функционировала частная печать, число изданий которой постепенно увеличивалось вместе с развитием информационного рынка и освобождением его от опеки власти [12].

Становление светской коммуникации в России на протяжении XVIII–XIX вв., проходившее в ходе развития процесса секуляризации общества, снизило эффективность воздействия на него духовной коммуникации, сузило возможности контроля Церковью за поведением паствы. Здесь, оказалось, было заложено множество проблем, обойденных исследователями: процесс взаимодействия светской и духовной коммуникаций, литературы, журналистики; светская коммуникация в контексте духовной и наоборот — духовная коммуникация в контексте светского государства, процесс взаимодействия и взаимовлияния духовной и светской цензуры и др. Между тем эти проблемы существенно влияли на контент информационного процесса, на журналистику.

Длительный период вплоть до эпохи Петра Великого в основе этого контента господствовала *позитивная моделирующая функция духовной коммуникации* (устной, рукописной, печатной). С помощью духовного слова, визуального образа, звукового и декоративного их оформления духовные публицисты, используя оригинальные жанры: житие святых, слово, проповедь, молитва и другое, моделировали поведение паствы. Духовная публицистика стала истоком древнерусской литературы. Это — наше бесценное наследие, насыщенное высокими нравственными, патриотическими идеалами, образцами соответствующего им поведения человека.

Еще в допетровский господства моделирующая функция, как я ее определяю, развивалась, проявляла себя в информационном процессе особенно ярко. В этом были заинтересованы само общество (как бы в целях самосохранения) и, конечно, властные структуры — в первую очередь, Церковь, которая тогда к ним относилась и которая контролировала информационный процесс. Отсюда назидательный характер духовной публицистики. Ее произведения, к примеру, молитвы, нередко содержали, говоря обыденным языком, инструкции, как себя вести. Вот фрагмент из широко известной, краткой, но емкой по смыслу Молитвы преподобных отцов и старцев оптинских:

«Господи, дай мне разумно действовать с каждым из ближних моих, никого не огорчая и никого не смущая.

Господи, дай мне силу перенести утомление сего дня и сего события в течение его. Руководи моею волею и научи молиться и любить всех нелицемерно».

Духовная коммуникация, рассчитанная на народ в целом, фактически занималась по отношению к пастве выстраиванием поведения пасомых. Она предлагала самую что ни на есть позитивную модель поведения в рамках существующего общества, осуждая антиобщественные поступки, говоря и о противоречиях, слабостях человека, не акцентируя все-таки внимание на них. По мысли историка В. О. Ключевского, «летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни» [13]. Сердцевиной этой модели были жития святых и иконы, посвященные им, описывающие и рисующие

его жизненный путь, полный подвижничества. Ключевский подчеркивает: «Задача жития — задача нравственно-назидательная». Святой прославляется «с целью вызвать подражание его подвигам» [14].

Информационный процесс этого протяженного во времени периода контролировался духовной властью. Духовенство считало себя единственным обладателем истины и не выпускало из своих рук просвещение народа [15]. Мысль — общественная — была ее монополией. Попытки мыслить иначе жестко и жестоко подавлялись.

Однако процесс секуляризации общества был необратим: реализм в борьбе с идеализмом прогрессировал под напором естественно-научного знания, так называемого прогресса цивилизации, становления и расцвета литературного процесса. Образная словесная информация (литература, публицистика), отражавшая реальную жизнедеятельность человека в ее разнообразии и многообразии, уже не была столь центрирована на позитивной моделирующей функции, как это было у духовной коммуникации. Ее героями становятся Онегин, Печорин, Обломов, Базаров... В сложившихся условиях реализм литературы, более полно отражавший нашу грешную жизнь, вел к размыванию качественных ценностей, пропагандируемых духовной публицистикой, снижал их идеализм, что вело и к определенному противостоянию Церкви светским литераторам. Это тоже интересная и богатая страница нашей истории. Вспомним ее сюжеты: «Гимн бороде» М. В. Ломоносова, «Гавриилиада» А. С. Пушкина и его «Сказка о попе...», герценовская публицистика, произведения Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и так далее.

Однако уже в этот исторический период власть более полно осознала управленческие потенции журналистики. Об этом свидетельствует моделирование контента создаваемой ею тогда официальной печати. В провинцию вместе с ее циркулярными предписаниями рассылались заготовленные в центре статьи руководящего характера. Так, с их помощью в 1840-е гг. в губернских газетах по инициативе сверху была фактически открыта первая в государстве пропагандистская кампания по повышению культуры земледелия и хозяйствования. Местные чиновники должны были с помощью официальной печати

просвещать сельских жителей, обучать их хозяйственным навыкам. К примеру, редакция «Новгородских губернских ведомостей», публикуя статью академика А. Нелюбина «Краткие замечания о винокуренной» в августе 1840 г., замечала: «Как сия, так и следующая за нею статья доставлены при циркулярном предписании г. управляющего Министерством внутренних дел, для опубликования в губернских ведомостях» [16].

Так же почти с самого начала выпуска ведомостей власть пыталась наладить и агрономическую пропаганду в стране [17]. 20 и 27 апреля 1840 г. в «Рязанских губернских ведомостях» появилась статья «О заведении у казенных поселян четвертого или овощного поля». Статьи такого рода помещались или анонсировались под рубрикой «Постановления и предписания начальства». Под ней, к примеру, в «Новгородских губернских ведомостях» была напечатана реклама о правительственной рекомендации «по разведению картофеля» [18].

При совершенствовании программы губернских ведомостей в дальнейшем вопросы сельского хозяйства, агропропаганды занимали в их неофициальной части все больше места. В нее включались проблемы «движения торговли и состояния сельскохозяйственной промышленности», «необходимые сведения по часам земледелия, полеводства, луговодства, садоводства и скотоводства» [19]. В итоге с помощью печати сельские жители не только получали определенные экономические знания, но определенные хозяйственные навыки и использовали их на деле. Сами же редакции газет с помощью такого моделирования расширяли заложенную властью программу контента типа этих изданий, обогащали их тематику.

При этом цензурное ведомство страны, достаточно жестко ограничивало информационный процесс с политической стороны; устраняла из него негативную информацию вообще. Но в то же время власть развивала в провинциальной печати ее просветительскую функцию, насыщая контент газет позитивной фактографией, включавшую жизненно важную для государства экономическую, деловую, хозяйственную информацию.

В целом таким образом обеспечивалось в стране с помощью журналистики *моделирование позитивного поведения основной массы* ее населения. В то же время литература как субъективная творческая информация представляла аудитории реалистических героев, совершавших и негативные поступки. Власть, кооперируясь с Церковью, с ее духовной цензурой, контролировала литературный процесс, делая определенные уступки общественному мнению и регулируя уровень гласности в стране.

В начале XX в. под воздействием урбанизации и капитализации общества, активизации движения масс, включая и революции, и в России стал себя активно проявлять *рыночный фактор влияния на ценностную характеристику журналистики*. Она становилась бизнесом, информация превращалась в товар, в рекламу и т.д. В этих условиях в ее контенте наметился негативный вектор. Но эта тенденция сдерживалась как самой властью, так и интеллектуальными силами общества. В это время страницы журналов и книг наполнились со стороны литераторов и критиков обличениями журналистики в продажности. Интеллигенция пыталась как-то остановить развивавшийся в этом направлении процесс. В обществе активно развернулась борьба за свободу печати; проходили дискуссии о ее правовом положении, в том числе в Государственной думе; разрабатывались проекты законов о печати [20].

Начавшаяся в 1917 г. Великая русская революция по-своему решала экономические и рыночные проблемы. Как ни странно, но установившаяся в стране богоборческая советская власть практически использовала при строительстве новой журналистики традиции прошлого, в том числе и богатый опыт Церкви по моделированию поведения человека. С помощью контента журналистики, публицистики, литературы, искусства она моделировала поведение масс. Центром ее внимания был человек труда, нравственное поведение человека, проблемы социалистического соревнования, движения за коммунистический труд, кодекса строителя коммунизма и т.п. В жанровой палитре особое место занимали портретные зарисовки, очерки, проблемные корреспонденции о людях труда [21].

Уже в начале 1920-х гг. большое распространение в печати, в виде листовок и плаката, получила статья Максима Горького «Путь к счастью». В ней Горький подчеркивал: «Все ценное и разумное, все, чем люди имеют право гордиться, создано знанием и трудом. Это простая истина — великая истина, ее надо усвоить нам, как верующие усваивают молитву» [22]. «Труд — основа культуры,— утверждал писатель.— Все в мире создано и создается трудом,— это известно, это понятно, это особенно хорошо должен чувствовать рабочий. Но все еще плохо сознается и чувствуется тот совершенно новый факт, что в Стране Советов труд должен служить не накоплению денег...»; не созданию «„удобства жизни“ для „избранных“, а как труд, который строит „новый мир“ для всей массы рабочих и крестьян, для каждой единицы этой массы» [23].

Собственно это была основная установка советской власти на контент журналистики. Вместе с тем при организации в стране в 1920–1930-е гг. массовой печати, как столичной, так и местной, получила широкое распространение практика выработки с помощью модели новых типов изданий, а моделирование печати стало одним из инструментов управления журналистикой.

Моделирующая функция журналистики ярко проявила себя в экстремальных для мирного человека условиях — в годы Великой Отечественной войны, когда, к примеру, 174 воина повторили подвиг Александра Матросова, 74 летных экипажа — подвиг Николая Гастелло [24].

Советская журналистика подвергалась не только политической цензуре, но и в ее контенте, как и в прошлом, дозировалась антигуманная, криминальная, порнографическая и тому подобная информация. Вместе с тем в отличие от прошлого ее контент имел значительный пласт критической информации, направленный на осуждение носителей антиобщественного поведения, конкретных нарушителей норм морали и нравственности.

Таким образом, на протяжении всей истории русской журналистики до периода перестройки, так или иначе, ее контент в основном носил позитивный характер. Журналистика направляла поведе-

ние человека на лучшие жизненные ценности. Власть с помощью цензуры очищала информационный поток от вредной обществу и одновременно неуютной для нее информации. При этом придать такое направление журналистике стремилась власть разных типов (духовная, светская монархическая, советская).

Однако эволюция моделирующей функции журналистики вместе с тем сопровождалась нарастанием вмешательства власти в информационный процесс, в журналистику; использованием ее со стороны власти в корыстных целях. Это приводит в XX в. к обособлению такой функции журналистики, как *манипулирование информацией*. Особую роль в этом сыграла Первая мировая война (1914–1918 гг.). Одной из важнейших ее особенностей было её мощное информационное обеспечение. Она стала одновременно и первой мировой информационной войной. Впервые на мировом уровне развернулась такая война, в которой участвовали пропагандистские аппараты всех стран. В этих условиях журналистика, обогатившаяся новыми информационными технологиями — кинематографом, радиотелеграфом, фотожурналистикой, пластинкой с граммофоном, — можно сказать, встала на путь превращения из политической в боевую силу. Постулат известного историка Клаузевица «Война есть продолжение политики, но другими средствами» стал подразумевать и обратное: политика — тоже война, но ведущаяся особыми средствами. Первая мировая война ускорила и научные достижения на этой стезе.

«В годы Первой мировой войны пропаганда получила широкое распространение, — считает теоретик информационных войн Пол Лайнбарджер, — потому что средства массовой коммуникации стали к тому времени уже частью общественной жизни всех стран, участвовавших в этой войне». Именно в этой войне «психологическое оружие, применявшееся до этого от случая к случаю, превратилось в ведущее и позже даже было названо оружием, которое выиграло войну» [25].

Последствия Первой мировой войны, опыт пропагандистской деятельности воюющих сторон подробно был раскрыт самими организаторами этой мировой бойни, военачальниками и участниками

пропагандистских операций и обобщен в научной литературе. Специально привожу ее впечатляющий список: Creel G. How we advertized America. The First Telling of the Amazing Story of the Committee on Public Information that Carried the Gospel of Americanism to Every Corner of the Globe. N. Y. 1920; Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstimmung im Weltkrieg. Berlin, 1920; Lippmann W. Liberty and the news. N.Y., 1920; Lippmann W. Public Opinion. N.Y.— L., 1922; Demartial, Georges. La Guerre de 1914. Comment on mobilisa les consciences. Paris, 1922; Потапов Н. М. Печать и война. М., Л., 1926; Lasswell H. Propaganda Technique in World War. N. Y., 1927; Блументаль Ф. Буржуазная политика в мировую войну 1914–1918 гг.: Обработка общественного мнения. М., Л., 1928 и др. В книге Блументалья по этой теме приведен большой список литературы, вышедшей на немецком языке: Эдгар Штерн-Руберт «Пропаганда как орудие политики» (Берлин, 1922); проф. И. Планге «Немецкая пропаганда. Учение о пропаганде как практической общественной науке» (Бремен, 1922); Ф. Шенеман «Искусство воздействия на массы в Соединенных штатах Северной Америки» (Берлин, 1924; Лейпциг, 1926) и др.

В итоге — информационная война, включающая локальные боевые действия, стала обыденным явлением цивилизации, а журналистика обогатилась обособившейся манипулятивной функцией.

Практика власти по манипулированию общественным мнением и воздействием на широкую аудиторию наложила отпечаток на всю историю мирового сообщества XX–XXI вв. Пришедшие к власти накануне Первой мировой войны, нажившиеся на ней и укрепившиеся во власти после нее в продвинутых странах силы, опираясь на Капитал, поддержали выработанные демократами иллюзорные идеи свободного общества, акцентируя внимание на дорогах для этих сил свободе права собственности и свободе рынка. На самом же деле, используя систему манипулирования общественным мнением, Капитал строил свой мир, опиравшийся на инстинкт собственности. Это стало наиболее отчетливо видно в конце XX — начале XXI в. Площадкой для этого нового мира послужило государственное новообразование Северо-Американские Соединенные Штаты (САСШ, затем — США)

[26], не имевшее ни духовных, ни национальных вековых традиций, зато имевшее жестокий опыт уничтожения коренного населения материка, не менее жестокий опыт внутренней войны. Вместе с тем США, награвив и накопив огромный капитал, использовали с его помощью мировой научно-технический потенциал, мировые достижения военной, экономической, социально психологической и других наук для создания собственной мощной экономики, позволившей им предъявить претензии на мировое господство. В связи с этим мировая информационная война была превращена в гибридную, в которой глобализированная интернетом журналистика (массовые коммуникации) с ее манипулятивной функцией стали играть первостепенную роль.

Объективно: в мировом информационном процесс произошла **базовая** революция, в ходе которой всесторонне и существенно изменились и продолжают изменяться его материально-технические, технологические, производственные основания — происходит их **интернетизация**. При этом приоритеты отдаются новейшим носителям информации, отвечающим глобализации информационного процесса, возможности доставить сообщение в любую оснащенную соответствующей аппаратурой точку земного шара. Это сразу же было оценено бизнесом, взявшим в свои руки управление всем информационным процессом, произошел откровенный прорыв к власти структур бизнеса. В новых, свободных по-новому рыночных условиях информационный процесс стал подвергаться воздействию как объективной, так и организованной со стороны бизнеса стихии, создавая проблемы для управления обществом, опоздавшего осознать происходившие в нем революционные изменения. Особую сложность для управления новым информационным процессом является его основная ценность и отличие от прошлого: то, что на земном шаре при разных цивилизациях образовалось общее медиaprостранство и медиасреда.

Интернетизация журналистики повлекла за собой существенные изменения в характере аудитории журналистики, в ее демократизации [27]. Новые ценностные характеристики медиасреды: глобальность,

свобода и бесконтрольное распространение информации, свободный и неконтролируемый управлением общества рынок, насыщенность новейшими технологиями, синтез печатной, аудиовизуальной информации и Интернета, визуализация информации вообще, игровые средства массового общения на мировом уровне и др.— предоставили большие возможности проявить себя более полно **социально-демографическому фактору**: произошло расширение аудитории информационного процесса за счет ранее неохваченных или мало охваченных им социальных слоев общества, во-первых, значительной части женщин и особенно, во-вторых, молодежи, подростков и детей. Любой субъект фактически может выйти в информационное пространство и, так или иначе, заявить о себе. Потребности новой аудитории информационный рынок (читайте — Капитал) стал удовлетворять с опорой на ее особенности (эмоциональность, чувствительность, предпочтение картинке логике текста и т.д.) и уже наработанный опыт манипулирования, обращения к низменным инстинктам человека.

В ходе перестройки в 1990-е годы журналистика России под воздействием субъективных и объективных факторов фактически переориентировалась на западноевропейские и американские, имея в виду США, ценности. Под флагом «свободы слова, свободы на информацию» она превратилась в придаток рынка. Делая акцент на развлечении аудитории, потакании ее инстинктам, сенсационности; под воздействием мирового информационного рынка и идущей мировой информационной войны, при слабом участии в информационном процессе управления, при обольщении интеллигенцией западно-европейскими ценностями и американскими стандартами — журналистика стала массово нести обществу негативную информацию и негативные модели поведения человека.

На страницах печати, в передачах телевидения, в Интернете накопился огромный фактографический материал такого рода. Он свидетельствует о самом разностороннем, активном участии молодежи и подростков в текущем информационном процессе. Распространяя негативные ролевые модели, используя игровое общение медиа стали существенно влиять на ее поведение. Проблема содержательного

наполнения современного информационного процесса, контента журналистики на всех ее уровнях стала крайне актуальна. Об этом стали бить в колокола с начала 2020 гг. со страниц печати, в передачах телевидения, в Интернете многие медиакритики.

Анализируя массовую продукцию кинематографа, расширившего свое пространство от кинобудки и кинотеатра до телеэкрана и Интернета и несущего аудитории поток крови, журналист И. Бараникас замечает, что нет оснований изображать бандитов (даже тех, кто стал им поневоле) в качестве «образцов для подражания» [28]. Медиакритик П. Беседин в статье о смеховой культуре «Россия ржущая» рисует уже сатирическую картину современной медиапрактики: «Юмор, заполонивший Россию сегодня, льющийся из всех щелей, точно в „Останкино“ канализационную трубу провало,— заимствованный, отстраненный от российского сознания, менталитета. Это встроенный жучок, изменяющий частоты русского мозга, имеющий отупляющий эффект. Большая часть программ телевидения („Вечерний Ургант“, „Камеди-клуб“, „Однажды в России“ и других) — калька, содранная, вторичная, ужасно тупая (уточню: модель заимствованного юмора.— Г. Ж.), так называемый франчайзинг, то, что взято на Западе и адаптировано под наши реалии», стирающее идентичность бездарное заимствование в кино, на телевидении, в музыке» [29].

Модель секс-поведения, ставшая уже в 1990-е годы «частью мейнстрима на телевидении», воплощена в практику в условиях глобализированного медиапространства. Дебра Л. Мерскин, изучая эти проблемы на западно-европейском и американском опыте, пришла к выводу: «Интернет является невероятно богатым источником информации, иногда достоверной, иногда — нет. Он предлагает искать информацию анонимно и приватно. Учитывая недостаток контроля, здесь процветает порнография. Сетевая порнография на сегодня является индустрией с доходом свыше 1 миллиарда долларов» [30].

По данным американских исследователей, приведенных в книге Дебры Л. Мерскин «Сексуализация медиа. Как и почему мы это делаем» (2015 г.):

- «почти половина Интернет-пользователей (детей 10–17 лет) имела доступ к онлайн-порнографии за 2013 год» — с прогнозом на дальнейший рост пользователей;
- 44% молодежи сообщило о доступе к онлайн-порнографии;
- 15% молодежи столкнулось с нежелательными сексуальными домогательствами в Интернете;
- у 9% молодежи кто-то просил прислать свои сексуально откровенные фотографии [31].

В Интернете предлагается целый репертуар услуг: киберсекс, виртуальный нудистский пляж, сетевой ломбард и др. [32]. Интернет стал школой эскорта, что переводится на древне-человеческий язык как проституция. Подробно и с подробностями, тарифами об этом говорится в статье «Московского комсомольца» «Престиж торговли телом: все выше, и выше, и выше!» [33]. Мало того, некая 20-летняя Ариана публично рекламирует свой товар уже на весь мир: она продает по примеру подруги свою невинность за 150 тысяч евро [34]. Сексуальная революция, начинавшаяся в 1920-е годы, вступила с помощью Интернета в новую фазу — фазу процветания. Здесь задействовано все — текст, изображение, музыка, кино, телевидение, фотография. Духовная публицистка М. Городова в статье «Мозгоеды: Почему стало модно раздеваться в Сети?» приводит слова одного из пользователей Сети: «...лезет, лезет из всех щелей Интернета чужой интим, и орды последователей именитых мозгоедов тоже раздеваются, снимаются, сходятся и скандалят практически в режиме on-line, на глазах у оторопевшей страны. Не Сеть — глобальная Воронья слободка». Мозгоедами названы «те «звезды», что осознанно насилуют наши мозги, любой ценой приковывая к своей бесстыжей персоне всеобщее внимание».

Такая публичность автором рассматривается как *массовый психоз*. И он охватил почти четверть планеты [35].

Современная медиасреда имеет мощную по информационной емкости и эффективности технологическую базу, которая образовала удобную для человека инфоносферу, обеспечила глобализацию информационного процесса, предоставившую человеку невиданную в прошлом свободу слова и творчества, рынка и бизнеса; широкую

возможность удовлетворять все свои потребности. В то же время новая медиасреда таит для человека и общества серьезные опасности.

В сложившейся медиасреде России XXI в. произошел разрыв с установившимися в информационном процессе отечественными традициями просветительства, духовного и нравственного воспитания, позитивного моделирования поведения. На словах шла речь о журналистике как четвертой власти, на деле произошла со стороны реальной власти недооценка управленческих возможностей журналистики, а, как показывает практика, упущенное ранее восстановить сложно.

В ответ на потребности бизнеса в освоении нового глобализированного рынка, новых потребителей — новой аудитории в системе наук в XXI в. стала обособляться «поведенческая наука», заявившая о себе постановкой проблем экономической сферы, торгово-деловых отношений в трудах ученых Д. Канемана, Р. Шиллера и Р. Талера, получивших за исследования в области экономики Нобелевские премии (соответственно в 2002 и 2017 г.). Уже ставится вопрос и о поведенческой политике, без которой «политика превращается в некий набор политтехнологических приемов» [36]. С их помощью власти получают еще большие возможности воздействовать на массы в нужном для них направлении; используя научно-технический прогресс, постепенно превращать человека в послушного робота.

Фейковая информация стала пока непреодолимой для общества проблемой, лживая информация с трудом отличается от подлинной. Создание фейковых новостей манипуляторами общественного мнения уже поставлено на «научную» основу. Фальшивки из «газетных уток» превратились в целый информационный поток. Они «взрывают» новостные порталы, звучат с высоких трибун, стали атрибутами дипломатии и даже «доказательствами» в судебных процессах [37].

В условиях новой глобализированной медиасреды казалось бы регионализм журналистики подвергся испытанию на прочность. Естественно, он не избежал привязанности к рынку и многих общих тенденций, господствующих в современных медиа. Однако исторический опыт показывает его исключительную жизнеспособность.

Ее гарантом являются накопленные веками стремления регионов к определенной автономности от Центра и особливости; отстаивание своих ценностей; характер, сложившейся веками аудитории — конкретной и обозримой. И чем больше региональная журналистика будет опираться на потребности местной аудитории, взаимодействовать и с ней, и с местным управлением, предоставлять обществу местную информацию, решая вместе с ним общие проблемы, тем прочнее она будет себя чувствовать в глобализированном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Предлагаемая читателю статья имеет обобщающий характер, поэтому в ней используются и цитируются многие сюжеты и факты других работ ее автора: Российское государство и система официальной журналистики: эволюционный аспект // Вопросы истории и теории журналистики.— Екатеринбург, 2013.— С. 46–62; Негативная роль журналистики в формировании социокультурного пространства // Русская литература и журналистика в движении времени.— М., 2014. С. 146–158; Война 1914–1918 гг. как первая мировая информационная война // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие: межвуз. сб. трудов. Вып. XIII–XV.— Владикавказ, 2015.— С. 33–58; Журналистика России: от золотого века до трагедии. 1900–1918 гг.— Ижевск, 2015; Внешний фактор, электронный щит и электронная цензура // Цензура в России: история и современность. Сб. науч. трудов.— Вып. 8.— СПб., 2017.— С. 59–76; Эволюция моделирующей функции журналистики: от духовной публицистики до медиасреды // Русская литература и журналистика в движении времени.— М., 2019.— С. 211–226; Журналистика периода великого эксперимента: нэп (1921–1927).— М., 2021 и др.
2. Флоровский Г. Пути русского богословия.— Париж. 1937.— С. 82.
3. Томсинский С. М. Первая печатная газета России (1702–1727).— Пермь, 1959; Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики.— СПб., 2003 и др.
4. Используя здесь термин «журналистика», понимаю его условность в данном контексте, когда речь идет об истоках журналистики.
5. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1.— СПб., 1862.— С. 255–257; Афанасьева Т. А. Распространение и чтение кириллической книги в России XVIII века как элемент культуры того времени // Книга в России до середины XIX века. Тезисы докл. 3-ей науч. конф.— Л., 1985.— С. 41; Куприянова Т. Г. Печатный двор при Петре I.— М. 1999.— С. 109.
6. Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып 1.— М.-Л. 1948.— С. 303–304; Т. 9. Вып. 1.— С. 370.
7. Баренбаум И. Е. История книги.— М., 2-е изд., 1984.— С. 69.
8. Орлов В. П. Полиграфическая промышленность Москвы: очерк развития до 1917 г.— М., 1953.— С. 211.
9. Исследователями проделана огромная работа по изучению региональной журналистики. Здесь надо вспомнить труды: Булацева Х. С., Антюхина В. Г., Павлова В. А., Любимова Л. С., Ковалев Д. В., Потапова П. Ф., Таказова В. Д., Станько А. И., Мишанина Ю. А., Кузбекова Ф. Т., Пугачева В. В., Лепилкиной О. И., Курбаковой Е. В., Блохина В. Ф., Вахрушева А. А., Жиляковой Н. В., Шевцова В. В., Кондратенко А. И. и др.

10. Об официальной печати см.: Ахмадулин Е. В. Правительственная печать России (конец XIX в.— февраль 1917 г.).— Ростов-на-Дону, 2000; Жирков Г. В. Журналистика России: от золотого века до трагедии: 1900–1918 гг.— Ижевск, 2015.— С. 75–109; Шевцов В. В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX — начало XX века).—Томск, 2016.
11. См.: Нетужилов К. Е. История церковной журналистики в России XIX — начало XX века.—СПб., 2009.
12. См.: Российская провинциальная частная газета / Сост. Л. Е. Кройчик.— Тюмень, 2004.— С. 72.
13. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения: в 8 т.— М., 1956. Т. 1.— С. 99.
14. Ключевский В. О. Курс лекций по источниковедению // *Ключевский В. О.* Сочинения: в 8 т.— М., 1959. Т. 6.— С. 74–75.
15. *Фойницкий И. Я.* Моменты истории законодательства о печати // Сборник государственных знаний / под ред. *В. П. Безобразова.*— СПб., 1875. Т. 2.— С. 318.
16. Новгородские губернские ведомости. 1840. 19 июля. Прибавления.
17. Проблема пока не изучена. Она затронута в диссертациях: *Гуторова Н. А.* Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): становление и типология: автореф. дис. ... канд. филол. наук.— СПб., 2009.— С. 23–27; *Козлов С. А.* Образ региона в официальной печати провинции: (на примере «Новгородских губернских ведомостей» 1838–1918 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2014.— С. 59–60.
18. Новгородские губернские ведомости. 1840. 11 мая.
19. Рязанские губернские ведомости. 1847. 18 окт.
20. *Жирков Г. В.* Журналистика России: от золотого века до трагедии, 1900–1918 гг.— Ижевск, 2015.— С. 37–74 (глава «Власть и журналистика»).
21. См.: *Жирков Г. В.* Практическое моделирование типа местной советской газеты 1920- гг. // Этническая журналистика: история и современность. Ежегодник № 8.— М., 2016.— С. 29–37.
22. *Горький М.* Путь к счастью // Производственная пропаганда. 1921. № 1/2.— С. 3.
23. *Горький М.* О том, как надобно писать для журнала «Наши достижения» // *Горький М.* О литературе: лит.-критич. ст.— М., 1955.— С. 353–354.
24. Подробнее см.: *Жирков Г. В.* Журналистика сталинской эпохи.—М., 2016.
25. Лайнбарджер П. М.Э. Психологическая война. Теория обработки массового сознания / Пер. с англ. Е. В. Ламановой.— М., 2013.— С. 98.
26. Уже в новом названии страны проявляется ее стремление к гегемонии: североамериканцы стали «единственными» американцами.
27. Об этом в статье: *Жирков Г. В.* Власть и управление медиамоделированием поведения человека // Цензура в России: история и современность. Сб. науч. трудов РНБ и др. Вып. 9.— СПб., 2019.— С. 43–66.
28. *Бараникас И.* Фабрика бандитских грез // Московский комсомолец. РРЕ. 2018. 21–28 февр.— С. 6.
29. *Беседин П.* Россия ржущая // Московский комсомолец. РРЕ. 2018. 11–18 апр. С. 6.
30. *Мерскин Д.* Сексуализация медиа: как и почему мы это делаем: пер. с англ.— Харьков, 2015.— С. 144.
31. Там же. С. 144–145.
32. См. подробнее: Голубицкая Ж. А школьницы-то голые! // Московский комсомолец. РРЕ. 2016. 5–12 окт.— С. 23.
33. *Судоргина-Карлович З., Дружинина А.* Престиж торговли телом: все выше, и выше, и выше! // Московский комсомолец. РРЕ. 2017. 26 июля — 2 августа.— С. 26.

34. Купцов С. Продаст невинность ради образования // Metro. 2016. 6 окт.
35. Городова М. Мозгоеды: Почему стало модно раздеваться в Сети? // Российская газета. Неделя. 2013. 23 мая.— С. 24.
36. Вардуль Н. Поведенческая наука: России противопоказана монархия // Московский комсомолец. РРЕ. 2017. 15–22 ноября.— С. 6.
37. См.: Рутман М. Свинчатка в перчатке. Ложь становится неперменным атрибутом тех, кто не может победить в честной борьбе // Санкт-Петербургские ведомости. 2018. 24 авг.— С. 4.

ПЕРВЫЙ ОРЛОВСКИЙ РЕПОРТАЖ

«О пребывании государя императора в Орле»

Ф. Н. Глинки, 1834 год

А. И. Кондратенко

Орловский государственный университет

Одним из первых профессиональных журналистов в Орловской губернии мог стать герой антинаполеоновских войн, известный поэт, драматург и публицист Фёдор Николаевич Глинка (1786–1880). Он был широко известен читающей публике как автор «Писем русского офицера», главный редактор «Военного журнала» (его брат Сергей являлся основателем журнала «Русский вестник»). Находясь в ссылке как участник выступления декабристов, Ф. Н. Глинка в 1830 году был переведён из Петрозаводска в Тверь, а затем в Орёл (декабрь 1832-го).

Занятием писателя на досуге в любом крае, куда забрасывала его судьба, оказывалось составление статистических описаний. Вполне возможно, подобный труд был начат Глинкой и в Орле. Здесь им было написано и произнесено несколько речей на торжественных собраниях членов тюремного комитета¹. Среди написанных и законченных в Орле произведений Глинки можно назвать запрещённую цензурой поэму «Иов», стихотворения «Постояльцы» и «Ангел». К тому же он активно печатался в столичных газетах и журналах. В 1834 году Глинка издал брошюру «О пребывании государя императора в Орле: Письмо к другу», опубликованную первоначально в виде статьи в газете «Русский инвалид».

Прежде чем приступить к анализу этого весьма неординарного произведения, являющегося, по сути, первым по времени созда-

---

¹ Одна из них была опубликована в анонимной корреспонденции под названием «Письмо к издателю из Орла» в «Северной пчеле» (1834, 18 янв., № 14).

ния орловским публицистическим репортажем, обратим внимание на особенности личности автора. Кем был предтеча орловской журналистики? Именно биография Глинки, его уникальный жизненный опыт, пережитые исторические события предопределили не только авторский стиль, но и систему ценностей, в силу чего в своём творчестве он старался акцентировать внимание читателя на тех или иных моментах отражения действительности. Не случайно в статье «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» Глинка сформулировал ряд основополагающих принципов документальной публицистики. В частности, он писал: «Сочинитель должен быть самовидец... Сочинитель постарается возвести до высшей степени любопытство читателя, приучить его участвовать во всех происшествиях, как в собственных делах, и тесно сдружить с описанием своим. Но как успеть в сем? Описывать происшествия точно в таком порядке, как их видел, соблюдая в ходе всех дел самую точную постепенность, а в объяснении простоту и истину» [1].

Смоленский дворянин по происхождению, Фёдор Глинка оказался вовлечён в водоворот войн начала XIX века. Не колеблясь, он вступил в ополчение и потому долгое время находился среди солдат. Он сочинил «Военную песнь, написанную во время приближения неприятеля к Смоленской губернии»:

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Текут толпы, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.

Идут, сердца их — жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень
На гибель весей и градов!

Глинка был среди защитников Смоленска, как очевидец оставил описание выноса из Благовещенской церкви Надвратной иконы:

«В глубокие сумерки вынесли из города икону Смоленской Божией Матери. Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий и громом сражения, сопровождал печальное шествие сие. Блеск пожаров освещал его. Между тем чёрно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу» [2, 11].

В «Очерках Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе)» Глинка дал военную оценку отступления русской армии. По его мнению, Барклай де Толли в это время поступал весьма мудро, но его тактику тогда невозможно было оценить объективно. Дал Глинка оценку и Бородинской битве. Вот только отрывок из его трактата по военной истории: «Поставьте себя на одной из высот, не входя в Бородино, где-нибудь на большой Смоленской дороге, лицом к Москве, и посмотрите, что делается за Бородиным, за Колочеею, за Войнею, за этими ручьями с именем и без имени, за этими оврагами, крутизнами и ямищами. Примечаете ли вы, что поле Бородинское — теперь поле достопамятное — силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание?» [3, 13–14].

Отразилось судьбоносное сражение и в поэтическом творчестве Глинки (стихотворение «1812 год»):

На Бородинские вершины
Седой орел с детьми засел,
И там схватились исполины,
И воздух рделся и горел.
Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин? –
Со всей Европой эту встречу
Мог русский выдержать один!

Но всё это было написано значительно позже, уже в 1830-е годы. А тогда, осенью 1812-го, он почти каждый день участвовал в штыковых боях. «В течение двенадцати суток, — вспоминал Глинка, — мы или шли, или сражались. Ночи, проведённые без сна, и дни в сражениях погружали ум мой в какое-то затмение — и счастливейшие происшествия — освобождение Москвы, отражение неприятеля от Малого

Ярославца, его бегство, мелькали в глазах моих, как светлые воздушные явления в тёмной ночи» [2, 44].

Поручик Глинка был участником всех главных сражений: под Малоярославцем, Вязьмой, Красным и, наконец, освобождения Смоленска.

В 1816 году он получил чин полковника. Служил в гвардейском Измайловском полку, состоя при гвардейском штабе. Одновременно был издателем «Военного журнала». В его формулярном списке указывалось: «С ведения и по велению Государя Императора употребляем был для производства исследований по предметам, заключающим в себе важность и тайну» [4, 52]. Принимал участие в составлении свода узаконений по уголовной части, наблюдал за богоугодными заведениями. Его жизненным кредо было: «Говорить всегда правду». Отсюда рукой подать до сообщества декабристов, идей свободы и вольномыслия. После 14 декабря 1825 года его участие в «противуправительственном» заговоре привело к лишению офицерского звания и ссылке в Петрозаводск.

Оставаясь там на гражданской государственной службе, Глинка посвящал свободное время краеведению, литературному творчеству. В феврале 1830 года он послал Пушкину свою новую поэму «Карелия». Реакция Пушкина была благожелательна: тот содействовал публикации её отдельным изданием (1830), писал в рецензии для «Литературной газеты»: «Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму... Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединённая с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной — всё даёт особенную печать его произведениям» [5, 84].

Пережив увлечение идеями декабристов, Глинка с годами куда более критично смотрел на либеральные манифесты европейского образца, за которыми скрывались всё те же извечные интересы:

Умней Европа — я не спорю!
Но на добро ли этот ум?!
Ей быт земной дороже неба!
Торговля — вот её потреба;
Ей биржа храм!..

И потому публицисту и поэту хотелось пристальнее взглядеться в, образно говоря, лицо России. Что есть власть, что есть провинция? Какую роль играет армия в жизни общества и государства? Готова ли страна к новым испытаниям? Возможность поразмышлять об этом, поделиться мыслями с читателями предоставили военные учения в Орле осенью 1834 года. О них Глинка решил написать в столичную газету «Русский инвалид».

При всей кажущейся простоте и замысла, и его осуществления (описание манёвров в провинции, длившихся всего несколько дней) перед Глинкой стояла весьма сложная задача. С какой точки зрения строить повествование? С позиции достаточно высокопоставленной должности государственной службы (советник губернского правления, т.е. управляющий одним из отделений канцелярии губернатора)? Но в таком случае пришлось бы назвать множество цифр, поделиться скрытыми от публики сведениями и в итоге волей-неволей пойти на разглашение конфиденциальной служебной информации.

С позиции испытанного военного аналитика и историка? Но тогда объективности ради пришлось бы обращать внимание и на негативные моменты, просчёты в проведении манёвров. К тому же Глинка не мог не учитывать непростые обстоятельства, в которых оказался,— свой статус ссыльного и разжалованного полковника.

С позиции художника? Ограничиться большой стихотворной картиной автор явно не хотел — в диалоге с читателем для него были важны факты, реальные подробности, масштабные аналитические выводы военно-политического характера.

И Глинка нашёл оригинальный вариант — эпистолярный жанр, стилизованное «Письмо к другу». Во-первых, мимикрия репортажа под партикулярное послание (в опубликованном тексте почти нет абзачных отступов — и эта нарочитая небрежность усиливает иллюзию) снимает

все вопросы по поводу того, что автор как губернский чиновник обязан выступать в жёстких рамках. Во-вторых, Глинка сразу оговаривается, что, собственно, в манёврах участия не принимал по причине болезни («По расстроенному здоровью я не мог оставлять надолго комнаты и следить, как бы должно, за прекрасными движениями войск» (6)²) и потому передаёт на бумаге впечатления горожан. В-третьих, жанр письма даёт автору волю в эмоциональных оценках и использовании риторических приёмов (хотя для читателей того времени и современных так и осталось загадкой, кто же именно был адресатом).

Репортаж явно не краток, он многопланов: это и непосредственно тема манёвров, и описание пребывания императора в Орле, и беглые городские зарисовки. Глинка напоминает, что «ещё с апреля начали доходить слухи, что Государь намерен посетить часть средней полосы России и заехать в Орёл, чтоб увидеть в первых числах октября новое войско — 3-й резервный кавалерийский корпус. На это время корпус этот (2-я драгунская дивизия из Курска, а 1-я из южных уездов здешней губернии) должен был соединиться в Орле. Понтонам и многочисленной артиллерии назначено было также прибыть к сборному месту корпуса» (3).

Внимательный читатель и воочию, и «между строк» мог прочесть ряд важных вещей:

1. Речь идёт о первых итогах некоей модернизации армии (артиллерия, понтоны, новая организация подразделений и т.д.). 1 июля 1832 года в России начала действовать Комиссия по преобразованию Военного министерства, вскоре был сформирован Военный совет. Ему была поручена координация хода военных преобразований. В частности, Высочайше утверждённым 21 марта 1833 года положением конно-егерские полки были расформированы. Шли кардинальные изменения структуры всей кавалерии.

2. Смотр должен был показать, насколько умело руководят дивизиями и полками их недавно назначенные командиры (их много-

---

² Здесь и далее в круглых скобках указан номер страницы в брошюре Ф. Н. Глинки «О пребывании государя императора в Орле» (СПб., 1834), по которой приводятся цитаты.

численные фамилии приведены в репортаже, но мы оставим анализ командирских карьер военным историкам).

3. Имелись в виду не рядовые, а элитные, лучшие части Русской армии — например, 1-й полк 1-й дивизии (Московский драгунский).

Глинка, как исключительно опытный военный деятель (вспомним его прежнюю должность при гвардейском штабе), строит текст явно не в расчёте на отечественного читателя, а на зарубежного. Не случайно, первая русская газета «Ведомости», возникшая в разгар русско-шведской войны, выполняла важную функцию специального информирования (вплоть до дезинформирования) врага о состоянии вооружённых сил России. Так и в анализируемом репортаже Глинка не скупится на факты и краски, чтобы показать мощь и военную доблесть реформируемых войск (в учениях в Орле принимали участие прусский и австрийский посланники, два военных агента иностранных держав и их свита [6, 36]).

Причём, как уже указывалось, Глинка ведёт повествование как бы от обобщённого лица орловских жителей: «Прилив действующих сил сделался заметным в городе, и необыкновенная деятельность закипела в быту военном. Долго мирные жители не обращали внимания на занятия и успехи своих военных гостей; но мало-помалу начали к ним присматриваться и любоваться ими. Лошади, люди, выправка и необыкновенное проворство быть на коне и без коня, с штыком, с пикою и с саблею привлекало общее внимание. Часто дивились драгунам — прямым, стройным, на бодрых конях, и вдруг видели их тут же спорхнувших наземь, идущих на пешее ученье как на прогулку» (4).

В описаниях Глинка-поэт не может удержаться от почти песенных красок: «Мостовая отзывалась мерною дробью под их верным шагом; но сабля молча лежала по бедру и шпоры не звяцали» (4); «войска сии плыли стройным лебедем» (7).

Не здесь ли исток будущего, написанного в 1840 году и ставшего хрестоматийным стихотворения Глинки «Москва»? Вот несколько отрывков из него, показывающих как близка поэтика репортажа 1834 года к строю стихотворения шесть лет спустя:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Кто, силач, возьмёт в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьёт златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Отдав в репортаже дань военно-политической теме, Глинка сосредоточился на любимой — военно-тактической и военно-исторической тематике. Образные сравнения перемежаются с сухим текстом военного аналитика, помнящего о жестоких уроках 1812 года: «Тут начала проясняться прямая цель сего войска, так сказать двустороннего. Составляя среднее звено между конницей и пехотой, оно должно соединять в себе обязанности, пользу и совершенство обеих. Прежнее драгуны редко спешивались, по крайней мере, в военное время. В великом сражении Бородинском, когда неприятель пожирал левое крыло армии, нужно было под убийственным огнём переводить

войска с правого крыла на левое, тогда как драгуны, почти без дела, погибали в резерве» (4).

Казалось бы, этой ремаркой можно было бы и ограничиться, но Глинка, как участник и очевидец, даёт развёрнутую картину: «Искусство перемчать массу кавалерии из центра на фланг и превратить её в мгновение ока в пехоту не было ещё тогда вполне известно. По временам спешивались и казаки, но это бывало делом необходимости. В сражении под Вязьмой надлежало взбросить батальон пехоты на седло кавалерии, чтобы, проскакав несколько вёрст, выбить неприятельских стрелков из занятого ими леса» (4).

Почти утомив читателя описанием военных действий, автор делает вывод, однозначный и весьма поучительный для потенциального противника: «Нынешние драгуны (слитые, так сказать, из прежних драгун и конных егерей), везя на себе, с собою и при себе все роды оружия (саблю, пистолет, ружьё, штык и пику) и последующие понтонами и артиллерией, могут составить из каждой своей бригады летучий корпус, из каждого корпуса летучую армию. Как изумится пешее неприятельское войско, беспечно смотрящее на движение конного строя по окрестной цепи гор, увидя, что конница вдруг исчезла и гребни скал увенчаны блистательными батальонами пехоты! Таковы могут быть драгуны в войне европейской. Бросьте этот корпус в пустынные степи Азии, и там он станет пожирать пространство в конных переходах своих и, при первой встрече с роями степных наездников скроет коней, выставит живые крепости в виде четырехугольников (каре), опоясанных стальной рогаткой из штыков, и заставит греметь свою артиллерию, всегда губительную для толпящихся полчищ диких наездников» (4, 5).

Но это было, образно говоря, предисловие, попутное размышление автора. Ему ещё предстоит многократно доказать свою мысль, безоговорочно убедить читателя в правильности высказанного тезиса. И потому Глинка снова и снова обращается к репортажной картине учений: «Целый кавалерийский корпус образовал строй необыкновенно величественный! Люди прикипели к сёдлам; руки прильнули ко швам; палаши заостенели в руках. Всё было прямо, бодро, живо-

писно и безмолвно. Вдруг раздалось громогласное “ура”, и по слову единому длинная, прямая линия изломалась, и поплыли живые реки, реки конные, пёстрые, стальные. Вот плывёт по воздуху река алая — это значки копейщиков (пикинёров)! Вот идёт масть за мастью! 80 эскадронов понеслись бойкою, прыткой рысью. Земля зазвучала мерными отзвуками. Конная буря пролетала мимо зрителей. Наконец двинулась зелёная, колесистая крепость, запряженная вихрями. — Это артиллерия! — Неопытный зритель подумает, что эти лошади везут какие-нибудь детские игрушки; так легко и красиво выступают они длинными упряжками, — со своими прямыми, блестящими всадниками! — Понтоны со всем переправным снарядами — мерно следовали за артиллерией... Всякий, кто видел, хотя издалека, хотя случайно, эти движения, сознается охотно, что оружие достигло у нас совершенства полного, европейского» (6, 7).

И ещё картины тактических учений 3-й конноартиллерийской дивизии и конноартиллерийского резерва: «68 орудий мчались по шероховатому полю с необыкновенной быстротой и ловкостью, сквозили вал ядрами и засекали подножие его картечью. На месте этого вала не устояло бы, конечно, никакое войско!»; «ни холмы, ни стремнины не останавливали быстроты движения, и неприятель невидимый вполне побеждён усердием очевидными» [8].

Учения в Орле оказались весьма интересны лично для Глинки. К примеру, на манёврах (русская деликатность!) не было постоянного деления на «своих» и «врагов». Каждая воинская часть выполняла конкретную задачу, не рядясь в тогу супостата. Автору, участнику войны 1812 года, было важно видеть, насколько новое поколение воспринимает уроки грандиозных минувших сражений, разворачивавшихся тогда на Калужском и Смоленском направлениях — всего в 250–300 верстах северо-западнее Орла.

Глинку радовало, что подготовка к манёврам шла деятельно, с полным напряжением сил: «близ города не было вала для мишени; но стремительное желание исполнить волю монарха преодолело все препятствия. В одни сутки всё достали, приладили, изготовили... За Половцем отыскан старый вал, исправлен, возвышен; мост перестроен» (8).

«Легенда» учений виделась ему как вполне вероятный вариант развития событий осени 1812 года: «неприятель, разбитый где-то под Калугой, поспешно отступал к верховьям Оки на Орёл. Войско, направленное вслед за отступающими колоннами, теснило их по большой дороге и едва не предупредило в Орле. Однако когда неприятель бросился в город и занял его, тогда вступил в действие драгунский корпус, имевший при себе (по предположению) шесть казачьих полков. Драгуны и казаки, склонённые вправо с Болховской дороги на Наугорскую, выстроились пред Александровским хутором. Отсюда начался манёвр. 2-я драгунская дивизия, имея с собою казаков и ведя многочисленную артиллерию, встретила часть неприятельской кавалерии, смяла её и прогнала в Оку» (11).

Глинка продолжает: «1-я драгунская дивизия, несмотря на препятствия, быстро проскакала около пяти вёрст и изготовилась к переправе. Генералу Гербелю приказано спешить часть драгун и занять пехотой (близ Сухой Орлицы) лес, за которым укрыл он своих коноводов. Один драгунский полк перешёл вброд Орлик и рассыпал стрелков на его правом берегу, между тем, как батарея, короновавшая соседственную высоту, готова была покровительствовать переправе. Конно-пионерный эскадрон (под командой полковника Каульбарса) в 12 минут навёл первый понтонный мост. Вскоре наведён другой. Тогда, безопасные со всех сторон принятыми мерами, войска начали переходить за реку... Артиллерия, к общему изумлению, промчавшись через рвы и овраги, несмотря на крутизну спусков, проскакала через мосты и заняла ближайшие высоты, угрожая городу. Такое блестящее по крутизнам движение французской артиллерии видел я в 1812 году под Смоленском» (12, 13).

Захватив внимание читателя интригой происходящего, Глинка не жалеет строк для дальнейшего рассказа: «Наконец, настало время соединить корпус, и генерал Граббе привёл 2-ю дивизию к общей переправе. Весь корпус переправлялся около 1,5 часа. Полный манёвр (сколько это могло быть известно) должен был состоять в том, чтоб, заняв господствующие высоты по дороге Карачевской, выслать разъезды на Киевскую и даже на Московскую [дороги], а потом, действуя

попеременно пехотою и конницею, с разных сторон войти в город и завладеть оным. Этот огромный манёвр, прекрасный в частных развитиях, в общем объёме своём представлял для глаз совершенное подобие войны!» (13). Радовало сентиментального Глинку и то, что «ученье обратилось, по-видимому, в действительное сражение, только без смерти» (13).

Помимо чисто «военно-исторической» составляющей репортажа его ценность (в первую очередь историко-краеведческая) состоит и в описании города Орла, повседневности, праздничного состояния и т.д. Ведь речь идёт о городе, который тогда подарил России и миру такие имена, как Иван Тургенев, Тимофей Грановский, Николай Лесков...

Глинка начинает описание Орла с явной симпатией: «Почти все губернские города в России сходны между собою, как близнецы. У всех один быт: зимний и летний. Летом, когда дворянство разъезжается по деревням, почти все города пусты; зимою общественная жизнь начинает проявляться в домах, полуженных европейскою роскошью, и в улицах, и на площадях торговых, куда стекаются, с грузом своим, наши санные флоты, скользящее по снежному океану русских степей. Но есть обстоятельства, при которых какой-нибудь город вдруг просыпается от обыкновенной своей дремоты и живёт двойною жизнью, наполняясь приливом случайного народонаселения и суетою, часто приятною. Так было и с Орлом...» (3).

Примечательно, что эти строки принадлежат автору стихов, ставших народной песней:

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Гудит уныло под дугой...

Увидеть поэтику в повседневности — это тоже дар. Как много лирических зарисовок старой провинции оставили такие её первые бытописатели, как Глинка! Уже за ними шли П. И. Якушкин, С. В. Максимов, Г. И. Успенский, Вас. И. Немирович-Данченко, В. А. Гиляровский...

К учениям, как рассказывает всегда внимательный к подробностям солдатского быта Глинка, готовились не только военные,

но и горожане: «купечество орловское собрало значительную сумму для угощения всего драгунского корпуса и прочих войск... В продолжение семи дней каждый солдат получал чарку вина, калач и говядину. А содержатель здешних публичных бань угостил оными безденежно весь корпус и даром парил несколько тысяч молодцев, которые привыкли париться с врагами в кровавой бане стальными вениками за Балканом или у подножия горы Арарата» (15).

Бытовые подробности в репортаже сопровождаются более возвышенными картинами: «В продолжение почти всего августа, богатого тёплыми, лунными вечерами, несколько музык разных полков, расставленных на бульварах и в большом общественном саду, превосходным исполнением лучших музыкальных пьес утешали прекрасных орловских дам и горожан, пестревших живописными толпами по аллеям сада и на бульварах города» (16).

В центр разноликой городской жизни в репортаже поставлен приезд императора: «Около 6 часов вечера всё народонаселение Орла, выхлынувшее из домов на улицы, закричало “ура!”, и мы узнали о прибытии Государя. Открытая дорожная коляска неслась от Калужской заставы и остановилась у дома Орловского гражданского губернатора. С Государем Императором и вслед за Его Величеством прибыли: граф А.Х. Бенкендорф и генерал-адъютант [П.Д.] Киселёв. На другой день (20 сентября), в 10 часов утра, при колокольном звоне, Благочестивый Государь изволил отправиться прямо в кафедральный Борисоглебский собор, где, при входе, вслед за святыми иконами, встретил его епископ Орловский Никодим с двумя архимандритами и всем духовенством города. Приложась ко святому кресту и приняв окропление святою водой, Государь вступил во храм при пении архиерейских певчих. 23-го, в воскресенье, Государь император изволил слушать литургию в прекрасной церкви Всех Скорбящих, в обширном доме здешних богоугодных заведений и наградил щедро подарками священника с причтом и певчих» (6).

С приездом императора облик города кардинально изменился, причём это изменение не было кратковременным. В своих воспоминаниях бывший губернатор А. В. Кочубей подчёркивал: «Государь,

сверх чаяния, провёл в Орле 8 дней, чего с ним никогда не бывало ни в одном губернском городе» [6, 36]. Хотя Глинка называет несколько иной срок, сути это не меняет: «Семь вечеров сряду Орёл был иллюминирован. В нижнем городе отличался дом магистрата, так сказать, завешенный огнями. Огненные узоры рисовались на многих частных домах и домиках, миловидно выказываясь в густой темноте осенней ночи и слегка отражаясь в светлом протоке ещё мелководной Оки. В нагорном городе с большими разнообразием и вкусом освещены были: дом Благородного Дворянского собрания, вновь созидаемый Собор, присутственные места и бульвар, на котором, против окон занимаемой Государем квартиры, горел огромный щит с заветной буквой в бриллиантовых огнях. Так всякий раз (в течение 7-ми вечеров) освещение продолжалось до полуночи. Потом огни угасали, толпы редели, волнение успокаивалось, город засыпал; но запоздалый путник, пробираясь по тёмным переулкам нижнего города за Окою, мог видеть явственно одну светлую точку, которая, как далёкая звёздочка, блистала на высокой горе, над густою зеленью городского сада. Эта светлая точка сияла в тёмном воздухе часто до 1-го, нередко до 2-го часа ночи. Это был свет в одном из покоев дома, удостоенного Высочайшим пребыванием. При этом свете трудился Государь до поздней ночи для блага великой империи» (9, 10).

Свет в окне — многократно потом использованный литературный и кинематографический образ (приём), служащий для простого и однозначного доказательства трудолюбия героя, его неустанной заботы о близких (о коллективе, о народе), пренебрежения к усталости и т.д. Используя этот архетип для воспевания вождя народов Сталина, задумывались ли авторы над тем, что всего лишь повторяют давно, ещё в 1834 году, сказанное в адрес Николая I?

Царь посетил в Орле богоугодные заведения, тюрьму, гимназию. Глинка мимолётно показывает их как будто такими, как увидел самодержец: «красивые палаты богоугодных заведений», «тюремный замок с четырьмя башнями и красивым наружным видом». Более подробно сказано только о визите в другое учебное заведение: «При посещении дома, где находится училище для канцелярских детей,

Его Величество входил во все подробности касательно сего заведения и одному из учеников (ученику 3-го класса Крылову), наиболее отличившемуся в искусстве чертить планы, пожаловал 500 рублей, приказав хранить оные в Приказе общественного призрения до выпуска Крылова. Незабвенны пребудут слова, сказанные Государем в училище. Обратясь к ученикам, Его Величество изволил произнести, что он надеется видеть в них со временем честных и образованных слуг себе и Отечеству и уверен, что они, воспользовавшись благами воспитания, щедротами его даруемого, по вступлении в службу, составят новое поколение канцелярских служителей, которое резко отличится от прежних прямотушием, бескорыстием и усердием к общей пользе» (13, 14).

Глинка так прокомментировал этот призыв царя: «Как утешительны слова сии! Какую будущность обещают они нам!» (14).

Современному читателю полезно будет познакомиться с параллельным «отчётом», который находим на страницах воспоминаний тогдашнего губернатора. Например, о талантливом ученике, о подарке ему и о полных глубокого смысла напутственных словах Кочубей не написал ни строки. Может быть, начальника губернии уязвил явный упрёк Николая I современным чиновникам? Да и «красивости», отмеченные в репортаже Глинки, никак не тронули высокого гостя: «Государь ездил со мной по городу и нашёл, что он некрасив» [6,43].

Коротко сообщил Глинка и о традиционном рауте: «Его Величество осчастливили присутствием своим данный орловским дворянством бал, оживлённый нарочно прибывшими для сего случая почетнейшим орловским дворянством, среди которого видели мы и семейство графа Е.Ф. Комаровского³. Гостьями же и, смеем сказать, украшением сего праздника были супруги наших генералов» (9).

По итогам манёвров царь пожаловал губернатору Кочубею орден Св. Анны 1-й степени, трёх сыновей его принял пажами к Императорскому двору (это был жест соболезнования в связи с недавней смертью супруги губернского начальника). Предводитель дворянства

---

³ В «Записках» Е.Ф. Комаровского (СПб., 1914) нет ни слова о визите царя в Орёл и об этой встрече.

В.А. Шереметев был награждён орденом Св. Анны 2-й степени. Соответствующие жесты сделали и военные: «генерал Потапов прислал к г[осподину] гражданскому губернатору письмо, утешительное для здешних жителей, в котором, от лица своих воинов, красноречиво благодарит граждан орловских за оказанное ими гостеприимство, напоминающее старинное русское хлебосольство. Г[осподин] гражданский губернатор в ответе своём на это письмо, между прочим, уверял генерала, что довольно было близкого знакомства с войском, им начальствуемым, чтоб возбудить в жителях Орла старинный дух гостеприимства, и что тесное квартирование стеснило не хозяев, а дружество между ними и военными их постояльцами» (15).

Внимательный бытописатель Глинка подметил в простонародных разговорах (а, возможно, сочинил сам) такую фразу: «Государь взял город наш с бою!». И добавил: «И в самом деле город был взят боем мнимым, но сердца граждан покорены действительно. Люди престарелые и немощные теснились в толпе, чтоб только посмотреть и насмотреться на Государя! Вот чувство любви народной! Вот вековой гранит, на котором основан престол Русской земли!» (11).

Авторские детали, служащие для характеристики идеального образа царя: открытая коляска, бодрствование, щедрые награды, целование креста. Его обращение к ученикам — косвенное признание множества неурядиц в Отечестве. Но главное: провинция разбужена, она едина с армией, и армия готова её защитить. А государь доволен войском, которое, в свою очередь, восхищено его присутствием.

Умильная, что и говорить, картина! Но так ли было на самом деле? В «Записках» Кочубея достаточно ремарок по поводу недовольствия и даже гнева царя в связи с теми или иными неурядицами. То его выводят из себя лошадь, свалившаяся под пушкой, и бесполовые рапорты на этот счёт. То убогая казарма инвалидов, то нелепые действия генерала, который повёл бригаду в бой прямо на своих [6, 38, 40, 43].

Конечно же, о таких эпизодах в репортаже Глинки нет ни слова. Его заключительные строки: «Итак, любезный друг! Вот краткое и самое недостаточное описание 7-ми незабвенных дней в Орле, украшенных

присутствием Государя, осчастливившего многих ласковыми словами и щедрыми наградами! Теперь наши добрые военные гости расходятся, оставляя о себе живейшее воспоминание!» (16).

Не поднимается рука назвать Глинку льстецом, «верноподданным», просителем о милости — об отмене ссылки. Нет, здесь скорее просто всплеск романтических и патриотических чувств. Ведь в те же самые годы были написаны окрашенные похожими авторскими эмоциями повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835), опера М. И. Глинки «Жизнь за царя» (1836), стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» (1837), А. С. Хомякова — «Россия» и «Киев» (1839)... Русская литература и музыка 1830-х годов переживали подъём в осмыслении патриотического чувства, осознании его глубокой укоренённости в самой человеческой природе, постижении его значимости для духовного роста человека.

А. И. Герцен писал о патриотизме своих современников: «Киреевские, Хомяков и Аксаков сделали своё дело... С них начинается перелом русской мысли... Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинаковая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчётное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орёл, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно...» [7].

Глинка написал свой репортаж достаточно быстро — в конце текста стоит авторская дата «Октября 12 дня, 1834 года» (т.е. чуть более двух недель с момента завершения манёвров). Столь же спешно рукопись была подготовлена в печать — на обороте титульного листа брошюры (отдельного оттиска публикации в газете «Русский инвалид») указано: «Печатать позволено. С.П.бург. 4 ноября 1834. Цензор В. Семёнов». Персоне одобrivшего текст чиновника также необходимо уделить некоторое внимание. Василий Николаевич Семёнов (1801–1863) — уроженец Раненбургского уезда Рязанской губернии, учился в Царскосельском лицее в 1814–1820 гг., где познакомился

с А. С. Пушкиным, поддерживал с ним близкие товарищеские и деловые отношения и в дальнейшем. Служил в министерстве народного просвещения. С 1827 года был цензором, при этом являлся также старшим помощником главного редактора «Санкт-Петербургских ведомостей», а затем и главным редактором этого издания. Семёнов был цензором «Литературной газеты» А. А. Дельвига, газеты «Северная Пчела», журнала «Сын Отечества», книг А. С. Пушкина (в том числе неосуществлённого отдельного издания «Путешествия в Арзрум»), М. П. Погодина, Н. М. Языкова, В. К. Кюхельбекера и других. В 1832 году издал альманах «Комета Белы», в котором приняли участие виднейшие литераторы пушкинской плеяды. В 1837 году Семёнов был удостоен Академией наук Демидовской премии по отделу словесности за издание литературно-историографического труда «Библиотека иностранных писателей о России» [8, 373–374]. В 1838 году Семёнов был назначен на должность орловского вице-губернатора и в этом качестве стоял у истоков издания первой в Орле газеты — «Орловских губернских ведомостей». Однако встретиться в Орле Семёнову и Глинке было не суждено — последний прослужил в губернском правлении всего три года и по состоянию здоровья вышел в отставку, уехал в Москву.

Орловский репортаж Фёдора Глинки — зримое свидетельство того, что его автор был одним из основоположников русской военной публицистики. Преданный забвению после 1917 года, он недолго оставался в ряду «забытых». Уже в годы Великой Отечественной войны были напечатаны отрывки из «Писем русского офицера» и «Очерков Бородинского сражения», которые вошли в издававшуюся тогда «Библиотеку офицера». В последующие годы (до 1991) вышло более десятка его книг, стихи и проза Глинки включены во множество сборников и антологий.

Если когда-то будет собрана хрестоматия двухвековой истории орловской журналистики, то по праву одно из первых, начальных мест в ней должно занять «Письмо к другу» Фёдора Глинки. Его искреннее, живое слово ещё во времена Пушкина и Лермонтова предвосхитило будущую прочную славу Орла как литературной столицы России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка Ф.И. Письма русского офицера / Ф.М. Глинка.— М., 1987.— С. 272–273.
2. Глинка Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год / Ф.М. Глинка.— М., 1870.
3. Глинка Ф. Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). Ч. 1 / Ф.М. Глинка.— М., 1839.
4. Карпец В. Фёдор Глинка / В. Карпец.— М., 1983.
5. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 7. / А.С. Пушкин.— Л., 1978.
6. Записки орловского губернатора Аркадия Васильевича Кочубея: (Фрагмент из кн. «Семейная хроника: записки Аркадия Васильевича Кочубея. 1790–1873»)— Орёл, 2002.
7. И<сканде>р. Константин Сергеевич Аксаков // Колокол. 1861, 15 янв.
8. Рязанская энциклопедия. Т. 2.— Рязань, 2000.

РЕДАКТОРСКАЯ СУДЬБА ЛУКИ МЕЛЬНИКОВА

Ю. В. Лучинский

Кубанский государственный университет

Лука Мартынович Мельников [1] сыграл значительную роль в истории кубанской журналистики, возглавив официальное периодическое издание в 1897 году и оставаясь в этой должности на протяжении пяти лет. Именно ему наказной атаман Кубанской области Яков Дмитриевич Малама «представил не только редакторство газеты, но и ее цензурирование» [2].

Прежде чем обратиться к редакторской деятельности Л. М. Мельникова, кратко рассмотрим некоторые страницы его биографии. Родился он 3 июня 1865 года в заштатном городе Сальницы Литинского уезда Подольской губернии в семье народного учителя. Образование получил в знаменитой Первой киевской гимназии, где проучился до восьмого класса, но был исключен за политическую неблагонадежность. Пришлось в 1886 году поступать в Немировскую гимназию, но там Мельников долго не задержался — через пять месяцев учебы за участие в подпольной школьной организации был арестован, выслан и передан под негласный надзор полиции Подольской губернии.

Некоторое время он служил нотариальным писцом в Одессе, но в июле 1889 года, продолжая оставаться под надзором полиции, перебрался в город Ейск Кубанской области. Этот период его жизни подробно задокументирован в одном из дел канцелярии начальника и наказного атамана Кубанской области под названием «О продолжении негласного надзора за бывшим учеником Немировской гимназии Лукиманом Мельниковым».

В июле 1889 года начальник Кубанского областного жандармского управления полковник Федор Александрович Черкасов [3] получил секретное сообщение:

«Получено сведение, что состоящий под нелегальным надзором полиции в Подольской губернии сын крестьянина, бывший ученик Немировской гимназии Лукиман Мельников, 10 сего июля выбыл в город Ейск, Кубанской области, где означенный надзор за ним должен быть продолжен согласно Департамента Полиции от 16-го октября 1886 года <распоряжения> № 3736» [4].

25 июля ейский полицмейстер есаул Павел Павлович Бабич в своем рапорте сообщал, «что состоящий под негласным надзором полиции мещанин Подольской губернии, Литинского уезда, заштатного города Сальницы Лукиман Мартынов Мельников прибыл в г. Ейск из г. Винницы 24 сего июля по полугодовому паспорту от 15 марта сего года за № 587 и остановился по квартире у состоящего под негласным надзором полиции врача Константина Кунаховича» [5].

6 февраля 1890 полицмейстер доложил, что «Лукиан Мартынов Мельников проживает в доме врача Кунаховича и учит детей у Кунаховича и Чеботарева» [6].

Это сообщение не осталось без внимания полковника Черкасова, который 27 февраля направил следующий запрос на имя начальника Кубанской области:

«Получено сведение, что проживающий в городе Ейске у практикующего там врача Кунаховича, состоящий, по распоряжению департамента полиции от 16 октября 1886 года за № 3736, под негласным надзором полиции, подольский мещанин, Лукиан Мартынов Мельников, занимается обучением детей врача Кунаховича и купца Чеботарева.

Сообща о сем Вашему Превосходительству, имею честь представить на благоусмотрение Ваше и просить, не будет ли Вами признано предписать местному полицмейстеру потребовать от сказанного Мельникова удостоверение на основании чего он занимается обучением детей в частных домах и обязать его подпиской прекратить это занятие до получения на то право от учебного начальника» [7].

Предложение было одобрено, и 27 марта 1890 года ейский полицмейстер доложил о результатах:

«В исполнении предписания Вашего Превосходительства от 8 сего марта за № 237 имею честь донести, что состоящий под негласным

надзором полиции, Подольский мещанин Лукиман Мартынов Мельников не имеющий удостоверения учебного начальства, на основании которого он занимался обучением детей в частных домах, почему мною отобраны от Мельникова подписка о прекращении им домашних занятий, впредь до получения им свидетельства на преподавание в частных домах» [8].

Итогом проведенной «спецоперации» стало апрельское сообщение полиции о том, что Мельников «проживает на квартире у врача Кунаховича и определенных занятий не имеет» [9]. Мельникову пришлось на несколько месяцев покинуть Ейск, о чем незамедлительно уведомили полицию, — «1 мая 1890 года выехал пароходом в Таганрог» [10]. С сентября 1890 года началось знакомство Мельникова с семьей священника Василия Скидана, о чем сохранилась запись в полицейских донесениях:

«14 сентября 1890 года приехал в г. Ейск и остановился в доме священника Скидана по Воронцовскому проспекту» [11].

Через два дня (16 сентября) Мельников выехал через Ростов-на-Дону в Екатеринодар, но уже 22 сентября «приехал из Екатеринодара в Ейск и остановился в доме умершего священника Скидана» [12].

Следующий 1891 год выдался для Мельникова хлопотным. Он по-прежнему «живет в доме Скидана и ведет знакомство с врачом Кунаховичем, с Чеботаревым и с крестьянкой Анной Захаровой» [13], попытки вернуться к преподаванию обернулись неприятностями.

Из рапорта ейского полицмейстера от 8 марта 1891 года:

«Состоящий под негласным надзором полиции мещанин г. Сальницы Лукиман Мартынов Мельников мною привлечен к ответственности за нарушение постановления о воспитании юношества <...> и дело передано судебному следователю по Ейскому участку» [14].

Пришлось искать иной способ заработка — в апреле он на неделю «выехал по торговым делам в г. Ростов-на-Дону» [15]. В конце мая уехал в родные края, скорее всего, для получения разрешения на ведение частных уроков.

И снова полицейская хроника:

«16 июня 1891 года возвратился в Ейск из г. Сальницы, где во время проживания, как видно из сообщения Литинского уездного исправника от 12 сего июня за № 323, ежедневно навещал поднадзорного Охриповича, который 25 июня был у Мельникова» [16].

В целом же у полицейского управления особых претензий к Мельникову не возникало, что было отражено в очередном рапорте от 4 апреля 1892 года:

«Лукиман Мартынов Мельников вел себя хорошо, ни в чем предосудительном не замечен, занимается продажей канцелярских материалов и имеет знакомство с Кунаховичем и Чеботаревым» [17].

Частные уроки, которые давал Мельников, уже не вызывали опасений у начальства, и полицмейстер в очередном апрельском рапорте за 1893 год сообщил, что поднадзорный продолжает жить в доме Скидана и «занимается преподаванием в разных домах» [18], хотя и «водит знакомство с поднадзорным Антипом Кулаковым» [19].

В этом же году Владимир Васильевич Скидан (Мельников женился на его сестре Меланье Васильевне) был назначен редактором неофициального отдела «Кубанских областных ведомостей», что сыграет важную роль в судьбе Мельникова.

В 1894 году Мельников уже вовсе «занимается торговлей швейными машинами в магазине Зингера» [20], а 15 апреля следующего года пришло сообщение о том, что «Сальницкий мещанин Лукиман Мартынов Мельников освобожден от негласного надзора полиции» [21]. Однако, это сообщение подтверждено не было, и окончательно негласный надзор был снят только в 1901 году.

К 1896 году торговая деятельность Мельникова расширяется. Он ездит по станицам, постоянно отправляется в Ростов-на-Дону и Таганрог, а в полицейском рапорте от 7 октября 1896 года сообщалось, что Мельников «в настоящее время <...> направил свой путь в г. Москву за книгами для книжного магазина, который содержит его жена» [22].

В 1897 году В. В. Скидан, покидая пост редактора «Кубанских областных ведомостей», порекомендовал начальнику области генералу Я.Д. Маламе на эту должность своего шурина. По этому поводу начальнику области был представлен соответствующий доклад:

«Сын крестьянина, ныне Сальницкий Областного Войска Донского мещанин, бывший ученик Немировской гимназии, Лукьян Мельников с 1886 года состоит по распоряжению Департамента Полиции (не указано за что) под негласным надзором полиции. Он с июня 1889 года проживает в городе Ейске, прежде занялся обучением детей, но обязан был подпиской прекратить эти занятия, за неимением установленного свидетельства; до 1894 года определенных занятий не приискал, а затем занялся торговлею и продажей Зингеровских машин. За все время проживания в Ейске Мельников ни в чем предосудительном замечен не был, хотя вел знакомства с некоторыми лицами, состоявшими под надзором полиции» [23].

В начале июня 1897 года Мельников «прибыл в Екатеринодар, где продолжен за ним негласный надзор <...> проживает в доме Цвирилко на Крепостной улице в квартире советника областного правления Скидана».

Состоялось собеседование с начальником области.

«При представлении моем (10 июня [25] 1897 г.) Маламе, по случаю назначения меня на должность редактора, он сказал мне, что он сторонник гласности, что он желает поэтому, чтобы газета заглядывала по возможности во все уголки местной жизни, освещая ее нужды и указывая средства к удовлетворению их; но что вместе с тем он просит меня избегать всякой полемики, так как полемика не соответствует официозу.

Слово «полемика» я понял тогда в обычном, узком смысле этого термина; но скоро обнаружилось, что под «полемикой» Малама разумел, главным образом, своего рода обличения исходящие от станичных корреспондентов по адресу местных властей. Главным же образом Я.Д. напирал на необходимости статей по сельскому хозяйству, применительно к особенностям местного климата, топографии и населения, преимущественно, казачьего; находил также необходимость в статьях по специальным вопросам казачьего быта и службы. В заключении он сказал, что он представляет ведение газеты моему усмотрению и пониманию, что стеснять меня в этом отношении он не предполагает, в особенности, что касается литературного и общего отделов.

Эти, последние слова означали, как это обнаружилось при выпуске первого под моей редакцией номера газеты, то, что мне вверено не только редакторство, но вместе с тем и цензурование газеты» [26].

Итогом собеседования стало следующее — 20 июня 1897 года в департамент полиции было направлено отношение из канцелярии начальника области, что «ввиду благоприятных сведений» о Мельникове генерал Малама «признал возможным допустить его к исполнению обязанностей редактора неофициальной части «Кубанских областных ведомостей»» [27].

Советский писатель Федор Васильевич Гладков, которому Мельников помог опубликовать первые литературные опыты в «Кубанских областных ведомостях», в одном из писем отмечал, что Мельников «был в ту пору одним из самых образованных и прогрессивных людей в городе. Сам литератор, он писал много о Кубанском крае. Из его трудов напому такие, как «Интеллигентный черноморец 40-х годов» (о дневниках Золотаренко), как «В предгорьях Майкопского отдела», как большой историко-литературный очерк о дружбе Т. Шевченко с ген. Кухаренко (кубанцем), как статьи о Белинском и пр.» [28].

Мельников серьезно относился к редакторской деятельности. С 1 января 1899 года газета стала выходить в увеличенном формате, что потребовало привлечения новых сил, в первую очередь корреспондентов, наличие которых становилось насущной необходимостью. По просьбе Л. М. Мельникова начальник области увеличил ассигнования на газету, и редактор стал выплачивать гонорары.

В «Воспоминаниях» Мельникова говорится, что с 1900 года в его распоряжение «выдавалось уже не пятьсот, а одна тысяча рублей, которую я расходовал, главным образом на уплату гонорара (2 коп. за строку) за наиболее необходимые или ценные, по моему мнению статьи, на поощрение наиболее усердных станичных корреспондентов, за вознаграждение определенным постоянным жалованием лица, доставлявшего в газету хронику из областного правления» [29].

Забота редактора о финансовой стороне дела и о тематическом разнообразии издания принесли свои плоды. Сложился свой круг корреспондентов, газета заметно улучшилась, хотя стремилась

не выходить за цензурные рамки. Монопольное положение на рынке местной периодической печати давали ей уникальные условия для существования. Рост интереса со стороны читателей к «Кубанским областным ведомостям» отразился и на увеличении тиража [30].

При этом Мельников, ободренный отсутствием прямой цензуры, потерял осторожность, не обратив внимание на циркуляры Главного управления по делам печати.

В начале 1901 года две темы были определены главным управлением по делам печати в качестве запретных: критика действий полиции и любые упоминания о графе Толстом. Определение Синода от 22 февраля 1901 года, отлучавшее Л. Н. Толстого от церкви и объявлявшее его «лжеучителем», который «в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа», вызвало обратный эффект. Общество выступило на стороне опального графа. Телеграммы поддержки и статьи в защиту Толстого стали своеобразной приметой времени.

Такое положение дел не могло не беспокоить главное управление по делам печати. 26 марта 1901 года в губернии и области Российской Империи был разослан секретный циркуляр, в котором администрации предлагалось принять меры по недопущению распространения через местную прессу каких-либо сведений о Толстом:

«После обнародования послания Святейшего Синода о графе Л. Н. Толстом газеты стали усиленно печатать телеграммы и известия, выражающие сочувствие этому писателю. В виду того, что выражение в печати сочувствия графу Толстому при настоящих условиях приобретает характер как бы протеста против послания Святейшего Синода, Главное Управление по делам печати, по приказанию министра Внутренних Дел, имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о том, чтобы подобного рода телеграммы и известия не были добавляемы к печати в повременных изданиях» [31].

Летом 1901 года состояние 73-летнего писателя резко ухудшилось. «Граф Л. Н. Толстой был настолько серьезно болен, что со дня на день ожидали его смерти и, конечно, опасались, в виду его отлучения,

возможных при панихидах о нем волнений со стороны учащихся молодежи. Поэтому цензуре был отдан приказ от министра внутренних дел Д. С. Сипягина относиться с величайшей строгостью ко всему, что пишется о Толстом и его болезни» [32].

Когда Толстой принял решение о поездке в Ялту для поправки здоровья, путешествие «лжеучителя» из Ясной Поляны в Крым вызвало новые опасения властей. Поэтому 8 августа 1901 года во все губернии Российской империи был направлен еще один секретный циркуляр за № 6159:

«В дополнение к циркулярному отношению от 26 марта 1901 за № 2519, главное Управление по делам печати, по приказанию Господина Министра Внутренних Дел, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, предложить лицам, цензирующим местные периодические издания, не дозволять к печати никаких известий о проезде Графа Льва Толстого на юг, о встречах, устраиваемых ему, и о приветствиях, обращаемых к этому писателю со стороны почитателей» [33].

Все указанные циркуляры были своевременно получены канцелярией начальника области. Однако редактор неофициальной части не придавал им значения и спокойно перепечатал в № 242 заметку под названием «Л. Н. Толстой на южном берегу Крыма».

Хотя материал был чисто информационным, он входил в противоречие с циркулярными указаниями. Поэтому 30 ноября 1901 года из главного управления по делам печати последовало указание начальнику области «поставить на вид редактору «Кубанских Областных Ведомостей» неправильность допущения им к напечатанию упомянутой статьи» [34].

Вряд ли центральный цензорский контроль за провинциальным изданием был бы столь придирчивым, но этому предшествовали события, сделавшие фигуру Луки Мельникова подозрительной для главного управления по делам печати. Сам Мельников так объяснял случившееся:

«В апреле 1901 года в С.-Петербурге, при главном управлении по делам печати, была образована, под председательством редактора

«Правительственного Вестника», поэта К. К. Случевского [35] «комиссия для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей; для участия в этой комиссии были вызваны редакторы 15–16 более содержательных «Губернских ведомостей», в том числе и я. <...>

Не находя нужным (и полезным) скрывать свои мнения по вопросу о положении и задачах губернских ведомостей, я, по-видимому, обратил на себя внимание своими «свободными мыслями» членов комиссии из числа членов совета главного управления по делам печати. Заключаю это из того, что не обращавшее до сих пор никакого внимания на «Кубанские ведомости» главное управление печати, стало проявлять к ним довольно настойчивый интерес» [36].

Через несколько номеров после публикации статьи о графе Толстом в «Кубанских областных ведомостях» появилась перепечатка из «Русских ведомостей» о судебном процессе над полицейским приставом. По ее поводу главное управление по делам печати отправило 3 декабря 1901 года Я. Д. Маламе новое указание:

«Циркуляром Главного Управления по делам печати, от 12-го марта 1901 г., за № 2099, воспрещено помещать в периодических изданиях отчеты о судебных процессах, возбуждаемых против чинов полиции. Между тем в № 246 «Кубанских Областных Ведомостей» перепечатан из «Русских Ведомостей» судебный отчет по делу бывшего полицейского пристава Крюковского, обвинявшегося в превышении власти. В виду изложенного Главное Управление по Делах Печати имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство указать цензирующему «Кубанские Областные Ведомости» на неправильность разрешения к печати вышеупомянутого судебного отчета и не необходимость на будущее время при разрешении представляемого ему на просмотр материала строго соблюдать все распоряжения Главного Управления» [37].

На этот раз генерал Малама был вынужден принять меры. На месячный срок цензура газеты была поручена старшему помощнику правителя канцелярии, а в официальном отделе «Кубанских областных ведомостей» от 14 декабря 1901 года было помещено сообщение:

«Редактору неофициальной части «Кубанских Областных Ведомостей» Л. М. Мельникову Главное Управление по Делах Печати признало необходимым поставить на вид неисполнение одного из циркулярных распоряжений Главного Управления» [38].

Мельников достаточно беспечно отнесся к полученным предупреждениям, и весной 1902 года разразился скандал, связанный с двумя публикациями в «Кубанских областных ведомостях» и приведший к перестановкам в руководящем составе газеты.

Все началось с февральской публикации безобидного бытового очерка из казацкой жизни под названием «Ылько», в котором, как писал в мемуарах Л. М. Мельников, «действующие лица говорят по-украински, как это им и полагается. Вот эти разговоры, в виду незнания автором украинского правописания, были напечатаны самым безграмотным образом с точки зрения правил орфографии, так что текст являл из себя хаотическую смесь русского и малороссийского правописания. Тем не менее главное управление по делам печати усмотрело в этой безграмотной мешанине отступление от нигде не публиковавшегося высочайшего повеления 18 мая 1876 года, воспрещающего употреблять малороссийскую орфографию, так называемую кулишовку, которой и не пахло в рассказе, так как даже заголовок его «Илько» был напечатан русским, а не малороссийским правописанием (по кулишовке следовало бы «Илько», а не “Ылько”» [39].

Однако постановление 25-летней давности было использовано против редактора «Кубанских областных ведомостей». 2 марта 1902 года из главного управления по делам печати последовало новое распоряжение начальнику области:

«На основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, последовавшего в 18/30 день Мая 1876 года и сообщенного Господам Губернаторам в циркуляре Главного Управления по делам печати от 23 Июня 1876 года, за № 3570, печатание произведений изящной словесности на малороссийском наречии разрешено лишь под тем условием, чтобы в них не было допускаемо: никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на напечатание

такого рода произведений давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном Управлении по Делах Печати.

Между тем в № 28 «Кубанских Областных Ведомостей» за текущий год напечатан фельетон под заглавием «Ылько», большая часть которого изложена по-малороссийски, причем допущено и отступление от общепринятого русского правописания употреблением в тексте буквы «і» там, где следовало бы ставить букву «и».

В виду изложенного Главное Управление по Делах Печати имеет честь обратить внимание Вашего Превосходительства на то, что согласно вышеприведенному ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению фельетон «Ылько» ни в коем случае не подлежал помещению на страницах «Кубанских Областных Ведомостей» без предварительного на то разрешения» [40].

В Екатеринодаре не заметили надвигающейся угрозы. Мельникову даже не было поставлено на вид, а резолюцией начальника области стала отписка — «ничего не печатать на малороссийском наречии» [41].

Редактор вовсе не стремился бросать вызов. Он был занят подготовкой очередных выпусков газеты и среди прочих материалов опубликовал невинный (с его точки зрения) очерк своего постоянного корреспондента:

«Ежегодно в № от 19 февраля я имел обыкновение помещать какую-нибудь заметку, посвященную освобождению крестьян; в 1902 году между прочим я поместил невинную мемуарную статейку учителя из ст. Родниковской Л. К. Розенберга [42] под заглавием «В старое доброе время», тем более невинную, что «злодеем» ее был польский помещик, весьма далекого прошлого. И что же получилось? Кто-то в главном управлении усмотрел, что эта статейка подрывает престиж дворянского сословия, доложили об этом тогдашнему министру внутренних дел Сипягину» [43].

Мельников не ждал ничего плохого. Приближалось 50-летие со дня смерти Николая Васильевича Гоголя, готовился специальный номер, посвященный этой дате. А тем временем (23 марта 1902 года) в Тифлис на имя князя Г.С. Голицына [44] было направлено отношение за подписью Д. С. Сипягина [45]:

«В № 41 «Кубанских Областных Ведомостей» за текущий год помещена статья под заглавием «Эпизод из доброго старого времени» (к 11 годовщине 19-го февраля 1861 года).

Автор этой статьи, учитель Л. К. Розенберг, по случаю исполнившейся 41-й годовщины освобождения крестьян приводит рассказ одной старухи-солдатки из той эпохи, когда «помещик владел крестьянами, был полновластным хозяином жизни своих подданных и безнаказанно распоряжался не только их имуществом, но и телами, чуть ли не душами их». В рассказе самыми яркими красками изображаются возмутительные подробности зверского обращения со своими крепостными развратного и жестокого пана Б., помещика Подольской губернии. Сцены изнасилования крепостных девушек и засекания насмерть на конюшне производят возмущающее душу впечатление.

Такие статьи, неприличные даже в частных повременных изданиях, совершенно недопустимы в изданиях официальных, которые не должны говорить читателям языком страсти и ненависти, не должны вызывать в них презрения или проклятия к прошлому и особенно к классу и поныне стоящему во главе общества. Напечатание указанной статьи свидетельствует о полном непонимании редактором «Кубанских Областных Ведомостей» его обязанностей.

Почему имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство, не изволите ли Вы признать необходимым сделать зависящее распоряжение об устранении г. Мельникова от редакторских обязанностей. Вместе с тем я находил бы совершенно недопустимым на будущее время сотрудничество в означенных Ведомостях автора статьи г. Розенберга» [46].

Князь Г. С. Голицын направил копию полученного отношения Я. Д. Маламе с требованием замены редактора неофициальной части газеты. Начальник области, не видевший ничего крамольного в указанной статье, не спешил исполнять полученное свыше распоряжение и тянул с ответом. Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что министра внутренних дел к тому времени уже не было в живых [47].

1 мая 1902 года Малама направил письмо в штаб Кавказского военного округа, в котором отметил, что «за помещаемыми в неофи-

циальной части «Кубанских Областных Ведомостей» статьями я наблюдаю лично, и, по доверию к редактору Мельникову, я освободил его от непременно предоставленного мне для цензурного разрешения всех, помещаемых в указанном органе статей, предварительно дав ему руководящие указания и давая таковые при обращении его ко мне за разрешением в отдельных сомнительных для него случаях, о таком порядке издания неофициальной части «Кубанских Областных Ведомостей» Мельниковым было доложено на Съезде редакторов «Губернских Ведомостей» в Санкт-Петербурге в апреле месяце минувшего года и по этому поводу мною до настоящего времени никаких указаний не получено.

Согласно отзыва Вашего Превосходительства за № 6135 Мельников будет устранен от обязанностей редактора, а учитель Розенберг от сотрудничества в «Кубанских Областных Ведомостей», но в виду трудности теперь же найти заместителя Мельникову и чтобы избежать перерыва в выходе газеты, я прошу Ваше Превосходительство доложить Его Сиятельству господину Войсковому наказному атаману мою просьбу об оставлении Мельникова редактором впредь до приглашения на его место другого соответствующего лица или, по крайней мере, в течение приблизительно двух месяцев» [48].

Более того, Я.Д. Малама счел необходимым высказать и свое особое мнение по поводу полученного отношения:

«Независимо от изложенного, считаю нужным сообщить:

1) что помещенную в № 41 «Кубанских Областных Ведомостей» за текущий год статью под заглавием «Эпизод из доброго старого времени» я лично не нахожу не подлежащей напечатанию, так как о дурных сторонах крепостного права в таком же духе, как и указанная выше статья, в разное время много было напечатано в литературе, и

2) что, если бы, предварительно напечатанную эту статью Мельников предоставил бы мне для цензуры, то я не встретил бы препятствий для напечатания ее» [49].

Одновременно с этим 3 мая 1902 года начальник области официально уведомил Л. М. Мельникова о санкциях со стороны министерства внутренних дел и подчинил цензуру неофициальной части

«Кубанских областных ведомостей» правителю своей канцелярии Семену Васильевичу Руденко.

«В виду объявленного мною Вам распоряжения Господина Министра Внутренних Дел об устранении Вас от обязанностей редактора неофициальной части «Кубанских Областных Ведомостей» поставляю Вас в известность, что я вошел с ходатайством к Господину Войсковому Наказному Атаману об оставлении Вас редактором впредь до подыскания на Ваше место другого лица.

Независимо от сего уведомляю Вас, что я признал нужным подчинить неофициальную часть «Кубанских Областных Ведомостей» цензуре Правителя моей канцелярии, а поэтому предлагаю Вам представлять названному должностному лицу весь материал, помещаемый в редактируемых Вами «Ведомостях»» [50].

В личной беседе Малама (в изложении Мельникова) откровенно объяснил сложившуюся ситуацию:

«Пригласив меня к себе и дав мне прочесть эту бумагу, он откровенно и как-то душевно сказал мне, что он лично в инкриминируемой статейке не усматривает решительно ничего, подрывающего чей бы то ни было престиж, что в печати он беспрестанно встречается на эту тему гораздо более сильные статьи и что он попробует отстоять меня» [51].

Однако реакция князя Голицына была жесткой. Подчеркнув в ответном письме от 18 мая 1902 года, что «вполне разделяет взгляд Министра Внутренних Дел», он прочитал Я.Д. Маламе нотацию по поводу необходимости соблюдения цензурных правил:

«Я не могу согласиться с приведенным Вами взглядом относительно цензирования неофициальной части «Кубанских Областных Ведомостей» по следующим причинам:

Названная газета состоит из двух отделов: официального и неофициального. Статья 38 Устава о Цензуре и печати освобождает от предварительной цензуры только издания правительственные, а потому от таковой цензуры мог быть освобожден только отдел официальный, неофициальный же отдел должен цензироваться на общем основании (ст. 15 Устава о цензуре), как частная газета,

издаваемая в областном городе, Младшим Помощником Начальника Области (исполняющим обязанности вице-губернатора), если для этого не было назначено особого цензора.

Если же Ваше Превосходительство признали возможным взять на себя лично труд по цензурованию неофициальной части, то необходимо было выполнить и все вытекающие из этого решения обязанности по цензурованию каждой статьи, так как закон, не смотря на заявления, бывшие на съезде редакторов, оставаясь до сих пор в своей силе, не дает права цензорам оказывать доверие редакторам по выпуску в свет печатных статей.

Принимая во внимание изложенное выше, я не могу признать установленного Вами порядка цензурования законным и предлагаю: во первых, немедленно устранить Мельникова от редактирования неофициальной части газеты, хотя бы при этом последовал перерыв издания ее, и, во-вторых, установить цензурование на точном основании статьи 15-й Устава о цензуре и Печати, изд. 1890 года и примечания к ней, в тех случаях, когда Вы признаете полезным взять на себя лично цензурование газеты, то делать это не иначе как на точном основании цензурного устава» [52].

Результатом всех этих событий стал тот факт, что 24 мая 1902 года «в исполнении предложения от 18 сего мая за № 8623 г. Мельников вместе с сим устранен от редактирования неофициальной части “Кубанских областных ведомостей”» [53]. При этом начальник области распорядился «выдать пособие Мельникову» [54], который 3 сентября 1902 года «прибыл в г. Ейск и поступил на службу в городскую управу секретарем» [55].

События, связанные с дарованием свобод, не обошли стороной и тихий Ейск, основоположником периодической печати которого и стал Лука Мартынович Мельников.

Прошение на издание газеты Л. М. Мельников подал 7 февраля 1907 года, но выдача разрешения затянулось в связи с проверкой благонадежности заявителя, и только 11 марта 1907 года появился из печати первый номер газеты под названием «Ейский вестник». Новое издание позиционировало себя как политическую, обще-

ственную и литературную газету, выходившую «от одного до шести раз в неделю, по мере накопления материала».

«Вскоре после появления первых номеров «Ейского вестника» исполняющий делами полицмейстера города Ейска есаул Ромашук доводил до сведения начальника Кубанской области, что «убеждения как редактора-издателя этой газеты, так и сотрудников ее, идущие рука об руку с крайними элементами, дают полное право предположить, что в ней могут появиться такие статьи, что повлекут за собой со временем арест, а то и закрытие газеты» и просил разрешения на право приостанавливать деятельность данного издания, хотя бы временно, «в необходимых случаях, и тем пресечь во время распространения противных законному порядку и Государственному строю сведений»» [56].

Весь период издания газеты Мельников являлся ее бессменным редактором, а издательский корпус претерпевал определенные изменения — с 22 апреля 1907 года в качестве издателей (помимо самого Мельникова) были заявлены Марья Петровна Чеботарева и Меланья Васильевна Мельникова, а с 6 июня того же года из состава издателей вышел Мельников.

Печаталась газета в типографии ейского печатника Федора Прохоровича Корнилова, но продержался «Ейский вестник» только до 1 июля 1907 года, когда Мельников прекратил издание «за недостатком средств».

По характеристике Б. М. Городецкого, «газета обслуживала преимущественно район, экономически и культурно тяготеющий к Ейску, посвящая ему главные свои статьи» [57].

В № 71 от 29 июня 1907 года в статье «От редакции» говорилось следующее:

«В настоящее время в виду роспуска Государственной Думы и приостановки занятий Государственного Совета до 1 ноября, будучи лишена возможности давать своим читателям обещанный ею материал, редакция «Ейского вестника» затрудняется заменить его иным материалом, который мог бы заинтересовать большинство читателей в такой степени, в какой их интересовала деятельность

помянутых законодательных учреждений. Местная же жизнь при крайней скудости и ограниченности ее содержания и вообще при однообразии ее проявления, особенно в летнее время, не может дать достаточного материала для ежедневной газеты в том формате, в котором она до сих пор выходила. <...>

В виду изложенного, редакция «Ейского вестника» пришла к заключению приостановить с 1 июля выпуск газеты до изменения к лучшему, если не всех, то хотя бы некоторых из вышеуказанных отрицательных для ее существования условий, т. е. до наступления осени, когда имеющаяся начаться к тому времени избирательная кампания, а затем — деятельность III Государственной Думы и Государственного Совета, быть может, поднимут интерес к газете среди читателей до такой высоты, при наличии которой издателям не придется нести столь значительные, как до сих пор, убытки» [58].

В 1908 году Мельников переехал в Новороссийск, где был избран секретарем новороссийской городской думы. В этом городе он предпринял попытку издания еще одной собственной газеты под названием «Новороссийская жизнь». Но этому проекту не суждена была долгая жизнь — первый номер вышел 28 февраля 1916 года, а последний (двенадцатый) появился 26 мая.

«Газета обслуживала нужды и интересы преимущественно местного значения в пределах небольшого географического района, центром которого был Новороссийск, а крайними пределами — с одной стороны Анапа, а с другой — Геленджик» [59].

В 1918 году Мельникова вновь позвали в Екатеринодар — редактировать газету «Вольная Кубань», но ситуация не сложилась, так как идеологические платформы издателей и предполагаемого редактора оказались далекими друг от друга.

Мельников вернулся в Новороссийск, где с 1920 года служил в местном отделе народного образования секретарем, затем заведовал центральной библиотекой.

Скончался Лука Мартынович Мельников в Новороссийске 21 мая 1922 года от тифа.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В архивных документах встречаются и другие формы написания имени Мельникова — Лукиан, Лукьян, Лукиман.
2. Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе.— Екатеринбург: Тип. Кубанского областного правления, 1914.— С. 74.
3. Черкасов Федор Александрович — полковник, возглавлял Кубанское областное жандармское управление с 13 декабря 1888 года по март 1892 года, когда был переведен на должность начальника Волынского губернского жандармского управления.
4. ГАКК [Государственный архив Краснодарского края], ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 10б.
5. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 4.
6. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 8.
7. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 9.
8. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 11.
9. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 13.
10. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 14.
11. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 15.
12. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 25.
13. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 27.
14. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 39.
15. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 16.
16. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 29.
17. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 40.
18. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 43.
19. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 67.
20. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 73.
21. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 86.
22. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 112.
23. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 126.
24. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 128.
25. Согласно данным полицейского управления, Л. М. Мельников прибыл в Екатеринбург не 10, а 12 июня 1897 года.
26. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 129–130.
27. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 127.
28. Куценко Ф. П. Федор Гладков: письма на Кубань [Электронный ресурс] // Наследие веков.— 2016.— № 4.— С. 81–88. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Kutsenko.pdf (дата обращения 2.03.23)
29. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 132. Ряд фрагментов из воспоминаний Л. М. Мельникова, написанных в апреле 1913 года, использованы Б. М. Городецким (текстовые совпадения почти дословные) в «Очерке развития русской периодической печати на Северном Кавказе» без ссылки на первоисточник; он же опубликовал мемуары Л. М. Мельникова в виде самостоятельного фрагмента в восьмом выпуске «Известий Общества любителей изучения Кубанского края» в 1924 году.
30. Ежедневный тираж газеты колебался в пределах 3000–3250 экземпляров, а количество городских и иногородних подписчиков достигло 2200 человек. Своей сети

- распространения «Кубанские областные ведомости» не имели, поэтому крупные партии газеты (по 400–500 экз.) ежедневно забирались двумя частными оптовыми покупателями для розничной торговли (ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6148, л. 5 об.).
31. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 4.
  32. С. У. Кавказская цензура // Исторический вестник, 1912. — № 6. — С. 921.
  33. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 6.
  34. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 8.
  35. Случевский Константин Константинович (1837–1904) — поэт, переводчик, драматург. С 1891 по 1902 год — главный редактор газеты «Правительственный вестник». Являлся членом совета Главного управления по делам печати.
  36. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 133.
  37. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 9.
  38. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 11.
  39. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 133.
  40. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 14.
  41. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 134.
  42. Розенберг Лев Константинович — учитель, этнограф, собиратель фольклора. С 1894 года учительствовал в немецкой колонии Семеновской. С 1899 по 1902 год преподавал в двухклассном училище в станице Родниковой Лабинского отдела, а затем перевелся в Константиновское двухклассное училище, где проработал до начала 1904 года. Далее следы его пребывания на Кубани теряются, но публикации 1905 и 1908 годов свидетельствуют о сохранении интереса к кубанской культуре.
  43. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 134.
  44. Генерал-адъютант Григорий Сергеевич Голицын (1838–1907) занимал должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе с 1897 по 1904 годы.
  45. Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — государственный деятель, министр внутренних дел с 1900 по 1902 год.
  46. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 17.
  47. 2 апреля 1902 года в Санкт-Петербурге боевик эсеровской партии Степан Балмашов пятью выстрелами в упор расстрелял Д. С. Сипягина.
  48. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 19.
  49. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 19.
  50. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 21.
  51. Мельников Л. М. Цензурные порядки былого времени. Из воспоминаний редакторов // Известия Общества любителей изучения Кубанского края.—Краснодар, 1924.— Вып. VIII.— С. 134.
  52. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 24–25.
  53. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 30–31.
  54. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 6075, л. 31.
  55. ГАКК, ф. 454, оп. 2, д. 5218, л. 135.

56. Хошобина М. Н. Ейский период редакторской деятельности Л. М. Мельникова // Журналистика: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции.— Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.— С. 310.
57. Городецкий Б. М. Периодика Кубано-Черноморского края. 1863–1925.— Краснодар: Традиция.— 2010.— С. 36.
58. Ейский вестник. 1907, № 71 (29 июня).
59. Городецкий Б. М. Периодика Кубано-Черноморского края. 1963–1925.— Краснодар: Традиция.— 2010.— С. 62.

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВЫХ МЕДИАТЕХНОЛОГИЙ

В. Ф. Олешко

Уральский федеральный университет

Основными тенденциями развития общества сегодня являются процессы глобализации и цифровизации. При этом социальный институт журналистики переживает серьезные испытания прежде всего в связи с расширением числа субъектов информационной деятельности, а также изменением структур и содержательных компонентов деятельности профессионалов медийной сферы [1]. Однако технологическая трансформация и децентрализация информационных систем привела не только к увеличению объемов транслируемой массовой аудитории информации, но и к снижению персональной ответственности акторов за достоверность и качество транслируемого контента, и, следовательно, к нарушению десятилетиями складывающихся социальных связей. Не случайно проблема системной трансляции недостоверной и откровенно фейковой информации сегодня всё чаще рассматривается в контексте анализа разновидностей скрытых стратегических коммуникаций [2]. Решить же эту и многие другие проблемы, как свидетельствует новейшая практика, невозможно без использования ресурсов сквозных цифровых технологий [3]. К примеру, осуществляя мониторинг достоверности информации или факт-чекинг сообщений с привлечением возможностей нейросетей.

Развитие журналистики цифровой эпохи как конвергентной, мультимедийной и кроссплатформенной предопределило повышение в целом роли научных исследований и, конкретно, социологических и психологических. В особенности это касается проблематики как

творческой деятельности журналистов в условиях *транзитивности*, так и восприятия и интериоризации текстов представителями различных групп аудитории массмедиа. Следует уточнить, что психологическое содержание понятия «транзитивность» вбирает в себя «как происходящие социальные трансформации, так и изменчивость социальных представлений и ценностей, и неопределенность норм и установок» [4].

Большинство цифровых медиатехнологий напрямую соотносятся со сквозными технологиями, которые одновременно охватывают несколько отраслей (потому они и именуются «сквозными»). В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (<http://government.ru/docs/all/112831/>) перечислены основные из них: нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей. Журналистами некоторые из данных технологий сегодня активно используются: где-то экспериментально, где-то с целью привлечь к потреблению контента молодёжную аудиторию или для расширения диалоговых возможностей традиционных СМИ. Но в современных исследованиях, на наш взгляд, необходимо акцентировать внимание прежде всего на креативной составляющей процесса их внедрения в повседневную медийную практику. Ведь в эпоху повсеместной цифровизации медиа должны становиться более гибкими в реализации своих стратегических планов, персонализированными и конкурентоспособными в споре за внимание аудитории с теми же социальными сетями и мессенджерами. А учитывать социальные запросы в режиме реального времени во многом могут помочь сквозные цифровые технологии. Не случайно формирование концепции так называемой «разъяснительной журналистики» совпало как раз с их практическим внедрением в работу журналистов. Причём это было обусловлено не только (впрочем, скорее — не столько) решением задач творческого характера. Бум объяснительных форматов был обусловлен прежде всего изменением рекламной модели, при

которой потребители больше ориентированы на контекстные Интернет-сообщения. Следовательно, чтобы удержать рекламодателей, которые начали всё чаще отказываться от массмедиа как основных каналов трансляции своих сообщений, приходилось искать некие соответствия своим трансляциям в среде глобальной Сети.

Цифровые возможности сквозных технологий при этом играли первостепенную роль как за счёт практически неисчерпаемых ресурсов мультимедийности любых текстов, так и с учётом включённости человека в процесс ничем и никем не опосредованной их интериоризации. Основные свойства объяснительного текста в этом случае как никогда соответствовали запросам большинства представителей аудитории: «Объясняющая интонация, язык прямой беседы с читателем. Имитируем разговор с читателем — без терминов и сложных понятий. Особое внимание к источникам. Деление на фрагменты — например, формат «вопросы и ответы». Визуализация» (<https://newreporter.org/2020/07/07/pravila-razyasnitelnoj-zhurnalistiki/>).

Цифровой инструментарий сквозных технологий, как мы уже отмечали, можно интегрировать в любую сферу, или использовать его возможности. Только один бытовой и одновременно медийный пример: научные достижения в разработках искусственного интеллекта, реализованные Сбером, сегодня активно используются федеральными и региональными радиостанциями при трансляции своих программ не только через эфир, глобальную Сеть, но и при помощи «умных колонок». Возможности робототехники при помощи так называемых ботов позволяют перевести информационно-справочную работу редакций массмедиа в число малозатратных и очень эффективных.

Приведем только один пример. Приложение *Notion* представило ИИ (искусственный интеллект) редакционного помощника, который может генерировать посты на заданную тему с помощью нейросети, создавать посты в блоге, шаблоны писем-ответов читателям, списки рекомендованных статей и книг и еще многое другое. Тем самым вспомогательный персонал массмедиа освобождается от многих рутинных операций, а журналисты могут даже попросить помощника *Notion AI* заняться мозговым штурмом: придумать, к примеру,

идеи оригинальных проектов, цикла публикаций на определенную тему, сгенерировать группы актуальных текстов на основе данных глобальной Сети и т. д.

В целом же, если выделять креативную составляющую сквозных технологий, напрямую влияющих сегодня на развитие медиасферы, то в первую очередь следует назвать именно *искусственный интеллект* и *big data* (большие данные). Идеи искусственного интеллекта были сформулированы еще в конце 50-х годов прошлого века. Однако ученым и разработчикам удалось их реализовать на практике только в эпоху цифровизации, когда технологические разработки позволили настолько удешевить процессы их внедрения, что использование в быту даже вошло в лексикон именованиями «Интернет вещей», «умный город», «умный дом» и т. д. Свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, позволило массмедиа использовать их в том числе для прогнозирования и моделирования различных форм диалоговых отношений с аудиторией на базе *big data*. Активное использование массовой аудиторией айфонов/сотовых телефонов предопределило кардинальные изменения форм и способов потребления контента. Что побудило медиаменеджмент сконцентрировать внимание не только на процессах сбора и создания текстов, но и на их сопровождении — при трансляции в глобальной Сети и всё чаще в режиме реального времени. На практике это выразилось в том, что тексты современных массмедиа делятся на те, что предназначены для быстрого просмотра и длительного чтения. Причём в первом случае активно используются возможности новостных *медиароботов*, а во втором — авторы при создании материалов обязательно должны принимать во внимание степень «погружения» представителя массовой аудитории в тот или иной медиатекст. Следовательно, сегодня основные игроки медиаиндустрии переходят и к освоению при посредстве вышеназванных сквозных технологий и модели вовлеченного читателя.

При этом для расширения аудитории за счет молодежи используются даже весьма неожиданные формы подачи материала. К примеру, популярнейший у россиян журнал «Правила жизни» (новое

название Esquire в России — <https://www.pravilamag.ru>) выпустил спецпроект на 15-летие корпорации Росатом. Текст, рассказывающий о ранее засекреченных городах нашей страны, ставших крупнейшими энергетическими и научными центрами, «упакован» в комикс, каждая страница которого представляет собой карточки, удобные для чтения с айфона. Кроме того, каждая текстовая «плашка», представленная в материале, является анимированной, что добавляет динамику и креативность в визуальный ряд спецпроекта. Издание позаботилось об интересах «вовлеченных читателей», и системно реализовав спецпроект с научно-популярной платформой Homo Science, рассказывая о научных открытиях, которые изменили мировоззрение людей и заложили основу для новых исследований.

В качестве еще одного примера реализации при посредстве новых технологий эффективной модели «вовлеченного потребителя информации» можно привести веб-портал «ПостНаука» (<https://postnauka.ru>). Здесь реализован проект, посвященный проблемам современной фундаментальной науки и рассказывающий также о ярких представителях данной сферы. Его оригинальность заключается в том, что авторами материалов выступают ученые и ведущие эксперты в своей научной дисциплине, а повествование ведётся от первого лица.

Нельзя обойти вниманием и этико-социальную значимость сквозных технологий. В цитируемой уже программе «Цифровая экономика», утвержденной распоряжением Правительства России, ряд ключевых направлений развития цифровой экономики тесно взаимосвязан с задачами и функциями как традиционных СМИ, так и новых медиа. Приведем только одну цитату: «Формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений» (<http://government.ru/docs/all/112831/>). В связи с этим необходимо отметить, что нейротехнологии и системы распределенного реестра позволяют журналистам и представителям аудитории, обладающим элементарной медиаграмотностью, решать задачи качественного анализа содержания информационных потоков.

Причём общие запросы наиболее «продвинутой» части аудитории к массмедиа предполагают, как мы выяснили в ходе проведенного в 2021–2022 гг. опроса, «разнообразие жанровой палитры», «постоянное обновление форматов подачи текстов», «внедрение VR и AR-технологий», «использование журналистами в работе возможностей нейросетей, искусственного интеллекта», «опору в выводах и аналитике на различные базы данных» и др. [5].

Впрочем, сквозные цифровые технологии, как мы выяснили в ходе многовекторных исследований 2018–2021 гг. в рамках реализации гранта РФФ, открывают, помимо всего прочего, широкие перспективы определения факторов эффективности журналистской деятельности. В первую очередь — за счёт выделения доминант, способствующих формированию и развитию коммуникативно-культурной памяти российской нации [6], и маркеров психологического благополучия представителей тех или иных групп аудитории, а также создания методики для диагностирования признаков различных форм неблагополучия и ранней коррекции отклоняющегося развития под воздействием медиаконтента определённого содержания [7, с. 85–89]. Причём речь не идёт о расширении различных форм тотального цифрового «контроля за личностью под предлогом рационализации управления, экономической целесообразности, борьбы с терроризмом, преступностью и т. п., а также изменения самих людей, их ценностей и мировоззрения как важнейшего условия осуществления более радикальных институциональных и иных неототалитарных преобразований, систематического массового манипулирования» [8, с. 7]. Медийный контроль с использованием новых технологий как естественное стремление к оценке результативности работы в настоящее время есть в арсенале политологов, маркетологов, рекламодателей. Поскольку нейросеть позволяет модерировать как вербальные, так и креолизованные тексты, то массмедиа в этой ситуации при посредстве сквозных технологий могут не только противостоять опасным тенденциям, но и формировать по-настоящему диалоговые отношения с представителями аудитории.

Приведём несколько примеров¹. Журналисты РИА «Новый день» на своём сайте неоднократно проводили опрос среди екатеринбуржцев по поводу актуальнейшей, но дискуссионной в период коронавируса проблемы обязательности QR-кодов². Люди могли выразить свое мнение по данному вопросу, а перед этим прочитать аналитическую статью по данной тематике, подготовленную журналистами с опорой на big-данные. Цифровая технология в совокупности позволяла не только собрать и обобщить статистику, мнения экспертов, но и формировать необходимые установки. Радио КП («Комсомольская правда») на своей медийной платформе с 2016 по 2022 гг. представляет проект «20 идей по развитию России»³. Каждая из представленных авторских идей обобщает публикации массмедиа по данной тематике, как это можно видеть, к примеру, по поводу внедрения искусственного интеллекта для борьбы с преступностью⁴, а в дальнейшем текст отправляется представителям властных структур. И чаще всего подтверждается принятием конкретных решений, как это было в большинстве случаев. Гипертекст с использованием мультимедийности (видео, инфографики, контекстных ссылок и т. д.) позволяет сквозные цифровые технологии использовать как арсенал развития диалоговых отношений с любым человеком, обладающим элементарной медиаграмотностью.

Обобщить огромные объемы информации, систематизировать текст в удобную визуальную текстуру помогает инфографика — выжимка из фактов, иллюстрированных изображениями⁵. Работу робота-хирурга с использованием инфографики можно взаимосвязать, к примеру, с динамикой количества заболевших раком мужчин, тайм-линией в целом развития робототехники в медицине⁶. Формат

¹ Эти и другие примеры креативных решений в полном объеме представлены в публикации автора «Сквозные цифровые технологии: диапазон возможностей современных массмедиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 564–585».

² <https://newdaynews.ru/voting/459.html>

³ https://20idei.ru/ru/?utm_source=radiokp.ru&utm_medium=btnd

⁴ <https://20idei.ru/ru/ideas/20.19>

⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/2254757>

⁶ <https://ria.ru/20180925/1529322692.html>

таймлайна позволяет проследить движение или изменение объекта со временем. В рекламном тексте можно видеть, как бренд представляет продукцию, выпущенную в разные годы⁷. Анимация, подкрепленная карточками, может помочь аргументировать правильные действия при общении с мошенниками⁸. Материал, оформленный с помощью цифровых технологий, к тому же не только воспринимается в гармоничном единстве, но и при этом может включать по сути информацию из нескольких книг, как это было в подборке «Есенин в серебряном веке»⁹.

Разработка специальных инструментов для онлайн-журналистики, прежде всего конструкторов лонгридов и интерактивных историй, позволила издателям в десятки раз сократить затраты на производство данных спецматериалов и сделать эти форматы по-настоящему доступными.

Прекрасный пример качественного лонгрида от сайта «Коммерсантъ» о дне памяти 22 июня 1941 года, где были использованы иллюстрации в виде вырезок из газет и фотографий того времени, представлено аудио- и видеосопровождение и инфографика¹⁰. Документальная игра «Карта истории» про главные события в России XX века дает пользователю возможность следить за судьбой реального человека и даже делать за него выбор¹¹.

Новейшая практика свидетельствует, что качественный нарратив, построенный в том числе и в соответствии с законами сторителлинга, вообще имеет огромный потенциал для привлечения внимания адресатов. Примечательно, что сторителлинговый материал, представленный на сайте издания «Аргументы и факты»¹², включает контент как в традиционном, так и в мультимедийном форматах. А широкий отклик массовой аудитории на них, по мнению журналистов, делает несостоятельными заявления о скорой и неизбежной смерти «длин-

---

⁷ <https://theblueprint.ru/beauty/specials/10-aromatov-comme-des-garcons>

⁸ <https://www.kp.ru/expert/elektronika/moshennichestvo-po-telefonu/>

⁹ <https://ria.ru/20151002/1295305068.html>

¹⁰ <https://www.kommersant.ru/projects/june22>

¹¹ <https://kartaistorii.ru/>

¹² AIF.ru

нотекстовой» журналистики. Мультимедийный сторителлинг, как мы выяснили во время вышеназванных социологических опросов, отвечает интересам медиапотребителей разных возрастных групп, прежде всего не воспринимающих обезличенные факты и молниеносно меняющиеся информационные сценарии.

Желание удовлетворить прагматически обусловленные интересы массовой аудитории, настроенной на сопутствующее при иной деятельности восприятие медиаинформации, дало развитие формату аудиоподкастов СМИ. Например, «РИА Новости» постоянно выкладывают в глобальную Сеть записи встреч ведущих с гостями, обсуждающими различные темы. К примеру, жизненные страхи и способы их преодоления¹³. Выпуски подкастов массмедиа можно скачивать и слушать офлайн в удобное время, либо можно подписаться на разнообразные подкасты на площадках, где они вставлены, и слушать в режиме реального времени.

Визуальное наполнение контента с использованием сквозных технологий также играет важную роль. К примеру, в ведущих сетевых изданиях Свердловской области — «Областной газете» (есть и печатная версия) и E1.RU постоянно представлены фотографии с мест происшествий, портреты героев интервью, стоковые изображения, многофункциональная инфографика, рисунки. Инфографика играла большую роль в решении пропагандистских задач в период пандемии: «Два года пандемии в одном царь-графике. Помогают ли запреты победить ковид в Свердловской области?»¹⁴, «За сутки в Свердловской области выявили 145 случаев заражения коронавирусом»¹⁵. Также на E1.RU можно увидеть скриншоты интернет-страниц, видеоролики, дизайнерские решения для лонгридов: «От налички в чемоданах до эскроу-счетов: 23 года новой русской архитектуры в одном таймлайне»¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация как неизбежный и постоянно развивающийся процесс изменения технологических возможностей носителей, трансформации источни-

---

¹³ <https://ria.ru/strahi/>

¹⁴ <https://www.e1.ru/text/health/2021/12/23/70333151/>

¹⁵ <https://www.oblgazeta.ru/society/health-care/124449/>

¹⁶ <https://www.e1.ru/text/longread/2021/12/01/70284437/>

ков информации, перманентной мультимедиакии контента требует не только новой грамотности, совершенствования компетенций индивидов и развития навыков у потребителей, но и формирования общей креативной среды для коммуникации журналистов, исследователей медиа и педагогов высшей школы. Синдрому информационной усталости подвержены нередко сегодня, как мы выяснили при проведении опросов, и представители данных подгрупп. Поэтому наличие инструментария в форме сквозных информационных технологий еще не гарантирует эффективное его использование в повседневных медийных практиках, а также системный анализ внедрения. Для освоения всего нового и постоянно обновляющегося в сфере медиа нужно не только время, но и мотивация, желание дойти до сути, выделить главное, апробировать, внедрить или, проверив, отказаться и искать новые пути для инновационного совершенствования.

Процесс формирования среды психологического благополучия современного человека в цифровой среде с непременноcтью, на наш взгляд, должен включать и аспект *медиаблагополучия*. Ведь это предполагает прежде всего сохранение и развитие у него в цифровую эпоху уникальной возможности получать своевременный отклик на любые свои запросы практически от любого субъекта информационной деятельности. Журналисты таким образом могут корректировать контент своего массмедиа, делать его более востребованным посредством учёта реакций и комментирования конкретных медиаматериалов, тем самым обеспечивая тесную связь с потребителями контента. Модели же такого «вовлеченного» потребителя могут на базе сквозных технологий реализоваться при посредстве лонгридов, сторителлинга, узкопрофильных подкастов, контекстных ссылок и т. д. Сравнение результативности сразу нескольких медиаплощадок, измерение параметров аудитории по числу уникальных посетителей и демографическим показателям, фиксация практически поминутных котировок новостей на *mediametrics.ru* позволяет любой редакции подбирать наиболее эффективную для выполнения своих задач тактику. Но важнейшей функцией сквозных цифровых технологий, помогающих формированию среды медиаблагополучия, как мы

отмечали, является в современных условиях их использование для противостояния фейк-ньюс, откровенно пропагандистским и скрытым рекламным текстам, что способствует в том числе и предотвращению нарастания напряженности в информационных войнах, негативных психологических последствий у индивидов или даже у представителей тех или иных социумов.

В качестве перспектив развития исследований эффективности использования креативного потенциала цифровых медиатехнологий мы наметили их прямое или опосредованное использование при анализе жанровой палитры современных медиа.

Первые полученные нами результаты, к примеру, свидетельствуют, что для подготовки качественных информационных сообщений основной сквозной технологией должно быть predetermined системное использование журналистами возможностей Big Data. Причём интериоризация смысловых блоков креолизованных текстов — соотнесена с контекстными ссылками на прямые и косвенные источники. Публикации аналитических жанров должны быть подготовлены с опорой на большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект (для отслеживания реакций аудитории), учтены новые производственные технологии (прежде всего актуальное программное обеспечение айфонов). Мультимедийный характер представляемого контента любых аналитических жанров в обязательном порядке сопровождается красочной инфографикой, разъяснениями в форме пошаговых «гайдов», визуализированных Stories и т. д. Художественно-публицистические жанры цифровой эпохи должны соответствовать нарративной картине мира, определяющей не только природу событийности, но и роль человеческого фактора в позитивном или негативном развитии процессов жизнедеятельности людей. Сквозные технологии, расширяющие мультимедийность текстов (новые производственные технологии, Big Data, технологии виртуальной и дополненной реальностей и др.), позволяют в этом случае привлечь внимание, например, молодёжи, достаточно критично относящейся к журналистскому творчеству в традиционных жанрах, вызвать её на полемику.

Таким образом, как мы доказываем, проблема обеспечения не только диалоговых отношений, но и в целом психологического и медиаблагополучия представителей массовой аудитории сегодня напрямую связана с использованием и развитием журналистами креативного потенциала, а также перманентно развивающихся возможностей сквозных цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каминская Т. Л. Новая российская медиареальность: процессы адаптации / Т. Л. Каминская // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2022. — № 3. — С. 109–113.
2. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоуцивилизации / С. Н. Ильченко // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. — 2016. — № 3 (153). — С. 14–18.
3. Олешко В. Ф. Сквозные цифровые технологии: диапазон возможностей современных массмедиа / В. Ф. Олешко, Е. В. Олешко // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 564–585.
4. Марцинковская Т. Д. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение / Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева. — URL: <https://psy.su/feed/9479> (дата обращения: 08.12.2022 г.).
5. Олешко В. Ф. Журналистика периода COVID-19: актуальные вызовы, пути трансформации / В. Ф. Олешко, О. С. Мухина // Вестник НГУ. История, филология. — 2022. — Т. 2. — № 6. — С. 30–39.
6. Межпоколенческая трансляция коммуникативно-культурной памяти в эпоху цифровизации. — Екатеринбург, 2021.
7. Олешко В. Ф. Сквозные технологии как фактор медиаблагополучия аудитории / В. Ф. Олешко // Журналистика — 2022: стан, проблеми і перспективи: матеріали 24-й Міжнар. навук.-практ. канф. — Мінск, 2022.
8. Пугачев В. П. Глобалистский тоталитаризм — тренд развития цифрового общества / В. П. Пугачев // Свободная мысль. — 2021. — № 4 (1688). — С. 5–19.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ АГУБЕКИРА КУБАТИЕВА

В. Д. Таказов

Российский университет дружбы народов

Это журналистское расследование посвящено талантливому писателю, поэту и драматургу Агубекиру Кубатиеву, о котором сегодня в Осетии, к сожалению, мало кто знает...

В начале тридцатых годов, в столь опасное время, когда за каждым шагом и эпизодом в творчестве следили одновременно ряд комиссий и служб, московские литературные круги придали ему уверенность в завтрашнем дне, ибо Осетия его хоть и признавала, но строго испытывала на прочность духа только потому, что он был родом из зажиточных дворян. Когда советская власть пришла на осетинскую землю и провозгласила равенство неимущих с богатыми землевладельцами, то Кубатиевым пришлось отказаться от всех угодий, но за представителями знатной фамилии все равно установили слежку. Не стал исключением и автор пьес на осетинском языке Болаев А., Болайы фырт (псевдонимы Кубатиева).

Но первые тревожные дни для Агубекира наступили еще в школьном возрасте, когда за мелкую провинность — пропуск занятия по церковному богослужению — он был отчислен из 2-го Владикавказского реального училища. Вернулся в село, но в 1918 году обстановка и там не благоволила будущему писателю. Пришлось переехать в село Карагач Дигорского района под покровительство революционера Губа Тандуева [1].

На этом месте позвольте сделать краткое отступление. Все дело в том, что с наступлением Октябрьской революции в Осетии нередко родные братья оказывались по разные стороны баррикад. Это хорошо описано в романе Ахмета Цаликова «Брат на брата». Так, брат первого

мэра города Гаппо Баева, Чермен, стал революционером. То же самое произошло в семье Агубекира. Несмотря на противоположность взглядов, верх взяли родственные или просто кунацкие взаимоотношения. Вот и баделят Кубатиев смог найти убежище у революционера. Но поскольку и сюда стали доходить угрозы расправиться с ним, он, боясь за судьбу того же Тандуева, переехал в другое село, Ног-кау, к Тезиевым, оттуда вскоре бежал в село Кобань к Тлатовым.

В столь тревожные дни к ним приехал брат Агубекира Умар, член чрезвычайной комиссии ВЦИК, ставший известным революционером-большевиком. Переживая за домочадцев, он переправил их в Кабарду под покровительство Бетала Калмыкова. Молодой Агубекир, наряду с работой в шорном производстве отца, много внимания уделял работе комсомольского актива и, надо сказать, преуспел в этом, и его избрали в состав комитета комсомола Кабардино-Балкарии. И как только его имя стало появляться на страницах местной печати, так тут же нашлись «доброжелатели», донесшие о его происхождении. Агубекира арестовали. После ежедневных допросов и проверок через месяц его направили в Ростов-на-Дону, а вскоре и в Москву. Центральные следственные органы, полностью разобравшись в беспочвенности доносов, отпустили его на свободу.

Молодой Кубатиев не стал возвращаться на родину, а начал сотрудничать с разными московскими изданиями: писал статьи, очерки, стихи, пьесы под разными псевдонимами. В 1925 году перевел на осетинский язык и издал книгу И. Алексеева «Происхождение человека и животных». Но больше всего ему принесла известность драма «Чермен», изданная в 1928 году, хотя и подвергнутая строгой политической цензуре. Такую же проверку прошла пьеса «Люди» 1934 года (кстати, на всероссийском конкурсе драматических произведений она была признана лучшей и рекомендована для постановки на сценах всей страны).

Итак, молодой человек получает признание в московских литературных кругах, чего не случалось до этого с авторами с Северного Кавказа. Через год состоялась постановка его следующей драмы по мотивам кабардинской легенды об Андемиркане (легендарный

герой адыгских традиционных песен). Потом последовали пьесы «Поединок нартов», «Своя семья» и другие. В 1931 году по приглашению заведующего Госиздатом Южной Осетии Кубатиев прибывает в Сталинири, организует выпуск журнала «Крокодил», а местный коллектив театра осуществляет постановку его музыкальной пьесы «Ацамаз и Афасса» («Песнь о Чермене») [2].

В 1933 году государственное издательство художественной литературы и дирекция гостеатра ходатайствовали о переводе «Чермена» на русский язык, ибо «нет равной ей драмы в осетинской драматургии». В Осетии устраивают творческие вечера Агубекира, газеты пестрят его именем. Осетинская творческая интеллигенция признает в нем яркую звезду на небосклоне осетинской литературы.

Между тем, с приближением страшного репрессивного периода в истории, когда безжалостно уничтожалось любое свободное слово, развивалось и самое настоящее стукачество. В эти годы отдельные классики родной литературы повели себя весьма странно. К примеру, Арсен Коцоев в письме к В. Лезниекс Челохсаевой сообщает, что из «союза (Союза писателей Северной Осетии — В. Т.) выброшено четыре человека — трое за троцкизм и за “никчемность”: Дзесов, Жажиев и Фарнион, а один за двурушничество и никчемность — С. Косирати» (Сармат Косирати — первый редактор газеты «Растдзинад» — В. Т.) [3]. В этом смысле удобной мишенью становился и Агубекир. Вдруг его популярная драма «Чермен» стала «враждебной», написанной «с кулацким уклоном». Ее постановку запрещают в 1936 году. Более того, Агубекир и Фарнион объявляются врагами народа, троцкистами. «Классовый враг пролетариата, выходец из феодальной среды Агубекир Кубатиев (Болаев) обманном путем влез в Союз писателей СССР и ведет там подрывную работу. Его произведения “Отрывки Октября”, “Долг”, “Чермен”, “Хандзарифа и паук” пронизаны кулацкой идеологией, вносят разлад в революционную борьбу трудящихся масс», — писал в газете «Растдзинад» некто Загалов. Последовали негласные распоряжения не ставить пьесы А. Кубатиева и не печатать более его произведения; был установлен негласный надзор и все шло к аресту восходящей звезды Осетии. Агубекир обращается

во все писательские общества, партийные органы, объясняя, что его оболгали и ничего достоверного нет в письменах клеветников. Ответа ниоткуда не дождался. Творчество А. Кубатиева объявлено враждебным. Остаться на родине — значит ждать, когда постучатся ночью... Ему удастся выехать в Москву. Правда, об этом периоде с 1936 г. по 1941 г. мало что известно, кроме одного обстоятельства, о котором писала в 2016 г. газета «Пульс Осетии»: «21 декабря 1938 г. по докладу известного писателя, в будущем автора литературной версии “Нартских сказаний” на русском языке Юрия Лебединского Президиум Союза Советских писателей по настоянию А. Фадеева, Л. Соболева, В. Герасимова, Анны Каравановой принимает решение “отменить формулировку решения ССП Юго-Осетии: “Исключить Кубатиева-Болаева из кандидатов в члены ССП как контрреволюционера, троцкиста, активно ведущего вредительскую работу в литературе”, — как недоказанную и голословную”» [4].

Выписку из протокола и рекомендации опубликовали в «Литературной газете» 26 декабря 1938 г. Не многим в то время удавалось успешно бороться с ревнителями нравственной и политической чистоты. И чем бы все это закончилось, неизвестно, если бы не началась Великая Отечественная война. Накануне войны А. Кубатиев участвует в конкурсе патриотической песни и становится лауреатом (музыку написал известный в стране композитор Д. Б. Кабалевский). Данное произведение вышло в 1941 г. отдельной брошюрой [5]:

НАКАЗ СЫНУ

Под бровью хмурой гнев тая,
Сказала мать:
Пора, сынок! Пора, сынок!
Седлай походного коня!
Из рук моих прими клинок!
На нём не золото, блеск побед.
Его в боях ковал народ,
Его носил отец и дед.
И ты возьми его в поход!

Зазубрен он о кость врага,
Зато воспел его певец.
Тебе даёт его страна,
Страны достойным будь, боец.
Ты знай, сынок, и помни, сынок:
Фашизм несёт оковы нам.
Из рук моих приняв клинок,
Руби фашистов, как бурьян,
Чтоб Сталин, гордясь тобой,
Сказал бы мне:
Спасибо, мать! Спасибо, мать!
Твой сын отважен, он герой,
врага умеет побеждать.
Так Сталин скажет, гордясь тобой!

В тридцатые годы Агубекир два раза вызывался на допрос в НКВД, где доказывал, что он литератор правильного толка. В этот период он «написал два десятка пьес, несколько сборников стихов, поэм, песен, оперные и балетные либретто и пр.» [1, 125]. Вскоре началась война, и доброволец А. Кубатиев был направлен в войсковую часть на Северо-Западный фронт. В 1942 году он попадает в госпиталь, а войсковая часть оповещает о его смерти 7 сентября 1942 года, отметив «геройство и мужество солдата, верного военной присяге». Там же указывалось место захоронения Кубатиева — деревня Бековичи. 15 января 1943 года вдове Агубекира Вере Семеновне Багдаевой военный комиссариат Советского района г. Москвы вручил «похоронку» на мужа. Но тогда же в Осетии распространились слухи о предательстве Кубатиева: якобы он перешел на сторону врага и ведет контрреволюционную работу среди кавказцев-перебежчиков. Спустя немного времени в личном деле Агубекира появилась следующая запись: «Кубатиев Агубекир Бекбулатович 1900 г.р. Рядовой. Место рождения: Северо-Осетинская АССР, с. Кора. **Сдался в плен.** — Источник: Савеловский ОВК, г. Москва. Фонд: Советский РВК, дело 20–2».

...В 1990-е годы автору встречались в русскоязычной периодике Европы материалы за подписью «А. Кубати». Впервые о нем кратко

рассказал в журнале «Дарьял», приводя его работы, опубликованные в мюнхенском журнале политкаторжан «Воля», не указывая на сходство с Агубекиром Кубатиевым, «погибшим в 1942 году». Более того, в автобиографическом рассказе «Во имя бога» он рассказывает о своей матери-балкарке, братьях — абреках, не признавших советскую власть, убитых красноармейцами Бихине, Эльберте, Индрисе. Упоминает и Умара, ставшего большевиком и известным революционером на Северном Кавказе. Правильно указывает на место гибели последнего. Такие тонкости семейной хроники вряд ли мог знать кто-то чужой, и тогда было решено начать журналистское расследование, которое, кажется, подошло к концу. Дабы не попасть в немилость фамилии Кубатиевых и почитателей творчества Агубекира, мы будем говорить об удивительно талантливом и умном человеке, хорошем прогнозисте и большом патриоте, которого звали не Агубекир Кубатиев, а Агубе Кубати. Пусть читатель сам делает вывод, кто был этот загадочный Агубе Кубати. Скажем сразу, он не переставал думать об Осетии, о своей малой родине. Но у реки, как известно, два берега...

С 4 по 11 февраля 1945 года в Крыму, в Ливадийском дворце проходила Ялтинская конференция — событие, которое до сих пор не потеряло своей актуальности. Тогда первые лица трех мировых держав приняли ряд глобальных мирового значения решений. Выделим вопрос о репатриации советских граждан, волею судеб оказавшихся на территории оккупированной немцами Европы. Репатрианты подразделялись на отдельные категории. Одни добровольно ушли с немцами, другие массово были угнаны на территорию Третьего рейха для трудовых колоний. Эти так называемые «остарбайтеры» составили самую многочисленную категорию. И, конечно, военнопленные. К маю 1945 года на Западе насчитывалось около 7 млн. перемещенных из СССР лиц. Если угнанные и военнопленные хотели вернуться к себе домой, то добровольцы и коллаборационисты всеми силами противились этому. Сталин настоял на безусловном выполнении этого условия, чего бы это ни стоило. При необходимости разрешалось применение оружия.

Агубе Кубати, пройдя мытарства немецкого плена, не был замечен как сторонник немцев. И когда военнопленные поняли, что их не просто забирают домой, а будут судить лишь за то, что они сдались, то стали себя называть политкаторжанами. Среди них оказались известные литераторы, журналисты, ученые, музыканты. Объединившись в союзы, комитеты, общества, они всячески противились насильственной высылке. Что бы ни говорили про процессы репатриации, одно точно: люди выбирали жизнь. Но были и другие случаи: когда глава семьи сперва расстреливал домочадцев, а потом себя. Это касается больше казаков, угнанных насильно или ушедших добровольно с врагом в Германию. Среди тех, кто смог выдержать это насилие со стороны англичан, французов, были и отдельные кавказские отряды, сумевшие залечь в различных лесных районах. Это касается и осетин. Грамотный, известный и талантливый А. Кубати, которого со временем стали называть «Профессор Кубати», становится редактором газеты «Кавказский народник», публикуется в русскоязычной периодике с антикоммунистическим уклоном. Большевизм для него стал самым основным врагом, требующим их крови. Между тем он, будучи осетином, близко воспринимал боль родного очага, узнавая каким-то образом новости из Осетии. Например, в мюнхенском журнале «Литературный современник» в 1954 году опубликованы два стихотворения А. Кубати с пометкой «перевод с осетинского»:

У ПАМЯТНИКА ЛЕРМОНТОВА В ПЯТИГОРСКЕ

На пятигорском пьедестале
Кавказцем стал он навсегда.
Своё величье в нём узнали
Вершины нашего хребта.
Он — предок мой. С высот Парнаса
Озвучил горный мой сааз.
И с тенью Нарта Ацамаза
Венчает тень его Кавказ.

ВЕСНЕ

Не трать ты нежность на цветы:
Они увянут, как мечты
В потёмках душ, или сгорят
Мерцаньем звёзд в росе полян.
И ветер ночи в бездну волн
Уронит твой последний стон,
Как это было и со мной,
Когда смешал я быль с мечтой
И юность нежности своей
Раздал цветам своих страстей.

Агубе Кубати, принявший условия Ялтинской конференции как вызов всем, кто попал в плен, стал одним из самых популярных антисталинистов, равно антисоветчиков. Будучи членом Кавказского комитета, организовал «Фонд Коста» (можно предположить — имени Коста Хетагурова, основоположника осетинского литературного языка). Поддерживал тесные связи с литературными и журналистскими кругами.

Представляется, что Агубе Кубати не сменил свое имя и фамилию неслучайно. Он хотел, чтобы когда-то земляки узнали о нем, что с ним случилось и кем он был после войны. Будучи столь известным среди творческой общественности, так или иначе узаконивший свое пребывание на Западе, он мог взять чужое имя, что и сделали многие из кавказцев. Будем считать, что выполняем просьбу усопшего 25 мая 1958 года в Мюнхене.

Лишний раз напомним, что о личности нашего героя нельзя лучше и больше сказать, чем его рассказы, статьи, стихи. И читателям судить самим: кто же он был, Агубе Кубати. Поможем вам и тем, что познакомим с полным текстом некролога, опубликованного в июньском номере газеты «Новое русское слово» за 1958 год. Автор — эмигрант второй волны, журналист, известный литератор Юрий Яковлевич Большухин (настоящая фамилия Кандиев; 1903–1984).

«ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. КУБАТИ»

Умер Агубе Кубати.

За десятилетия борьбы и скитаний мы — странно это звучит — привыкли смотреть в лицо гибели. Открытая ли, потаённая ли — она постигает друзей, товарищей, соратников. Что ж, это в порядке вещей. Жизнь антикоммунистического борца не принадлежит лично ему — она заранее отдана народу и его освобождению.

И всё-таки нельзя свыкнуться с мыслью, что Агубе Кубати мёртв. Слишком много энергии, кипения, жару было в этом внешне спокойном, седом, но с молодыми глазами, высоком человеке.

Я знал его лет пять. Много говорено с ним, много думалось о сказанном им. Мне неизвестен в подробностях пройденный им путь, знаю только, что на родине он был писатель, учёный, признанный своим народом талант — и что он не отдал своих многосторонних дарований на службу поработителям, а при всех обстоятельствах вёл против них непримиримую борьбу.

Территориально малая страна Осетия показала большое героичество; в ней, как и на всём Кавказе, антикоммунисты-народники смело вступали в неравный бой с подлым и коварным врагом, наносили ему ощутительные удары и не задумываясь жертвовали жизнью за светлое будущее, за священные традиции, за веру в отцов, за то, чтоб люди могли жить достойно, в братском мире и согласии.

Пламенно любил Агубе Кубати свою Осетию, но в нём не было и тени шовинистической ограниченности. За пределами Осетии лежит многонациональный Кавказ, за ним — огромная и столь же многонациональная Россия. Сердце Агубе Кубати заключало в себе не только эти страны, но и весь мир. Потому что он любил человека и человечество, не отвлеченно любил, а конкретно, со всем пылом кавказца. А кавказец обладает цельной, нерасщеплённой душой. И любя человека, Агубе Кубати всеми силами души ненавидел и презирал всё, что человека унижает, связывает, порабощает. Он был — борец.

Его бесконечно волновала проблема, о которой, увы, слишком мало мы думаем: проблема положительного антикоммунистического идеала и способы к нему приблизиться. Он много писал (и необхо-

димо, чтобы эти писания поскорее увидел свет) о том, что политика свободного мира должна базироваться не на приходящих конъюнктурных выгодах, а на вечной моральной основе; он писал о неделимости свободы и о том, что выработанная народом Соединённых Штатов Америки демократическая система содержит те принципы и ту практически мудрость, которые должны быть применены для оздоровления государственной жизни Европы, а с ней и государства Российского. Демократия была для Агубе Кубати не условным термином, а живым, растущим, развивающимся делом, созданием народной души. Это очень важные мысли, потому что бороться с коммунизмом можно под лозунгом «Долой коммунизм!», но победить коммунизм можно только при наличии до конца продуманной и до конца осознанной положительной концепции. Среди многочисленных (о них свободный мир мало ещё знает!) всенародной противоречивой борьбы в Советском Союзе есть замечательные примеры того, как на Кавказе действуют сплочённые группы героев-антикоммунистов. В этих группах сражаются бок о бок коренные кавказцы вместе с русскими, украинцами, белорусами, калмыками, евреями. Боевое братство непобедимо и нерасторжимо. Это — прообраз не только будущей победы над общим врагом, но будущего устройства жизни народов нашего Отечества.

Ещё многое предстоит — борьба, трудности, жертвы. Но за ними неизбежно придёт светлый день, и ради него каждый из нас должен делать свою долю общественного дела, непоколебимой уверенностью в победе над коммунизмом жил Агубе Кубати на родине и на чужбине. Жизнь его была трудна, и она прервалась — жизнь солдата свободы. Это судьба многих, многих из нас. Тяжкая, суровая, но достойная и прекрасная. Не зря живёт тот, кто живёт для блага отечества.

Да обретёт мир у Престола Всевышнего дух Агубе Кубати, верного сына Осетии, Кавказа, России, друга всех народов и неукротимого врага угнетателей».

Агубе был довольно скрытым в плане личной стороны жизни, иначе кто-то бы о нем отозвался еще. Не верить литератору Большухину, его другу, нет оснований. Вот и сделайте вывод, кто еще из осетин

в эти годы мог носить имя «А. Кубати» и быть известным в Осетии писателем, «признанным своим народом (осетинским — В. Т.) талантом». Из материала видно, что архив его многогранен, творчество обширно, а потому впереди, кто знает, еще не раз удивит нас этот несчастный «знакомый незнакомец».

В 1999 году были опубликованы два его рассказа в журнале «Дарьял». В одном из них он вспоминает свою семью, мать — балкарку, старших братьев Эльберта, Бихина (Ибрагима), Идриса, Умара, что соответствует истине, если рассматривать биографию Агубекира Кубатиева (Болайы фырт). Читайте и делайте сами выводы. В трех рассказах под общим названием «На перекате» он поведал о той части нашей истории, о которой до сих пор никто из осетинских историков не отважился написать. Читайте, попробуйте остаться равнодушными. Не получится.

А. Кубати

НА ПЕРЕКАТЕ

ВО ИМЯ БОГА (ЖУРНАЛ «ВОЛЯ», МЮНХЕН, 1953, № 7–8.) ИЗ НАШЕЙ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Советская газета «Власть Труда», выходявшая в столице Северной Осетии Дзауджикау, сообщила: «Отрядом кадгаронской милиции на Куртатинской долине был окружен и убит глава зеленой банды Бихин Кубатиев. Бандит оказал ожесточенное сопротивление».

Речь шла о брате, а я думал о матери:

— Как она перенесет этот очередной удар?

За несколько месяцев до этого был, также из засады, убит другой мой брат, Эльберт. Его принесли с восемью ранами, еще теплого. С ним рядом, на бурке, лежал его австрийский карабин. Кожаный патронташ, вмещавший 120 патронов, был уже пуст, издырявлен пулями. Последняя обойма застряла в открытом затворе. Даже отец, который так же, как и мать, с детства внушал нам, что грех оплакивать усопших, не сдержал слез, но мать строго сказала:

— Не бери грех на душу. Бог дал сына, Бог и взял. На все воля Всевышнего.

Ночью, после похорон Эльберта, она — не помню под каким предлогом -- пришла в кунацкую и, постояв немного перед опустевшей постелью, молча скрылась. За окном тихо зашумели сухие, осенние листья старой липы. Вскоре пришла весть о гибели третьего брата, Идриса, находившегося в казачьей группе. Мать, окруженная причитавшими женщинами, сидела на ковре с холодными сухими глазами, как неживая, но лицо у нее было таким, каким оно бывало в часы молитвы (намаза). Четвертый брат, Умар, был замучен меньшевиками в тифлисской тюрьме, но труп его удалось выкрасть и привезти в горный аул Чми. Мать присутствовала при его тайных похоронах. Застыв у изголовья свежей могилы, долго шептала молитву, потом почему-то посмотрела на меня и, заметив мои слезы, нахмурилась.

Было уже темно, когда мы возвращались с похорон в аул. Проснувшись ночью в чужой сакле, я увидел, что мать все еще сидит на коврикe, склонившись над Кораном, с которым она нигде не расставалась. При тусклом свете керосиновой лампы мне казалось, что ее седые, вьющиеся локоны стали совсем белыми и излучают свет.

Закрыв Коран, и прочитав еще раз молитву наизусть, мать сказала:

— О Аллах, я не ропщу... На все воля Твоя... Об одном лишь прошу Тебя, наш Создатель, чтобы до конца моих дней не иссякли силы мои переносить все испытания во имя долга перед Тобой. Красный шайтан, вышедший из преисподней, встал между Богом и людьми, между Небом и Землей, затмил разум и совесть людей, ослепил их своим обманом и натравил одного на другого. О Аллах, дай силы нам преодолеть и уничтожить в самих себе и в окружающем мире дух и власть этого шайтана. Сам Пророк, да снизойдет на него милость Твоя, не считал грехом поднять меч во имя Бога. Так поступлю и я, если на, то будет воля Твоя.

— Мать!?

— Да, мальчик мой,— сказала она,— Бог послал нам испытания, чтобы укрепить нас во имя исполнения своего долга перед Ним. Если дети горят, долг матери войти в огонь и обнять их.

Утром, когда женщины чужого аула снова ее окружили, чтобы облегчить ее горе своим сочувствием и слезами, она терпеливо выждала, пока все умолкли, потом поблагодарила их за оказанное ей погибшему сыну и ей внимание, и сказала:

— Да поможет Аллах каждой из нас исполнить свой долг перед Богом и людьми. Свежие могилы наших сынов, братьев и отцов, погибших смертью храбрых, указывают и нам, женщинам, наш путь.

Тем, кто борется, нужны не только патроны, но и хлеб, материнская забота и слово, укрепляющее душу. Не так ли, сестры мои?

— Так! Так! — ответили ей притихшие женщины. Впервые, после гибели первого брата, на лице матери траурный холод сменился теплотой скрытой улыбки. Так мне, по крайней мере, показалось.

Несмотря на бессонную ночь, она выглядела уже бодрее, но вместе с тем я заметил, что движения, жесты и даже интонации голоса ее стали какими-то иными, обрели порывистость, решительность.

Глухие рыдания, неожиданно донесшиеся до нас со скал, заставили всех насторожиться.

— Это он ... Мой мальчик,— прошептала мать. Она не ошиблась. Выскочив из сакли, я увидел взмыленного, дымящегося гнедого иноходца своего брата, Бихина. Видимо, рыдание хозяина волновало коня, он нетерпеливо топтался, настороженно озираясь, но с места не сходил, хотя застал Бихина у свежей могилы, к которой он припал, как к труп, и прижавшись щекой к свежей насыпи шептал сквозь слезы слова традиционной горской клятвы о мести.

Появление матери заставило его подняться и присмиреть. Стало тихо. Мне казалось, что и скалы от горя посерели, а светлый ручеек, стиснутый вековой неподвижностью скал, продолжал петь о жизни.

— Пойдемте, дети мои,— сказала мать после молитвы и стала спускаться по тропе, не оглядываясь. Брат отказался войти в саклю. Вскочив на коня, он кинул мне всего два слова:

— Береги мать! — и исчез так же неожиданно, как и появился. Но на обратном пути, в теснине Генал-Дон, где вход в Кобанское ущелье охраняет «Башня Хазби», воздвигнутая на отвесной скале, мы наткнулись на плоды «клятвы о мести» Бихина. Это были трупы,

одетые в форму войск НКВД. Но там были и еще живые. Мой жестокий, неуместный смех — эхо чувства мести — огорчил мою мать.

— Грех смеяться над чужим горем, — сказала она.

— Но это ведь наши лютые враги! — вспыхнул я.

— Ты обычаи наши забыл, мальчик мой, — сурово сказала мать. — Мертвый уже не враг, над ним грех смеяться. А раненым надо помочь, как велит обычай твоих предков.

Люди, пришедшие из аула, тоже не послушали мать мою. Сбрасывая в поток Гизельдона, сливающегося в этом месте с Генал-Доном, и мертвых, и живых, они неистово повторяли:

— Плывите туда, откуда принес вас нечистый дух!

Мать, наблюдавшая за этим, заплакала.

— О, Боже, Боже, — причитала она, — власть шайтана проникла даже в души добрых людей. — Но людей в это время больше интересовали брызги воды, взлетавшие после падения трупов, чем материнские слезы. От этих людей мы и узнали о том, что отряд НКВД, появившийся на рассвете, окружил аул Нижний Кобан, арестовал семьи тех, кто находился в «банде Бихина Кубатиева», но на обратном пути в теснине был окружен отрядом Бихина и почти полностью уничтожен. С особым восторгом вспоминали они поступок самого Бихина, который врезался в середину отряда на коне и крикнул:

— Слушай мою команду! Вы окружены! Приказываю сложить оружие, иначе — смерть вам, шакалы!

И со всех сторон, из-за скал, эхом ответили голоса:

— Смерть шакалам!

Узнав, что эта старая женщина, перевязывавшая раны «шакалам», мать их спасителя и кумира, толпа, опьяненная жаждой мести, притихла. На лицах гневная радость сменилась печалью. Все уже знали о гибели ее сына — третьего по счету.

— Прости, добрая женщина, — начал старый Садулла из Нижнего Кобана, — мы приняли тебя за обычную путницу. Мы слышали о постигшем тебя горе. Оно и наше горе, горе всего народа. Но смирившись перед волей Всевышнего, да утешится твое сердце и сердца всех сочувствующих тебе тем, что смерть каждого твоего сына укрепляет

в твоём народе волю к борьбе за свою свободу и жизнь. О Таубиче, знай и помни, что смерть каждого твоего сына дала тебе тысячи отважных сынов, которые спасут свой народ, как ныне спасли вместе с другими и меня вот тут, на этом месте.

— Слава нашему Бихину!

— И матери его слава!

Зашумела толпа. Как раз в это время появился Бихин с той стороны ущелья, куда катил свои крутые волны поток, и, соскочив с коня, подошел к застывшей перед толпой матери. По его движениям я подумал, что он, этот широкоплечий, горбоносый, стройный любимец народа, возбужденный своей очередной победой и той любовью, которую он мог увидеть в глазах каждого из толпы спасенных им накануне людей, — что он закричит «мама» и со свойственной ему непосредственностью обнимет свою мать. Но вместо всего этого я услышал совсем не соответствовавший моменту простой, согретый заботой голос:

— Мать, ты устала?

И тут же почти прикрикнул на меня:

— Зачем ты привел ее на это поганое место?!

— Не он привел, — заступилась за меня мать. — Бог привел меня. Святое место. На этом месте сын народа Хазби добыл себе бессмертие славы. Вот его башня, она, как немолкнувший поток Генал-Дона, поет и славит доблесть того, кто рабству и мукам своего народа предпочел смерть. Мир праху его!

Все, вслед за старым Садуллой склонив свои обнаженные головы, повторили, точно обращаясь к земле, принявшей когда-то его прах:

— Мир праху твоему, Хазби, а идущим по твоим стопам — слава!

— Это был подвиг не только Хазби, но и его матери. Не так ли, Садулла? — сказал Бихин и, видимо, не без задней мысли, попросил старика рассказать о матери Хазби.

— Бихин прав, — восторженно старый Садулла, как конь, почуявший, чего хочет от него седок. — Посылая сына в бой, мать сказала ему: «Если побежденным вернешься домой, я оплачу тебя, как умершего. Если с победой вернешься, от старших получишь почетный бокал пива.

Если, сын мой, падешь смертью храбрых, народ сложит о тебе песню, которой будут эхом вторить горы наши, а я буду слушать без слез. В добрый путь!» — Так сказала мать. И когда принесли ей из теснины Генал-Дона на бурке тело сына, погибшего смертью храбрых, она без слез слушала «Песню о Хазби», которую народ сложил после боя на этом вот месте. Мир праху матери Хазби, а идущим по ее стопам — слава.

Почему-то после последних своих слов старый Садулла и все другие тоже молча устались в мать мою. Она посмотрела на Бихина, потом медленно перенесла свой взор на старого Садулла.

— Да...— сказала она почти шепотом.— Достойный сын достойной матери. Мир их праху!

— Мир их праху! — повторили все.

Крутые волны потока с неистовым шумом бились о скалу, на которой с давно уже погасшими бойницами стоит башня Хазби. Вокруг нее каким то чудом держатся на голых скалах дубы с крепкими стволами и короткими ветвями почти без листьев. Дубы эти своими ветвями тянутся к древней башне, как будто пытаются поддержать ее и защитить от потока, подтачивающего скалу. Они держались не столько за почву, сколько друг за друга. В этом была их сила, которую не могли сокрушить ни горные бури-уады, ни лавины, никакие испытания. Более того. Сама почва спасалась от разрушения благодаря этим корням. Тогда я спросил мать:

— Откуда эти корни берут силу? Не могут же они из голого камня черпать ее.

— Бог дает,— ответила она.

Сухие корни трещали в костре, у которого мы сидели, но я думал тогда о живых корнях окружавших нас ветвистых, мощных чинар, всего огромного леса, разросшегося по склонам гор Северной Осетии. Из темных недр ночного леса веяло бодрящим холодом покоя.

Я думал, что Бихин уже спит. Но когда мать закрыла свой Кокран и, шепча последние слова молитвы наизусть, окинула взглядом окружающих, Бихин первый поднялся и помог матери встать.

Проводив мать в поселок, находившийся неподалеку от нашей лесной стоянки на опушке леса, я снова вернулся к костру. За позд-

ним ужином много было сказано тостов, полных народной мудрости и поэзии, но я приведу лишь тост брата, который, подняв рог араки, сказал:

— Мне хочется помянуть зайчика.— Все улыбнулись.— Он, как известно, отличается осторожностью. Вероятно, убежден, что осторожность важнее всего на свете. Не потому ли Бог дал ему такие длинные уши, чтобы каждый шорох в кустах предупреждал его о близости опасности и заставлял его жить вечной тревогой за свою шкуру. Не дай Бог быть зайцем!

Люди дружно, весело захохотали. Но Бихин, спрятав улыбку в углах тонких губ, продолжал в том же шутовском тоне:

— Заячья осторожность — это власть страха, которую хочет внушить нам Чека, которая, вероятно, не в силах отличить кавказских тигров от зайцев. Но я думаю, что это не дает нам права подражать зайцам. Не так ли, друзья мои?

— Так! Так!

— Если так, то подыдем тост не за зайца, а за мудрое сердце того из наших предков, который сказал: «Смелый никогда первым не берется за оружие, но он всегда опережает противника».

Небольшой рог, осушенный Бихином, обошел весь круг. Утром мать и ее хозяйка Фариза пополнили запасы нашей араки и продуктов. Примеру их последовали и другие женщины из окрестных сел. Мне особенно приятно было то, что пример подала женщинам моя мать. Вопреки ее желанию, ей не давали ни стряпать, ни стирать на речке, ни латать одежды «лесных людей»,— все делали другие женщины, но ее присутствие вносило всюду порядок, дисциплину, духовную собранность. “Вот,— думал я не раз,— откуда корни берут силу. Из материнского сердца, с которым связывают нас всех наши кровеносные сосуды, нервы, думы, чувства. Народ — это единое тело, живущее ритмичным биением теплого материнского сердца”.

Каждую пятницу мать проводила среди могил погибших, читая Коран. Силы, которые она черпала в молитве, отдавала людям, их памяти и могильным холмикам. Она ко всем относилась одинаково, но все чувствовали, что Бихин для нее стал той ниточкой, на которой

висит ее душа, вся ее жизнь. Было ли это проявлением общего для всех матерей чувства особой привязанности к одному из своих детей, или мать своим чутким сердцем понимала, что ответственность за неравную борьбу и судьбу людей делает особенно тяжелым положение вожака, не знаю, но если она не заставляла Бихина на стоянке, то старалась быть более беззаботной и веселой. Иной раз доходило до того, что она пропускала даже час молитвы. Но стоило появиться Бихину, и она теряла свою повышенную веселость, напряженность, как будто перешла через опасный поток, который мог свалить ее с ног и унести. А сколько таких потоков было на нашем пути! Каждый день был потоком материнских тревог, слез, крови, несшим на себе пену жизни, невзгод и уходившим в прошлое ревом проклятий. Когда я, узнав о гибели брата, пробирался к поселку, где жила мать, неожиданно из кукурузы появилась хозяйка дома, Фариза, у которой жила мать.

— Тебя все поджидаю здесь, у дороги,— разрыдалась она. Так, прерывая свой рассказ рыданиями, Фариза поведала мне, как, возвращаясь поздно со стоянки нашей вместе с моей матерью, они встретили Бихина, кормившего на лужайке, под деревом, коня своего кукурузой. Матери хотелось немного отдохнуть. Бихин тоже присел рядом с ней, потом прикорнул, как бывало в детстве, положив голову на колени матери. Мать не хотела нарушать его сна. Появились звезды. И луна прошла. Мать сама вздрагивала от предрассветной прохлады, но все повторяла шепотом:

— Спи, мой мальчик, спи.

Наконец встревожившийся конь разбудил его своим топотом. Бихин как будто и не спал. В руке у него блеснул маузер. Со всех сторон из кукурузы, как волки голодные, завывали:

— Теперь не уйдешь от нас!

— Проследили,— усмехнулся он. Фариза, как она сказала, превратилась от ужаса в кусок льда. Но мать сказала:

— Сын, на коня, и с Богом!

— А вы? Оставить женщин на произвол судьбы и уйти? — ответил он и, не давая матери возразить, потребовал, чтобы мы отошли от него. На это не согласилась мать. А эти волки все продолжали выть:

— Сдавайся!

— Сдаюсь! — крикнул Бихин, не слушавший больше матери.— Кто смелый, пусть подойдет и примет мое оружие. Уже было светло. Из кукурузы, с разных сторон вышли люди и стали приближаться к Бихину, направив на него винтовки. Но он стоял, как будто бы и не думал братья за оружие, не обращая внимания и на своего коня, оказавшегося каким-то чудом около него.

— Бросай оружие!

— Оружие — честь, ее наземь не бросают,— ответил Бихин. Опомнившаяся от ужаса, Фариза хотела кинуться к Бихину, чтобы загородить его собой, но мать строго сказала:

— Женщина, не мешай воину! Когда Бихин молниеносно выхватил маузер, вложенный им перед тем в кобуру, мать перевела взор свой от сына к небу:

— Во имя Бога,— сказала она, и слова ее слились с захлебывающейся трескотней маузера. Фариза видела падавших людей, но потом сама упала ниц на землю и только слышала стрельбу, стоны, крики, топот коня. Несколько раз неясно прозвучал голос матери, но Фариза не решалась подняться. Потом пули перестали свистеть, а ужас, как снежный обвал, продолжал прижимать Фаризу к земле, не давая шевельнуться. Сколько времени все это продолжалось, она не помнила. Когда Фариза, наконец, приподнялась, мать уже шептала молитву над умиравшим сыном.

Около других убитых тоже появились люди. Был слышен стон раненых. Толпа вооруженных около трупа Бихина росла. Но молитва матери сковывала всех. Многие даже обнажили головы. Фариза видела и слезы на глазах милиционеров. Шепотом рассказывали друг другу, как он упал, как, зажав маузер в обессиленной, повисшей руке, направился к своему коню. И когда он снова свалился, то конь кружил около него.

Начальник, появившийся после, не внял просьбам матери оставить ей труп. Угрожал и самой матери, «если она не отстанет». Но она не отставала. В течение двух недель жители села Кадгарон видели около милиции несчастную мать у тела сына. Наконец удалось вы-

красть останки и предать их погребению. Но и начальник кадгаронской милиции не долго разъезжал на гнедом иноходце Бихина. Как раз около кладбища Ногкау, где был похоронен Бихин, среди бела дня в отряд милиции врезался названный брат Бихина — Бешагур Цопанов. Этого лихого джигита народ любил так же, как и Бихина. Когда он попросил милиционеров не братья за оружие и не вынуждать его проливать невинную кровь рядовых, дать ему возможность сразиться один на один, милиционеры не возразили.

— Тебе ли, ползучему гаду, разъезжать на коне Бихина?! — промолвил он, когда начальник милиции от меткого выстрела упал с коня, не успев и дотронуться до своего оружия. Но осторожный Бешагур маузера обратно в кобуру не вложил. Он приказал ошеломленному отряду милиции повернуть назад и доложить о случившемся властям. Когда конная милиция удалилась, он поймал коня своего погибшего названного брата и увел его. Не знаю, что стало с конем, но путь, по которому шли Бихин и Бешагур, не зарос травой.

ОТЦЫ И ДЕТИ (ЖУРНАЛ «ВОЛЯ», МЮНХЕН, 1953, № 4.)

Среди кавказских народников, высланных на север из своих горных аулов, оказался и учитель, осетин Аригон, который даже в поселке ссыльных не забывал о своих профессиональных, вернее, гражданских обязанностях — учить и просвещать.

— Учение как свет, оно везде нужно, — говаривал он не только детям, но и взрослым. — Все несчастье человека в его жизни не что иное, как проявление черных сил тьмы и невежества. После убийства Кирова, когда осужденных с десятилетними сроками стали перемещать еще дальше на север, Аригона оторвали от его земляков, от жены и сына, и он снова оказался вместе с этапирруемыми в Соликамской тюрьме, отгороженный от мира дощатой оградой, оплетенной колючей проволокой.

О причине его высылки Аригон рассказал мне следующее: раз, на районной учительской конференции Дигорского района Осетии, докладчик А. Габети закончил свой доклад словами Ленина о том, что-де учитель нигде не поднят на такую высоту, как в Советском

Союзе. Многие заискивающе аплодировали докладчику, но Аригон, выйдя на трибуну, повторил слова, сказанные поэтом Малиевым:

— Товарищ докладчик прав. Советская власть действительно подняла учителя на такую высоту, что он даже не может дотянуться рукой до куска хлеба...

Годы ссылки, полные нужды, лишений и невзгод почти до неузнаваемости изменили внешность Аригона.

— Да,— улыбался он,— годы немного согнули меня, но от того, что я ссутулился и побелели мои черные усы, я стал ближе к смерти, но не к советской власти.

Накануне нашей отправки из Соликамской тюрьмы судьба принесла Аригону новые испытания. Среди задержанных на железнодорожной станции и препровожденных к нам в тюрьму трех беспризорных ребят оказался и единственный сын Аригона — Эльбрус. Во время прогулки я стал случайным свидетелем их поистине драматической встречи, которая более походила на встречу строгого учителя с провинившимся учеником, чем отца с сыном.

— Эльбрус? — строго спросил Аригон, не подавая сыну даже руки.— Сбежал от матери?

— Нет,— ответил Эльбрус, не смея взглянуть отцу в глаза.

— А где же мать?

Из-под ресниц насупившегося мальчика показались слезы.

— Умерла? — страшным, упавшим голосом спросил Аригон.

— Бревном придавило,— ответил Эльбрус и стал рассказывать, как это случилось на берегу реки и как после смерти матери его, Эльбруса, отправили в колонию беспризорников, откуда он вместе со своими сверстниками Митей и Васей «купил плетъ» — бежал. Но отец, как мне казалось, не слышал более тихого болезненного голоса сына, повествовавшего о своих беспризорнических скитаниях, о побегах и о своем плане пробраться на юг, где тепло и есть что «шамать». Он кончил свой рассказ тем, как их троих «мент накрыл» среди лесов в товарном вагоне и привел сюда, в тюрьму.

— Сейчас, по указу правительства, хватают всех беспризорных и пихают в тюрьму,— добавил Эльбрус со злобой.

Но отец его все еще молчал, уставившись в землю. Он, видимо, в этот момент больше думал о погибшей своей жене, чем о найденном сыне. Я пошел в камеру, чтобы принести Эльбрусу наш общий с Аригоном хлеб (пайку), но когда вернулся, то около Аригона и его сына я застал Митю и Васю. Я разделил хлеб между мальчиками, но Эльбрус не спешил есть.

— Он у нас хворый,— пояснил Митя,— понос у него...

— Потому нам и не удалось сплитовать, когда мент вел нас сюда,— добавил Вася.

— А ты брось,— заметил Митя,— в глаза ему пальцем тыкать.

— Я не упрекаю,— сказал Вася, метнув взглядом в Эльбруса.

— На то и товарищи, чтобы в беде выручать друг друга,— сказал Митя.— Эльбрус больной... бежать не мог с нами... его мент сцапал и поволок... в участок. Я тогда говорю Васе — поворачивай оглобли. Без помощи Эльбрус помрет в тюрьме. Так мы и явились в участок.

— Ради товарища, значит, сели,— вставил опять Вася.

— А ты не тыкай в глаза... понял?!

— Плюнь мне в рот, если тыкаю...

— И плюну! — пригрозил Митя.— Не веришь?!

— Верю,— притих Вася.

Все это время я, как и Аригон, слушал ребят молча. Взгляд Аригона несколько раз от Мити и Васи переходил на Эльбруса, и последнему чудился молчаливый упрек отца. Он заметно смущался. На бледно-зеленых щеках его появился легкий румянец. Отец хотел вести его в околоток, но Эльбрус сказал, что он уже был там и получил лекарство.

— Кто же тебя повел туда? — удивился отец.

— Ребята,— ответил мальчик.

— Ребята,— растроганный отец, не пожавший руки своему родному сыну, обнял этих чужих, грязных ребят.— Спасибо, дети. Забота о другом — все равно что забота о самом себе. Скажу больше, дети мои: самое главное в человеке — это его способность заботиться о других. Будьте же всегда добрыми, чуткими товарищами.

— На этот счет, пахан, будь спокоен,— сказал Митя,— мы такие...

Не оставим друг друга в беде без помощи...

— А кто сухарей добыл для Эльбруса? — вскинулся Вася. — Я смылил у фраера. Ради товарища, значит, рискнул...

— Подумаешь, рискнул, — сказал Митя. — Если ты такой рисковый, сигани через ограду или шмыгни промеж ног легавого, что охраняет калитку... Слабо тебе? А я, посмотришь, сделаю...

— Ну, ну, дети, не спорьте, все вы «рисковые», — сказал Аригон, невольно улыбаясь. Вернувшись после прогулки в камеру, он мне признался, что, слушая этих ребят, он забыл о своем личном горе, которое в притихшей камере снова, видимо, навалилось на него всей своей тяжестью. Тень решетки, падавшая на него от окна, делала его похожим на муху в паутине. Глядя на него, я думал о тени тюремной оконной решетки, — ведь она падает на всю страну.

На следующий день Эльбрус снова присоединился к нам во время прогулки. Он выглядел еще хуже и слабее, хотя пытался убедить своего отца, что ему уже лучше.

— Мы хотим купить плеть, — сказал он.

— А что значит «купить плеть»? — спросил его отец.

— Не понимаешь, папа?.. Это значит...

— Это значит, — перебил Аригон сына, строго посмотрев на него, — что ты начинаешь становиться уличным мальчишкой и разговаривать на жаргоне беспризорных. Недаром говорится: с кем поведешься, от того и наберешься.

— А разве Митя и Вася — плохие товарищи?

— Я не говорю, что они плохие. Не их вина, что они — уличные мальчишки, но ты ведь — сын учителя. Значит, не они должны быть для тебя примером, а ты для них.

— А если они, Митя и Вася, умнее меня? — рассмешил нас Эльбрус признанием интеллектуального превосходства своих товарищей, и стал подкреплять свое преклонение перед Митей и Васей примерами из совместной с ними жизни. Вася, правда, любит «якать», как выразился Эльбрус. Но Митя уже «стреляный», он из любого положения умеет найти выход, — из всех он самый смелый, упрямый и честный. Никогда не обманет; если что задумал, то непременно и сделает.

— Вот и сейчас он задумал побег — и убежит,— сказал Эльбрус,— он уже и план даже выдумал ...

— План побега?

— Ну, да... Наша камера ведь не запирается. Можно выйти ночью, когда сменяют охрану у калитки. Один кинется к забору, будто хочет перескочить через него,— тогда охрана забудет о калитке. В это время мы шмыгнем мимо легавых в калитку, а когда побегут догонять нас с Митей, то и Вася выскочит через ту же калитку. Вот какой план у Мити!

— Интересный план,— многозначительно сказал Аригон, вызывая сына на дальнейшую откровенность. И Эльбрус, действительно, дополнил сказанное им признанием, что он еще не совсем здоров и что из-за него пока откладывается побег. Но ждать долго тоже нельзя; ребята уже разнюхали у надзирателя, что их на днях отправят обратно в колонию беспризорных баланду хлебать ...

— Интересно, очень интересно — сказал задумчиво Аригон, и спросил: — А вы, писатель, что на это скажете?

— Я, право, не знаю, что и сказать...

— Не знаете? — продолжал Аригон,— я тоже не знаю. Дело опасное и сложное. Надо все как следует обдумать.

Последние слова Аригон адресовал к сыну, что явно льстило самолюбию мальчика. Во всяком случае, возбужденное лицо его после слов отца стало серьезным.

— Ты, Эльбрус, должен руководить своими друзьями, как ты это умел делать еще в школе. Митя умный, но ты должен проявлять свою самостоятельность, если хочешь, настойчивость, и сделать так, чтобы ребята тебя уважали. В этом деле я и, вот, писатель наш, тоже будем тебе помогать. Пусть ребята не спешат с выполнением своего плана: скажи им, что надо это дело обдумать еще и еще раз, чтобы не получился у вас провал...

— Хорошо, папа, я им скажу: поспешишь — людей насмешишь,— молвил Эльбрус, расставаясь с нами в конце прогулки, тоном взрослого, серьезного человека. Сын, конечно, и не подозревал, что своим сообщением о задуманном мальчиками побеге он лишил отца аппетита, покоя, сна. К вечерней баланде Аригон даже не притронулся; он долго

лежал на койке, зарывшись лицом в свою подушечку. Проснувшись ночью, я снова увидел его маячащим по камере взад и вперед. Мне казалось, что не человек ходит по камере, а в полумраке плавает бледное мертвое лицо. На следующее утро Аригон поднялся позже всех, на прогулку не вышел, даже в камере старался уединиться. Почти весь день он пролежал, молча глядя в потолок. Даже со мной он перестал делиться своими мыслями. Собственно, не о чем было нам с ним уже и говорить. О затеяншемся побеге ребят мы уже толковали достаточно и нашли его опасным, наивным и бесцельным. Если бы даже удалось ребятам бежать из этой тюрьмы, то их рано или поздно поймают и посадят в другую. Пребывание на воле сопряжено для них с тем же голодом, которым пугала их тюрьма. Более того: если тюремную «пайку» они могли иметь без особого риска для своей жизни, то на воле борьба за кусок хлеба, без которого ведь трудно и день прожить, грозила детям тысячами опасностей. Но отговаривать ребят от побега мы тоже считали неуместным, ибо их должны были направить в «колонию беспризорных», где из детей воспитываются враги их же собственных родителей.

— Чего доброго, года через четыре мой Эльбрус станет комсомольцем и, явившись к отцу в форме энкаведиста, сам поведет его на расстрел как «врага народа», — сказал мне Аригон. — Разве мало было таких случаев... Одна из моих школьниц в Алагире убила своего отца-священника из-за того лишь, что ей отказали в приеме в комсомол, потому что она была дочерью священника. Глупое дитя решило, что, убив своего отца, оно тем самым докажет свою преданность комсомолу. Ее осудили и поместили в колонию малолетних преступников, где она и вступила в комсомол. Нет, чем иметь такое потомство, лучше его не иметь вовсе. Плодить отцеубийц, безбожников, палачей — это преступление против всего человеческого рода.

— Но что делать? — спросил я.

— Что делать? — повторил Аригон тем же глухим шепотом. В окно светило нам ночное небо; тень решетки, ломаясь о край подоконника, снова упала на лицо Аригона, когда он, вытянувшись, как труп, на койке, уставился в потолок.

— Что делать? — повторил он еще раз и, помолчав, твердо сказал:

— Чем отдать сына им, лучше отдать его пуле тюремщика. Пусть эти негодяи убьют его на моих глазах.

— Что вы!..

— Да, да! — вскочил Аригон. — Пусть бегут..

Не успел я в эту ночь заснуть, как был разбужен выстрелами. Два ружейных выстрела всполошили всю тюрьму.

— Побег... — сказал кто-то глухим шепотом.

Топот бегущих и голоса, доносившиеся временами со двора, еще более усиливали нашу настороженность, но никто не осмеливался подняться и посмотреть в окно; запрещалось это делать ночью, и всякий, нарушивший это «правило внутреннего распорядка», рисковал получить пулю с вышки часового.

Мы с Аригоном, конечно, не сомневались, что выстрелы были вызваны побегом ребят, что и подтвердилось утром. Аригон, выйдя с парашей, вернувшись обратно, как раненый, со стоном упал ниц на койку. Его спутник рассказал нам, что ночью трое из камеры беспризорных устроили побег во время смены караула. Один из них шмыгнул промеж ног часового, охранявшего калитку, и скрылся в темноте. Другого пуля с вышки настигла на заборе и он, как рассказывают, до самого утра висел на колючей проволоке; потом труп бросили в угол около водопровода и накрыли мешком, а третий...

— Это его сынок, — сказал, понизив голос, рассказчик, кивнув в сторону Аригона, — его, раненого, на наших глазах надзиратель поволок к околотку. Он, этот пацан, истекая кровью, где-то спрятался около мусорного ящика, там и нашел его надзиратель. Отчаянный малый...

Несчастный отец старался заглушить свои рыдания, уткнувшись лицом в подушечку. Я схватил ведро и попросился «по воду», чтобы узнать, кто из ребят оказался под мешком около водопровода. Только после того, как крикнул меня дежурный надзиратель, я заметил, что держу под краном переполненное ведро: вода, струями разбежавшаяся по земле, подбиралась уже к мешку, под которым я видел тело маленького узника Васи. Земля поглощала воду и кровь,

просочившуюся из-под мешка. Пролитой воды было жаль надзирателю,— но не детской крови...

Всю ночь она стекала по доскам тюремной ограды; окрасила угол ящика, из-за которого выволоч надзиратель Эльбруса. Я заметил темные пятна и на булыжнике и ступеньках околотка.

— Что глаза тарачишь? Проваливай! — донесся до меня окрик часового с вышки. На другой день мне виделись эти темные пятна на подоконнике нашей камеры и на полу около опустевшей койки учителя Аригона. Он весь день пролежал, не отрывая лица от своей подушечки, а ночью, вскочив на подоконник, разбудил всех своим криком:

— Стреляйте, негодяи! Палачи!

Вслед за этим действительно прогремел выстрел, за которым послышался глухой звук падения человеческого тела...

Аригон был еще жив, когда его унесли. Никто в нашей камере в эту ночь не мог уснуть.

НА ПЕРЕКАТЕ (ЖУРНАЛ «ВОЛЯ», МЮНХЕН, 1953, № 1)

У ног моих рождалась и таяла пена волн Вишеры. Мысли студили душу и холодом ужаса пробегали по нервам. Я думал: баржи уйдут, и след их захлестнется водой. Детские слезы на песке тоже слизнет набегающая волна, или их смоят холодные осенние дожди. А ветер унесет в тайгу последние скорбные звуки многосотенной толпы спецпереселенцев. Истлеют трупы жертв голода, террора, нечеловеческих мук, и могильные холмики зарастут таежным бурьяном. Над местом этой очередной советской трагедии, как ночь, опустится занавес вечного молчания тайги, безлюдного дикого берега Вишеры.

Чувствуя, что на глаза мои снова набежали слезы, я который уже раз, сполоснул лицо холодной водой. Вода пахла трупом. Бревна, которые мы вытаскивали баграми на берег, казались мне трупами. Впрочем, этот запах исходил не только от воды. Весь берег, на котором мы, концлагерники, работали, был густо покрыт человеческими телами — живыми и мертвыми, умирающими. Лица живых выглядели более страшно, чем лица покойников. Это была очередная партия

ссылных «кулаков». Их по Вишере вели на север, но отмель «Говорливый пережат», куда нас пригнали на работу по сплаву леса из концлагеря, находившегося в нескольких километрах, преградила путь баржам.

Тысячи людей, измученных, потерявших уже человеческий вид в тюрьмах и на этапах, оказались высаженными на дикий, пустынный берег и там, под открытым северным небом, должны были ожидать, пока поднимется уровень воды и ссылные смогут продолжить свой скорбный путь туда, откуда нет для них возврата. Пищи «кулакам» не выдавалось, их собственные скудные запасы давно истощились, а тех, кто в поисках пищи пытался пойти на столь редкие в этой местности «чалдонские» хутора, настигала пуля охранников, кольцом окружавших ссылных, прижав их к берегу Вишеры. За десять лет, проведенных мною в тюрьмах и концлагерях, я впервые увидел людей, которые даже нам — концлагерникам — завидовали. Как-никак, а нас все же кормили. Крыша барака укрывала от непогоды, ветра и холода. Их же нередко мочили осенние дожди по ночам, а днем — совсем невыносимым становилось зловоние разлагающихся трупов, которых с каждым часом становилось все больше. Концлагерь и могила — стали мечтой этих людей.

Нам было запрещено общаться с ними, но кое-кому из нас удавалось поделиться с несчастными «кулаками» скудным лагерным куском хлеба и даже поговорить. Так и я познакомился с матерью двоих детей-малышей, выросших на этапах. Фатима оказалась моей землячкой, и мы беседовали на нашем родном осетинском языке. Точнее — Фатима тихонько причитала, оплакивая свою поистине мученическую жизнь и судьбу малышей, от которых оставались еще кости, завернутые в тряпье, и поблекшая кожа лиц, казавшаяся заплатами на темных лохмотьях одежды.

— Жизнь — как тюремщик, достойный только презрения, — сказала Фатима. — В первую же ночь, когда выгнали нас из теплой сакли на зимний холод, я уже подумала, что жизнь отныне стала нам врагом, и хотела швырнуть ее в пропасть... Но, — и она поглядела на детей, сидевших с поникшими головками, точно чувствуя свою вину перед

матерью,— мне не было страшно это сделать, но... что было бы с маленькими?..

— Да,— продолжала Фатима,— страх перед Всевышним и долг матери перед детьми, рожденными под несчастной звездой, остановили меня на самом краю пропасти. Мы переночевали в нашем родовом склепе — на кладбище. Нас звали на ночлег не только сородичи, но и чужие люди, но мы отказались, ибо был приказ: кто пустит на ночлег раскулаченных, тех ожидает такая же участь... Нам было, конечно, приятно, что наши сородичи и односельчане готовы рискнуть ради нас, но делиться с народом своим несчастьем — сохрани Бог!

И Фатима заплакала, охваченная горестными воспоминаниями.

— Я тогда еще не была такой слезливой, как теперь,— добавила она, стараясь улыбнуться и подавить свои слезы. Но молодое лицо ее сейчас же стало снова мертвенно-бледным, безжизненно-холодным, когда она после короткой паузы продолжала свои воспоминания. Мне даже показалось, что Фатима уже не ощущает своих слез, текущих помимо ее воли из помутневших черных глаз, и даже своего голоса, который тоже омертвел в своей скорбной монотонности.

— Да, быть источником или причиной несчастья других — это самое большое несчастье на свете. Утром, когда мы вышли из склепа, все встречные прятали от нас глаза. Никто не мог смотреть нам в глаза. Будто все были виновны в нашем несчастье. Но я все-таки видела слезы в чужих глазах. Эта дань сочувствия нашему горю согревала меня и мужа, но дети плакали и старались согреть посиневшие ручки своим дыханием. Когда мы проходили мимо нашей сакли, дети вдруг почти в один голос, сказали: «А из нашей сакли не идет дым!» В этот момент мне показалось, что зимняя буря ударила меня своим ледяным крылом. Я невольно посмотрела на мужа и только теперь обратила внимание на то, что усы его были запорошены. Как раз в это время наш скот выгоняли со двора, но скот разбежался, мычал, точно в стадо забрался волк. Снежные хлопья, густо падавшие с низкого неба, мешали нам смотреть. Я даже не заметила, как наш теленок оказался около

детей. Они льнули к нему: «Мама, мама, он дрожит от холода!» Я не сдержала более своих слез. Где-то протяжно мычала корова. Мне казалось, что это наша корова ищет своего теленка. Я очнулась только на мосту... Муж держал меня за руку и нервно говорил: «Что ты? С ума сошла?» О, лучше бы он дал мне возможность исчезнуть в холодных волнах Ирафа!

Всю дорогу он внушал мне, что надо выдержать все невзгоды до конца — ради детей. Но после того, как на пересыльном пункте в Тагиле нас с мужем разъединили, я осталась одна со своим отчаянием, горем и детьми... Я не смею думать даже о том, чтобы сбросить с себя эту тяжесть все увеличивающихся невзгод и пыток, которая называется жизнью ссыльного. Уйти из этого холодного мира, оставив в нем своих беззащитных сирот — это ужаснее, чем все мои невзгоды. О, Боже, за что такое наказание?

Худая, костлявая рука Фатимы легла на лохмотья, прикрывавшие детские тела. Мать смотрела на небо и иссохшими бледными губами шептала слова молитв. А дети молча смотрели на бескровное лицо матери со следами слез, напоминавших мне следы плети.

Когда мы расставались, она сказала:

— Но все-таки Бог милостив к нам, послав на помощь нашего земляка. Да воздаст тебе Всевышний за твои заботы и помощь...

На следующее утро, когда я передавал Фатиме очередное подавание, кто-то неожиданно ударил меня по руке. Хлеб и селедка, вместо детских рук, попали в воду... Надзиратель, выросший передо мною, как из-под земли, брызгая мне в лицо слюной, кричал:

— Кулакам помощь даешь? Интеллигентская твоя душа! Завтра ты пайки не получишь! Другим будет наука...

Я видел потом, как сгорбившаяся мать удалялась от нас. Она шла с детьми вдоль реки и, ярко озаренная утренним солнцем, остановилась над кручей. Дети почему-то хватались за полы ее платья и плакали... Потом сосед мой спросил меня:

— Видел?

Я посмотрел на кручу. Ни матери, ни детей там уже не было...

***

Если в этих рассказах писатель предстает как очевидец периода раскулачивания и доноительства в Осетии, то в мюнхенский период он – общественный деятель, редактор газеты «Кавказский народник» и в определенном смысле политик. Его статьи всегда вызывали интерес на Западе, особенно среди эмигрантских кругов. В качестве примера приведем его последнюю статью, опубликованную в «Информационном бюллетене представительства российских эмигрантов в Америке», № 3 за 1958 г.

УРОКИ ЛИЕНЦА

Не думайте, уважаемый читатель, что я ещё раз хочу повторить то, что за прошедшие года уже сказано и написано о трагедии россиян под Лиенцем. Я как бывший член Кавказского Комитета, созданного беженцами под Лиенцем, считаю, что всей правды о Лиенце ещё не сказано. Это не значит, что в сказанном и написанном о Лиенце нет вообще никакой правды, но воспоминания отдельных свидетелей лиенцской выдачи не раскрывают и не в силах раскрыть главного: кто же всё-таки виновен в этой народной трагедии, кто её подготовил и кто несёт за неё главную ответственность перед историей и нашими народами?

Отвечая на этот вопрос в рамках настоящей заметки, я ограничусь лишь указанием основных данных, способных ответить на него. Прежде всего следует напомнить о так называемых «немецких ошибках». Среди военной немецкой администрации были лица, которые всячески старались покровительствовать бывшим членам коммунистической партии, мотивируя эту свою политику тем, что, мол, бывшие советские администраторы — члены партии, комсомола и прочие вплоть до энкаведистов лучше знают советскую действительность и располагают опытом «работы» — руководства. Нужно подчеркнуть, что и местные руководители освободительной борьбы не возражали против того, чтобы тех, кто честно раскаялся в своих прошлых грехах и хочет стать борцом за свободу своего народа против большевизма, не подвергать излишним репрессиям. Но они категорически отвер-

гали примитивно-утилитарный подход к оценке бывших советских людей и допущения их к руководящей работе. На этой почве бывало немало стычек на местах с немецкими военными администраторами.

Но, к сожалению, верх обычно брали немецкие администраторы. Так, в городе Нальчике (Кабарда) они посадили в качестве бюромайстера партийца — профессора, бежавшего из Ленинграда. Городскую полицию возглавил партиец, подобранный немцами буквально на дороге. Не удивительно, что такие лица вели борьбу не против большевиков, а против антикоммунистов. Нальчикский административный аппарат весь был превращён большевиками в подпольный штаб, который потом, почувствовав угрозу ареста, сбежал. Таких примеров я мог бы привести сотни. Немцы наивно полагали, что они «используют» бывший советский административный аппарат и его руководителей в своих интересах, но на деле советская пятая колонна использовала их самих в своих целях. Советское подполье всё шире разворачивало свою сеть, насаждая «перебежчиков» повсюду — в штабах, на должностях переводчиков, поваров, секретарш, которые занимались всеми видами диверсии, включая провокационные массовые аресты крестьян как «партизан». В селе Чикола (Осетия) «секретарша» коменданта в одну ночь заставила арестовать около 300 крестьян, которых с большим трудом удалось освободить. Советские лазутчики, проникшие в немецкие военные штабы и части, нередко провоцировали конфликты между населением и армией. В селе Сурх-Дигора был ими спровоцирован такой конфликт между немецкими танкистами и сельчанами, который чуть не кончился разгромом села. Охрана военнопленных в лагерях почти полностью находилась в руках «раскаявшихся» энкаведистов, которые жестоко мстили пленным. В Георгиевском лагере (С. Кавказ) был «барак офицеров», который представлял собой отдел НКВД, поставивший немцам «военных добровольцев» — офицеров.

Вполне естественно, что не была органами НКВД упущена и «работа» среди той массы, которая двинулась вместе с отступавшей германской армией с родины. Данные показывают, что ещё в Симферополе, потом и из Белоруссии отправлялись списки беженцев обратно в органы НКВД.

Вот тут уже выступает на сцену роль так называемого сепаратизма в лице тех организаций кавказцев, которые окружали Остминистриум.

Дело в том, что сами городские народы отвергали «представителей» сепаратистов, прибывших на Северный Кавказ с германской армией в качестве «консультантов» и посредников между немцами и местным населением. Выслушав на одном митинге такого «представителя», Северо-Кавказского Комитета, изложившего свою «программу» будущего, горцы заявили немцам, чтобы к ним не посылали больше таких «освободителей». И немцы вынуждены были считаться с мнением народа. Представители «берлинских комитетов», в частности Северо-Кавказского комитета, немцами держались в стороне от народа, редко кому из них удавалось попасть в гости к местному населению («на банкеты»).

Взаимоотношения армии и местного населения регулировало руководство местной освободительной борьбы. Видя это, «сепаратисты» стали на путь «смычки» с советскими элементами, оказавшимися в поле их зрения, и вместе с ними начали, с помощью немецкой военной администрации и связей в Остминистриуме, борьбу против местных антикоммунистов, их организаций и руководства.

Так, во главе беженской массы, которая тоже отвергла сепаратистских «ферреторов», берлинские «комитеты» при помощи Остминистриума стали насаждать угодных им лиц из немцев и советских элементов, приспособившихся к беженцам. В конечном итоге беженцы, в том числе и те, которых посадили в «итальянский мешок», оказались зажатыми в кулаке своих «освободителей». Политическое руководство оказалось у нацистских «либералов» из немцев, военное и административное руководство — в руках советской агентуры — в руках советских лазутчиков, из которых некоторые были милостиво введены даже в состав Северо-Кавказского Комитета и возглавили пропагандистские органы.

Таким образом, ещё до своей встречи с англичанами под Лиепайей, беженцы оказались в руках большевиков, которые, кстати говоря, даже во внутренней жизни беженцев восстановили «классо-

вые» отношения, составили свою «платформу», положив в её основу устав советских кооперативных организаций, уже «назначали» людей на посты в будущем своём «северо-кавказском государстве» и прочее. Одним словом, распоясавшийся энкаведист цинично забавлялся, глумясь над своими жертвами. Была сделана даже попытка «отобрать» полностью у берлинских комитетов их политическое руководство.

Нужно ли говорить о том, что советское руководство беженцами свои действия не ограничивало одними лишь легальными методами борьбы. Почти весь беженский полк, созданный для самоохраны, был передан Тито (Тито Броз Иосип — югославский революционер, руководитель партизанского движения на Балканах, создатель социалистического государства Югославия, лидер югославских коммунистов — Т. В.) в самый опасный для беженцев момент, когда беженцы действительно нуждались в охране. Но дело не только в том, что беженцев оставили без охраны. Среди беженцев действовала так называемая «молодёжная организация» советов, которая связалась с красными, возглавлявшимся неким майором Ивановым в горах. Когда эта подпольная организация была разоблачена в лице одной из своих групп, то разоблачённые стали утверждать, что они «пошли к бадюлиевцам (партизанам — Т. В.), а попали нечаянно к майору Иванову». Некоторых из этих лазутчиков беженцы судили своим судом, но большинство из них суда избежало.

События после капитуляции Германии не давали больше возможности вести в должной мере борьбу против советской пятой колонны среди беженцев. Вслед за капитуляцией немцев было смещено руководство беженцами, но было уже поздно. Сами советские лазутчики стали снимать свои маски и действовать открыто. Один балкарец заявил прямо: «Я герой Советского Союза, был прислан для работы среди беженцев». Сепаратисты тоже открыто заявили англичанам: «Мы ничего общего не имеем с этим народом», — и отделились от беженцев. Их руководители вообще не сочли нужным в столь драматический момент показаться беженцами. Советская пятая колонна подбросила к беженцам свою комсомольскую группу пропагандистов, состоявшую из молодых, красивых, как на подбор,

девушек, которые влезли почти во все беженские шалаши. Вскоре рядом с беженцами, на территории их лагеря, появился лагерь возвращенцев, над которым был поднят советский флаг и откуда доносились советские песни. Остатки дивизии Улагая (С. Г. Улагай, белогвардейский генерал-лейтенант — В. Т.) были обезоружены этими девушками и перешли в советский лагерь. Руководители и члены «молодёжной организации», которая состояла отнюдь не из одной молодёжи, начали готовиться к тому, чтобы любыми средствами заставить беженцев вернуться обратно на родину. Руководство освободительной борьбы в свою очередь готовилось силой преодолеть препятствия и вывести всех беженцев в свободный мир.

Но даже в этом антикоммунистическом руководстве снова выявились «разногласия», разжигавшиеся сепаратистскими элементами, которые «заседали» с главарями советской агентуры в правлении беженцев и пытались сыграть на том, что новое, избранное вместо отстранённого руководство беженцами, называвшееся Кавказским Комитетом беженцев, приняло в свой состав одного из членов Северо-Кавказского комитета (берлинского) — генерала Хан-Келея-Герейя. На одном из первых же заседаний Кавказского Комитета, на котором обсуждался проект обращения к союзным англо-американским правительствам, этот генерал Хан-Келей-Герей предложил назвать Кавказский Комитет Северо-Кавказским, но это предложение встретило такой взрыв негодования среди остальных, что генерал поспешил отмежеваться от «Северо-Кавказского комитета». После этого на приёме в английском штабе генерал пытался получить единоличное назначение руководителем беженцев, состоявших из различных народных групп общей численностью около 10 тыс.

Всё это заставило расколоться Кавказский Комитет беженцев, от которого отошёл и полковник Улагай. На квартире у полковника Улагая было созвано экстренное заседание отошедшего от генерала большинства членов Кавказского Комитета и было решено немедленно же войти в контакт с казаками, что и было осуществлено.

Но не дремало и советское «руководство» среди беженцев. Ещё в Италии оно проявило свою активность с оружием в руках. Так, перед

отходом беженцев из Италии на штаб был совершён налёт «бадолиевцев» (партизан), но их самих обезоружили. Тогда выступила северокавказская вооружённая пятая колонна, она попыталась прервать связь между казаками и горцами, выставив в момент отхода беженцев заслон в ущелье. Во время этой стычки казаки (конница) обошли советскую засаду с тыла, разгромили её и взяли 8 человек в плен.

Эти обстоятельства предотвратили дальнейшее нападение на беженцев, которые готовились партизанами. Но в момент выдачи под Лиенцем «молодёжная организация» советов снова пыталась действовать вооружённой силой, чтобы не дать беженцам возможности уйти из лагеря. Среди беженцев советская пропаганда пустила слух, что англичане ловят всех бегущих и расправляются с ними.

Однако после все увидели, что английские солдаты сами содействовали уходу беженцев в леса, на север. Это обстоятельство не снимает ответственности с английского руководства за трагедию беженцев, но валить всю вину за «Лиенцскую трагедию» только на союзников — англо-американцев — это значит исказить действительность. Ялтинское и Потсдамское соглашения оправдать невозможно, но они выносились не по инициативе западных держав.

В заключение следует со всей силой подчеркнуть, что и теперь, спустя 12 лет после Лиенца, беженцы готовы встретить новые «лиенцы».

Имеются достаточные основания сказать, что часть «молодёжной организации» ушла из-под Лиенца с беженцами и продолжает свою предательскую, подрывную «работу». Условия для этого у неё теперь не менее благоприятные, чем при немцах.

Освободительные силы наших народов за рубежом после лиенцкого удара ослабли весьма заметно. Никогда, за всю свою историю, таких потерь они ещё не несли, как под Лиенцем и последовавшим за этим периодом. Дело не только в выдаче беженцев под Лиенцем. Не менее тяжёлым ударом по освободительным силам Кавказа явилась выдача на севере Европы вооружённых частей — легионов. И в этом деле сепаратисты сыграли свою роль. Кто интересуется подробными данными о Лиенце и о «работе» советской пятой ко-

лонны среди кавказской эмиграции, могут найти их в моей брошюре, выпущенной «Фондом имени Коста». В ней приводятся данные о той «работе», которую среди эмиграции вплоть до настоящего времени ведёт кавказская пятая колонна после Лиенца.

История для нас не самоцель. Уроки Лиенца должны вооружить нас, участников освободительной борьбы, для дальнейшей борьбы против коммунизма и его зарубежных пятых колонн.

***

Статья сопровождается некрологом: «Смерть вырвала из рядов активных большевиков стойкого бойца и талантливого журналиста — профессора Агубе Кубати. В ночь с 25-го мая с.г. от излияния крови в области желудка он скоропостижно скончался в больнице г. Мюнхена в Германии. Осетинская эмиграция скорбит о незабываемой утрате своего соратника, и мы русские антибольшевики ото всей души присоединяемся к этой траурной скорби. Агубе Кубати — редактор газеты «Кавказский демократ» являлся также и нашим постоянным сотрудником. В этом номере Бюллетеня мы печатаем его посмертную статью “Уроки Лиенца”».

Материалы, опубликованные в Америке и Европе, приведены не для того, чтобы очернить чье-то светлое имя. Мы всего лишь даем некую литературную пищу для будущих исследователей-осетиноведов, литераторов и просто любителей истории.

P.S. Автору удалось уговорить руководство РГАЛИ допустить меня к «запретной папке», в силу того, что данный засекреченный период заканчивался только в 2062 году, что никак не увязывается с моими жизненными планами. Итак, папка открывается впервые...

Наверное, читатель ждет каких-либо открытий о немецком периоде? Нет, отнюдь. Расскажу коротко о главном. Обстоятельный рассказ оставим будущему исследователю творчества Кубатиева.

Наше внимание привлекло письмо Агубекира от 20 июля 1938 г. на имя И. В. Сталина, в котором он изливает душу и откровенно описывает свой непростой путь в литературу советской эпохи, когда

так называемая классовая борьба в среде осетинских творческих деятелей возымела чудовищный окрас. Как известно, в тридцатые годы никто не был застрахован от «визита черного воронка», после чего люди отправлялись в лагеря или пропадали вовсе. Писательские круги Осетии, дабы не оказаться в «нежелательных» списках, порой превосходили самих себя в огульных обвинениях друг друга во «вредительстве, троцкизме, никчемности...». Так, по утверждениям Тазе Бесаева, Татари Епхиева, Кубатиев «занимал вместе с врагами руководящие посты в периодической печати Сев. Осетии... а также «будто вместе с троцкистом Фарнионом прибрал к своим рукам Юго-Осетинский журнала “Фидиуаг”». Так называемые «сигналы» — критические выступления в печати, подавал и сам Кубатиев, обвиняя «в национализме Шамиля Абаева, Гино Баракова, Александра Тибилова и др. врагов». В письме Сталину также отмечаются публикации руководителя Союза Писателей Южной Осетии в 1922–23 гг. Харитона Плиева в «защиту троцкиста Фарниона». Встречаются и другие фамилии литераторов. Оставим столь щепетильную тему для будущего исследователя осетинской журналистики и литературы 1920-х гг.

Есть в этой и других папках и информация о том, что Кубатиев не погиб в 1942 году, а перешел к немцам, о том, что в 1947 году было принято решение остановить выплату соответствующей пенсии супруге Агубекира. Лишь в 1987 году закончилось расследование по существу данного вопроса.

В конце подчеркнем, что точку в затронутой теме ставить рано, а значит, можно надеяться, что кто-то из исследователей скрупулезно изучит самый спорный период развития Осетии. Возможно, поправят нас, чему мы будем только безмерно рады.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Болаев А.Б. Голос из прошлого: Пьесы, стихи, публицистика, письма, док. / Агубекир Болаев.— Владикавказ, 1998.
2. Южная Осетия в то время становилось не раз местом спасения творческих людей Северной Осетии, попавших под жернова доносительства и претензий со стороны НКВД. Можно вспомнить и судьбу ученика Ильи Репина Мухарбека Сафаровича Туганова, народного художника СОАССР, заслуженного деятеля искусств ГССР. Он родился в 1881-м году в интеллигентной дворянской семье. Дед — знаменитый

генерал Асланбек Туганов, который в возрасте четырех лет был отдан в аманаты русскому полковнику, служил в Кабардинском полку, охранял императора, участвовал в Кавказской войне. Отец Махарбека был агрономом, получившим образование в Боннском университете, мать — дочерью этнографа Гацыра Шанаева, первого в Осетии собирателя народных сказаний о нартах. В 1900 году Махарбек едет в Петербург для поступления в Горный институт, но не набирает баллов и на следующий год поступает в Академию художеств (в ее стенах он второй осетин после Хетагурова). Не закончив Академии, он в 1903-м едет в Мюнхен к педагогу Антону Ашбе, чтобы отойти от школы реализма к импрессионизму. Через год после его смерти, в 1907-м, возвращается на родину и организует первую во Владикавказе художественную студию. Так вот, приехав в Южную Осетию в 1937 году, он создает художественное училище, организует Союз художников республики, открывает художественную картинную галерею при Музее краеведения, работает главным художником Юго-Осетинского государственного драматического театра.

3. См. личный архив А. Коцоева в СОИГСИ.— Л. 32.
4. Кусов Г. Драма о народном герое / Г. Кусов, В. Айларов.— <http://ossetia.news/article/drama-o-narodnom-geroe/> (дата обращения 25.03.23 г.).
5. Кабалевский Д. Б. Наказ сыну: Для меццо-сопрано с ф.-п. Ор 33, № 1. Слова Агубекира Кубатиева / Д. Б. Кабалевский.— М.; Л: Музгиз, 1941.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ ВГУ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

О ПРЕДМЕТНО-ОБЪЕКТНОМ ПОЛЕ И СТРУКТУРЕ ЖУРНАЛИСТИКОВЕДЕНИЯ

Признавая в качестве главных критериев научно-образовательной школы инфраструктурный, производственно-творческий и проблемно-тематический, констатируем: Воронежская научно-образовательная школа¹ журналистики, ведущая свою историю с конца 1950-х гг., соответствует всем названным и другим выделяемым основаниям [1, 2]. Ведь действительно: налицо многолетняя подготовка журналистов силами устойчивого профессионального коллектива педагогов, ведомого известными учеными, проводящими научные и научно-методические исследования, а также создающими учебно-методическую базу в виде учебников, учебных пособий и программ, предназначенных для обучения значительного контингента студентов на всех уровнях (специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура) и в различных формах (очное, заочное) высшего университетского образования.

Прежде чем представить научную деятельность воронежских ученых, остановимся на развернувшейся в последние годы дискуссии относительно предметно-объектного поля и структуры журналистиковедения. Поводом для нее стало опубликованное мнение,

---

¹ Понятия «научно-образовательная школа» и «научно-педагогическая школа» синонимичны, но автор предпочитает первый по причине трактовки образования как универсального процесса: например, медиаобразование может включать в себя не только профессиональное, но и массовое журналистское обучение, чем также уже более 30 лет активно занимаются воронежские ученые и педагоги.

что «за долгие годы исследований в области журналистики ученые так и не смогли выработать единое определение науки и достичь понимания ее предмета» [3]. Автор, придерживающийся противоположной точки зрения и считающий, что онтологическое поле теории журналистики давно сформировано и что анализ различных подходов к определению нашей науки [4, 5, 6, 7] дает основание сформулировать вполне адекватную дефиницию, выступил в свое время со статьей [8], в которой доказательно утверждает, что хотя категориальный и понятийный аппарат все еще уточняется [9] (это связано с многофакторностью объекта исследования — постоянно обновляемой журналистики), методы и формы исследования, исследовательский инструментарий журналистиковедения давно описаны и успешно применяются.

Но проблема ошутима, и она заключается в том, что теоретик журналистики имеет дело с трудно уловимыми «материями» — *социальной психологией* (обыденно-практический уровень) и *идеологией* (научно-теоретический уровень), а главное, со специфическим родом общественного сознания — *массовым сознанием*, которое составляют идеи, суждения, представления, иллюзии, чувства, настроения и т. п. То есть объективная сложность исследований связана с тем, что ученые постигают и описывают не статичные, а продолжающиеся и порой непредсказуемые процессы: например, общественное мнение под влиянием СМИ может мгновенно измениться. Еще один важный момент: журналистиковед имеет дело с социальными объектами, с обществом (героями, аудиторией), где действуют субъекты — люди, наделенные сознанием, морально-этическими установками. При этом и сам исследователь, призванный к объективности, будучи членом общества, не может не испытывать влияния на его позицию и оценки окружающего социума, общепринятых и личностных ценностных ориентаций.

Таким образом, теория журналистики, в отличие от наук естественно-научного направления, где субъект познания имеет дело с относительно «чистыми» объектами, опирается на социальное познание, и у нее свой самый сложный объект исследования — сущность

многофакторного и текучего процесса функционирования постоянно обновляемой социальной информации. Она планомерно и систематически фиксирует процесс отражения медиапрактиками фактов текущей действительности, отмечая тенденции, выявляя закономерности и порождая новое знание, истинность которого логически обосновывается. При этом важны как *эмпирические*, ориентированные на явления, так и *теоретические исследования*, ориентированные на сущность. В первом случае ученые отдают предпочтение таким методам исследования, как наблюдение, эксперимент, во втором — системному подходу, идеализации и т. п. «Эмпирики» нацелены на конкретные факты, классификации, эмпирические закономерности, «теоретики» — на законы, раскрытие существенных связей и теории. Например, сегодня, с вступлением в «эпоху компьютеров и интернета», мы должны пережить этап обобщения и классификации эмпирических фактов, связанных с освоением новых жанровых форм, которые диктует конвергентный подход.

Спорным также является утверждение, что интердисциплинарный характер отечественной теории журналистики лишь декларируется. В качестве доказательства его реального существования достаточно перечислить, например, такие реально существующие и развивающиеся научные направления, как *история журналистики* [10, 11, 12, 13, 14, 15], *психология журналистики* [16, 17, 18], *социология журналистики* [19, 20, 21]. В развитии перечисленных и других научных направлений активное участие принимали и принимают воронежцы, разрабатывая такие важные тематические разделы, как *функциональный стиль массовой коммуникации* [22], *поэтика публицистики* [23, 24, 25, 26], *типология СМИ, медиаэкономика и медиадизайн* [27, 28, 29]. При этом признаем: в теории журналистики есть и лакуны (например, практически не исследована история журналистики XX в.; история журналистики все еще представлена как история журналистики двух столиц), и перекосы (например, учеными практически забыта поэтика публицистики; мало диссертаций и монографий, посвященных проблематике СМИ; важно изучать новые медиа и современные технологии, но нельзя ограничиваться лишь «технологическим» аспектом).

Своеобразным итогом работы, проделанной медиатеоретиками в XX веке, стала книга Е. П. Прохорова «Исследуя журналистику», в которой знаменитый отечественный ученый рассмотрел всю совокупность методологических проблем исследования журналистики. На основе представления о сущности и задачах изучения журналистики и типов исследований он охарактеризовал совокупность используемых методов и методик, а также процесс научного исследования в целом [30].

В заключении данного параграфа подчеркнем следующее: отечественная теория журналистики складывалась на протяжении всего прошлого века, опираясь на мощный историко-филологический ствол. При этом представители московской, ленинградской, свердловской, ростовской, воронежской и других школ развивали различные направления: историческое, социологическое, психологическое, профессионально-творческое, типологическое, экономическое и др., — что благотворно сказалось на теории журналистики в целом.

О ВОРОНЕЖСКОЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Подготовка журналистских кадров в Воронеже началась в конце 1950-х гг., когда было решено группу выпускников историко-филологического факультета ВГУ подготовить для работы в редакциях районных газет Воронежской и Белгородской областей. Для этого студентам был прочитан специальный курс «Газетное дело», включавший в себя сведения по оформлению периодических изданий, по проблематике и жанрам публицистики. Занятия на факультете вели сотрудники областных газет «Коммуна» и «Молодой коммунар», а также представители сектора печати Воронежского обкома КПСС. Официально же подготовка журналистских кадров в ВГУ началась осенью 1961 г., когда по решению Министерства высшего и среднего образования на филологическом факультете было создано заочное отделение журналистики, принявшее первые 25 человек.

Специфика молодого отделения журналистики заключалась в том, что это была единственная творческая специальность в классическом университете, потребовавшая особой организации учебного

процесса. На заочное отделение журналистики принимали в то время только лиц, имеющих двухлетний стаж практической работы или службы в Вооруженных силах. Предпочтение при этом отдавалось штатным сотрудникам СМИ. Найдена была официальная ниша: подготовка корреспондентов для районных газет Центрально-Черноземного региона, которые испытывали огромный кадровый голод.

В 1967 году была образована кафедра журналистики, по инициативе которой были организованы вечерние занятия для студентов-воронежцев. В 1968 году был произведен первый набор на стационар, состав кафедры укрепился за счет журналистов-практиков. Вовлечению студентов — вчерашних школьников — в творческий процесс способствовало создание проблемных групп, участники которых работали над книгами, посвященными истории ВГУ. Был создан научный кружок по истории местной печати, Музей истории печати Воронежского края. В 1975–88 гг. вышло пять книг, авторами которых были студенты: «Университет в солдатской шинели», «Рожденный революцией», «Была бы Родина», «Интернациональная радуга ВГУ», «Университетская площадь».

В 1974 году кафедру журналистики возглавил профессор Горислав Валентинович Колосов — крупный ученый, один из первопроходцев в изучении прессы в свете теории массовой коммуникации. Руководя отделением журналистики, Г. В. Колосов, во-первых, предложил готовить кадры не только для районных, но и для областных газет, а во-вторых, провозгласил курс на расширение «зоны обслуживания», включив в нее, помимо Черноземья, и регионы Центральной России, Среднего и Нижнего Поволжья.

Со временем заметно увеличилось число студентов-иностранцев, обучающихся на отделении. Если в первые годы (студенты-иностранцы появились в 1968 г.) на каждом курсе было не более 2-3 человек, то в середине семидесятых их число выросло до двадцати человек, преимущественно представлявших развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки.

В 1985 году отделение журналистики было преобразовано в факультет, который в настоящее время представляют три кафедры

(журналистики и литературы; электронных СМИ и речевой коммуникации; связей с общественностью, рекламы и дизайна), четыре направления («Журналистика», «Телевидение», «Реклама и связи с общественностью», «Медиакоммуникации»), одну специальность высшего образования («Военная журналистика») и одну специальность среднего профессионального образования («Реклама»)². Факультет также готовит бакалавров и магистров, ведет обучение в аспирантуре.

В 1990-е гг. проводился набор в учебные группы для лиц, получающих второе высшее образование; более десяти лет реализовывалась программа профессиональной переподготовки «Журналистика» для лиц, имеющих непрофильное высшее образование. В эти же годы факультет развернул целую сеть довузовской профессиональной ориентации школьников: университетские преподаватели вели занятия в гуманитарных классах воронежских школ, на Подготовительных курсах и в Воскресной школе журналистов (позднее была открыта и Школа юных журналистов для школьников 8–10 классов). Действовали также школы дизайна, рекламы, работников пресс-служб, фоторекламы и фотожурналистики — своеобразные курсы переподготовки для рекламистов, пиарменов, дизайнеров, фотохудожников и фоторепортеров, не имеющих специального образования.

В 2000 году факультет возглавил региональное Учебно-методическое объединение Центральной России и Черноземья по журналистике, взяв на себя функции научно- и учебно-методического центра для вновь созданных отделений в Белгородской, Курской, Липецкой, Тамбовской, Орловской и др. областях.

***

Научная деятельность велась с самого открытия отделения журналистики, и уже в конце 1960-х гг. сложились такие ее направления, как *история местной печати* (Г.В. Антюхин), *поэтика публицистики* (М.И. Стюфляева), *функциональный стиль массовой коммуникации* (Б.В. Кривенко). С открытием же аспирантуры в 1974 году проблематика исследований естественным образом расширилась.

---

² Более 15 лет факультет также готовил журналистов в Старооскольском филиале ВГУ.

Научная жизнь на факультете особенно оживилась в начале 1990-х гг.— прежде всего за счет проведения ежегодных научно-практических конференций с обязательным выпуском печатных сборников их материалов. Перечислим лишь некоторые из них: «Новая пресса: проблемы становления и развития», «Изучение истории и практики печати России в условиях демократизации общества», «Пути совершенствования и проблемы эффективности средств массовой информации на современном этапе», «Современные СМИ: истоки, концепции, поэтика», «Российская журналистика: смена приоритетов», «Российская журналистика конца XX столетия: власть прессы или пресс власти?».

В 2004 году майский форум, ставший по статусу международным, получил постоянное название — «Проблемы массовой коммуникации», как и проводимая, также ежегодно, в октябре с 2000 года научно-практическая конференция студентов и аспирантов — «Журналистика, реклама, связи с общественностью: новые подходы». К этим двум конференциям в 2016 году прибавилась журналистская секция на Рождественских образовательных чтениях; с 2020 года в рамках Песковских чтений проводится научно-практическая конференция с международным участием «Журналистика и география» — организуется раз в два года совместно с факультетом географии, геоэкологии и туризма ВГУ.

В 2023 году свой четвертьвековой юбилей будет отмечать Академия наук региональной печати России, которая была образована по инициативе профессора Г. В. Антюхина, известного историка отечественной журналистики — его докторская диссертация, защищенная в 1980 году, называлась «Основные этапы истории и некоторые закономерности развития местной печати России XIX — начала XX веков: на материале Центрально-Черноземного региона».

Первыми членами АН РПР стали доктора наук В. М. Акаткин (ВГУ), Б. И. Есин (МГУ), Г. В. Жирков (СПбГУ), Е. А. Корнилов (РГУ), А. А. Слинко (ВГУ), В. Б. Смирнов (ВолГУ), А. И. Станько (РГУ), Б. Т. Удодов (ВГУ); президентом АН РПР был избран Г. В. Антюхин. В 2001–2003 гг. в состав действительных членов АН РПР вошли Е. В. Ахмадулин (РГУ), Л. Е. Крой-

чик (ВГУ), Ю. В. Лучинский (КубГУ), Р. П. Овсепян (МГУ), В. В. Смирнов (РГУ), Г. М. Соловьев (КубГУ), В. В. Тулупов (ВГУ). После ухода из жизни Г. В. Антюхина президентом АН РПР был избран В. В. Тулупов, вице-президентом — В. Б. Смирнов (в настоящее время вице-президентом является Ю. В. Лучинский).

Задачи общественной организации были очевидны, и их в одном из своих писем уточнил Борис Иванович Есин: «Региональная печать России — такое большое поле для исследования, что надо еще много усилий для освещения полноты картины. Это важно сейчас вдвойне, поскольку региональная печать имеет тенденции к развитию и завоеванию симпатий местного населения, не в пример печати столичной или “центральной”, как говорили раньше» [31].

В мае 2012 года заседание Академии наук региональной печати России было посвящено обсуждению проекта создания «Энциклопедии региональной журналистики России». В 2013 году с целью создания «Энциклопедии воронежской журналистики» при кафедре истории журналистики и литературы факультета журналистики ВГУ была открыта Лаборатория региональной журналистики, выпускающая бюллетени. Продолжается работа по созданию статей как о деятелях местной печати, так и о периодических изданиях, издававшихся на воронежской земле. В конце 2022 года вышел энциклопедический справочник по истории журналистского образования в ВГУ, куда помещены сведения обо всех преподавателях и выпускниках факультета журналистики, иностранных студентах, а также авторах кандидатских и докторских работ, защита которых состоялась на факультете журналистики ВГУ. Руководит лабораторией выпускник факультета журналистики, член Союза российских писателей, директор Издательского дома ВГУ Д. С. Дьяков, который также регулярно выступает с материалами по истории местной печати как в воронежской периодике, так и на российских и зарубежных научных конференциях.

В 2003 году был открыт Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций Д.212.038.18. За 20 лет произошло более 130 защит кандидатских и 15 докторских диссертаций. И если поначалу география защитившихся соискателей ограничивалась областями Центрального

Черноземья и юга России, то затем она заметно расширилась, захватив пространство буквально от Калининграда до Владивостока. Вот география соискателей: Белгород, Волгоград, Воронеж, Елец, Старый Оскол, Калининград, Краснодар, Курск, Москва, Нижний Новгород, Тамбов, Тольятти, Томск, Одесса, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Уфа. Успешно защищаются и иностранные граждане из Бангладеш, Вьетнама, Ирака, Йемена, Палестины, Таджикистана и др.

До 2022 года диссертации защищались по научной специальности 10.01.10 — журналистика, ныне — по научной специальности 5.9.9 — медиакоммуникации и журналистика. Новое название в номенклатуре научных специальностей носит более широкий характер, позволяющий рассматривать как вопросы журналистики, так и рекламы, связей с общественностью, интернет-коммуникаций (изменилась, упростившись, структура паспорта новой научной специальности: в частности направления исследований даны единым списком, который состоит всего из 14 пунктов). Соискателям предоставлена возможность защитить диссертацию по специальности 5.9.9 с последующим получением ученой степени не только филологических или политических наук (как было прежде), но еще и социологических и философских наук.

Здесь следует добавить, что факультет последовательно искал, устанавливал и развивал научные и учебно-методические связи в рамках ближнего (Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Украина) и дальнего (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) зарубежья. Воронежские ученые охотно публиковались в зарубежных научных журналах и сборниках тезисов конференций: *Rocznik prasoznawczy* (Сосновец, Польша), *Slavica* (Дебрецен, Венгрия), «Культура в фокусе научных парадигм», «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (г. Донецк), «Современная культура и образование: история, традиции, новации» (г. Луганск), «Личность художника в культуре» (г. Херсон), «Информационно-образовательные и профессионально-коммуникационные технологии XXI века (г. Одесса) и др. В эти же годы было налажено сотрудничество с Международным комитетом Красного Креста, Европейским Центром журнализма, Свободным Российско-Германским институтом публицистики и др.

В настоящее время тема научно-исследовательской работы факультета звучит так: «Изучение истории, теории и практики функционирования средств массовой коммуникации». Она включает комплекс научных направлений, курируемых шестью секциями трех кафедр: «Журналистика в ряду других социальных институтов и смежных видов деятельности», «Профессиональные стандарты журналистики», «Маркетинг и менеджмент в журналистике», «Медиадизайн», «История отечественной и зарубежной журналистики», «История, теория и практика телевидения и радиовещания», «Правовые и этические нормы в рекламной и СО-деятельности» и др.

В ряде коллективных учебных пособий и монографий выявлялась типология и специфика новых видов коммуникации, модификаций СМИ (электронные версии изданий, сайты и др.), маркетинговые модели выпуска периодических изданий: «Связи с общественностью: базовые понятия» (Воронеж, 2003), «Теория и практика рекламы» (Санкт-Петербург, 2006), «Техника и технология СМИ: печать, телевидение, радио» (Санкт-Петербург, 2006), «Реклама и связи с общественностью: теория и практика» (Воронеж, 2015), «Техника и технология медиадизайна. Электронные СМИ» (Москва, 2019), «Типология прессы: история, теория, практика» (Воронеж, 2019).

Перечислим также некоторые труды, подготовленные в эти годы преподавателями факультета: *Гордеев Ю. А.* Слово и изображение в рекламе — Воронеж, 2001 (в соавторстве); *Дурова О. И.* Эссеизм: вопрошание о смысле.— Воронеж, 2001; *Жолудь Р. В.* Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы.— Воронеж, 2002; *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста.— Санкт-Петербург, 2000; *Новичихина М. Е.* Коммерческая номинация: теория и практика.— Воронеж, 2018; *Сапунов В. И.* Зарубежные информационные агентства.— Санкт-Петербург, 2006; *Тулупов В. В.* Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты.— Воронеж, 2000; его же. Реклама в коммуникационном процессе.— Воронеж, 2003; его же. Дизайн периодических изданий.— Санкт-Петербург, 2006; его же. Техника и технология медиадизайна. Пресса.— Москва, 2018; его же. Техника и технология

СМИ. Бильдредактирование.— Москва, 2019; его же. Уроки журналистики.— Москва, 2019 его же. Основы моделирования в журналистике.— Воронеж, 2020; *Хорольский В. В.* Медийность текстов в средствах массовой коммуникации.— Москва, 2020; *Шестерина А. М.* Психология журналистики.— Воронеж, 2010.

Ученые факультета журналистики ВГУ продолжают выявлять и описывать современные технологии, применяемые в массовых коммуникациях, и прежде всего — моделирование массово-коммуникационной деятельности, целями и задачами которой являются создание социально необходимого информационного продукта; оптимизацию условий для истинно творческой самореализации индивидов (коммуникаторов — журналистов, рекламистов, пиарменов), коллективов (редакций, агентств, пресс-центров), аудитории (совокупности реципиентов); постановку профессионально-этических проблем; процессы преодоления стереотипов, развитие целостного, синергетического образа мышления коммуникаторов и др.

О ПЕРИОДИЧЕСКИХ И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИЗДАНИЯХ

После очередной конференции в ВГУ возникла идея выпуска межфакультетского периодического издания, посвященного проблемам журналистики, литературы, рекламы и паблик рилейшнз. Коллеги из МГУ, СПбГУ, УрГУ, РГУ, ТГУ охотно откликнулись на предложение войти в редколлегию научно-практического альманаха «Акценты», и пошел поток статей, ведь в те годы специализированных изданий по проблемам массовой коммуникации было мало, напечататься в них было непросто. За более чем четверть века вышло около 200 номеров, в которых львиную долю площади занимали публикации о региональной журналистике России. Уже в первом номере альманаха под рубрикой «Типология печати» были опубликованы исследования А. Андреевой и Э. Худяковой (г. Воронеж) «Система периодических изданий Центрального Черноземья», С. Поживилко и В. Рунова (г. Краснодар) «Некоторые особенности СМИ в условиях переходного периода».

К четвертому выпуску определилась редакционная коллегия издания, в которую вошли главный редактор В. Тулупов, а также С. Гостеева, Л. Кройчик, М. Стюфляева (ВГУ), С. Галкин (МГУ), С. Корконосенко (СПбГУ), Е. Корнилов (РГУ), Ю. Мясников (ТГУ) и В. Олешко (УрГУ). В 2001 г. в состав редколлегии пополнил А. Факторович (КубГУ).

С № 3–4–1999 г. изменился подзаголовок альманаха («Новое в массовой коммуникации»), что было связано, в частности, с появлением на факультете журналистики ВГУ двух новых специальностей «Реклама» и «Связи с общественностью», а также курирующей их выпускающей кафедры средств массовой коммуникации и рекламы. Окончательный вид обложка «Акцентов» приобрела в 2002 году, когда в ее анонсной части впервые были обозначены основные тематические направления: журналистика, реклама, паблик рилейшнз, язык, литература, книгоиздание, образование. Помимо традиционных рубрик «Слово редактора», «Теория и практика журналистики», «История отечественной журналистики», «История зарубежной журналистики», «Язык массовой коммуникации», редакция принимала к опубликованию статьи в разделах «Научная школа», «На стыке наук», «Приглашение к дискуссии», «Из архива исследователя», «Типология печати», «Университетская лекция», «Сообщения», «Кто есть кто в журналистском образовании», «Методика преподавания журналистики», «Новые книги», «Конференции, симпозиумы, семинары», «Студенческие опыты» и др.

На основе публикаций рубрики «Слово редактора», которая впервые появилась в 2003 году (№ 1–2) и которая до сих пор открывает номера альманаха, были выпущены две книги [32, 33]. Когда вышел № 50–51, редакция решила подвести предварительные итоги — в передовой статье говорилось, в частности, следующее: «За эти годы более тысячи научных статей, обзоров и сообщений увидело свет в “Акцентах”; наша география — это не только вся университетская Россия, но и вузы ближнего и дальнего зарубежья (Армения, Латвия, Польша, Узбекистан, Украина и др.).

Отметим, что основные параграфы и даже главы многих успешно защищенных докторских и кандидатских диссертаций впервые

были напечатаны в нашем альманахе (Е. В. Ахмадулин, Н. В. Бергер, В. М. Березин, В. В. Богуславская, Ю. Н. Веремеенко, С. Н. Гладышева, Ю. А. Гордеев, А. А. Грабельников, А. Л. Дмитровский, Л. Р. Дускаева, С. С. Ефремова, Р. В. Жолудь, Г. Э. Кучерова, П. Е. Лисаневич, С. М. Логачева, А. А. Кажикин, М. Н. Ким, О. С. Кобзева, О. А. Козлова, А. П. Короченский, М. М. Колесникова, Е. Б. Курганова, Г. Н. Манаенко, В. Д. Мансурова, Б. Я. Мисонжников, В. И. Сапунов, С. И. Сметанина, В. В. Смирнов, Г. М. Соловьев, Е. Г. Сомова, Д. Л. Стровский, В. В. Тулупов, Л. Н. Федотова, Л. Г. Фещенко, Е. А. Цуканов, А. М. Шестерина, Е. С. Щелкунова и др.

Редакция всегда с уважением относилась к позиции каждого автора, принимая к печати в том числе и спорные, новаторские статьи, приглашая к конструктивному диалогу, давая возможность выступить оппонентам.

С каждым годом рос уровень альманаха: достаточно перечислить имена лишь некоторых авторов “Акцентов” — всеми признанных исследователей журналистики, рекламы и паблик рилейшнз: А. И. Аكوпова, Г. В. Антюхина, Г. В. Жиркова, М. М. Ковалевой, Л. Е. Кройчика, С. Г. Корконосенко, Е. А. Корнилова, Б. В. Кривенко, Г. В. Лазутиной, Т. В. Лебедевой, Г. С. Мельник, В. Ф. Олешко, Е. П. Прохорова, Л. Г. Свилич, В. Б. Смирнова, А. И. Станько, М. И. Стюфляевой, А. Л. Факторовича, В. В. Хорольского, С. К. Шайхитдиновой, М. А. Шишкиной, М. В. Шкондина, О. Д. Якимова и др.» [34].

В настоящее время «Акценты» — это одновременно журнал и альманах: с одной стороны, есть четкая — годами апробированная — структура специализированного издания, стабильные периодичность, объем; с другой — это широкая гуманитарная тематика (история, теория и практика журналистики, рекламы, связи с общественностью, книгоиздания, литературы, дизайна, образования), это подборка не только сугубо научных статей, но и материалов практической, в том числе учебно-методической, направленности, а также публицистических и литературно-художественных текстов, имеющих отношение к проблематике журнала или к университетскому сообществу в целом.

Серия «Филология. Журналистика» реферируемого журнала из списка изданий ВАКа «Вестник ВГУ», публикации в которых

необходимы для защиты докторских и кандидатских диссертаций, выходит с 2004 года В печать принимаются статьи от преподавателей, аспирантов, соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, а также от работников информационной сферы и магистрантов.

Факультет журналистики ВГУ выпускает также и продолжающиеся издания.

Это уже 15 выпусков ежегодного сборника *«Современные проблемы журналистской науки»*, включающего научные статьи, посвященные актуальным проблемам истории и теории журналистики и опубликованные в отечественных научных изданиях в течение календарного года.

Это 7 выпусков сборника научных статей об истории журналистики и литературы *«Былое и мы: журналистика и литература в пространстве культуры»*. Первый два тома сборника *«Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры»* были изданы кафедрой истории журналистики и литературы на факультете журналистики ВГУ в 2009 году к 75-летию профессора Л. Е. Кройчика. Основную работу по его подготовке проделал сам юбиляр. В сборнике были опубликованы статьи сотрудников и аспирантов кафедры истории журналистики и литературы, а также материалы участников научных сессий, выступавших с докладами на конференциях факультета. Рубрики сборника: *«Актуальные проблемы теории публицистики»*, *«Перед лицом истории»*, *«Вспоминая былое»*.

В 2016 году выпуск сборника был возобновлен под редакцией доц. С. Н. Гладышевой и осуществляется ежегодно (исключение — 2019 год), сохраняя прежнюю структуру.

Сборник 2022 года посвящен 100-летию Г. В. Колосова и Г. В. Антюхина, основателей факультета журналистики ВГУ.

Это 5 выпусков сборника *«Актуальные проблемы телевидения и радиовещания»*, посвященного теории и практике электронной журналистики (выходит с 2008 года).

Это 22 выпуска сборника научно-методических материалов о журналистском образовании *«УМО-регион»* (выходит с 2000 года). Его ответственным редактором является доцент Е. М. Бебчук, которая,

будучи первым заместителем декана и секретарем научно-методического совета факультета, организовывала открытие всех новых специальностей и специализаций, а затем направлений и профилей бакалавриата, а также магистерских программ, в том числе в 2013 года — направление «Телевидение», в 2016 году — специальность «Военная журналистика», в 2020 году — направление «Медиакоммуникации».

Это 8 выпусков бюллетеня Научной лаборатории региональной журналистики (выходит с 2013 года).

В 2022 году вышел первый номер «Бюллетеня АН РПР», также планируемый как ежегодный, выпускаемый в преддверии общего собрания действительных членов Академии наук региональной печати России.

О МЕДИАПРАКТИКЕ

Профессор С. Г. Корконосенко справедливо отмечает специфику развития теоретико-журналистской мысли в России, происходящей не в научных институтах, а в вузах при «неразрывном единстве с образовательной подготовкой студентов, а следом за тем с профессиональной деятельностью выпускников» [35, с. 197]. Поэтому к обязательному признаку научно-образовательной школы журналистики, на наш взгляд, следует отнести также наличие разветвленной системы учебных СМИ (в ВГУ — газеты «Третий глаз» и «Сорок-А», радио «Навигатор», лаборатория учебного ТВ, городской студенческий интернет-портал «5 сов»), проведение профессиональных конкурсов (фестиваль-конкурс «Жизнь в творческом полете») [36, 37] и профориентационную работу. На факультете журналистики ВГУ в течение 30 лет работает «Воскресная школа журналистики» (для одиннадцатиклассников), более 10 лет — «Школа юного журналиста» (для учащихся 8–10 классов). Проводятся конференции Научного общества учащихся, региональная олимпиада старшеклассников по журналистике в форме телеконкурса «Проходной балл», областной фестиваль школьной и студенческой прессы. Отсюда — значительный контингент слушателей на факультете, на котором ежегодно, включая студентов специальности «Военная журналистика», обучается

более тысячи юношей и девушек на очном и заочном отделениях бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Преподаватели и студенты факультета принимают активное участие в культурной жизни Воронежа и Воронежской области [38]. К примеру, в исследовании культурной среды столицы ЦЧР «Воронежский пульс»; в информационной и организационной поддержке Платоновского фестиваля; в презентации представителей университетского сообщества, журналистов, издателей, поэтов, художников, актеров, архитекторов, фотографов в рамках телевизионной передачи «Встречи на журфаке»; в выпуске альманаха «Университетская площадь»; в проведении медиафестивалей и конкурсов журналистов и др.

О ПРОФЕССИОГРАММАХ В СФЕРЕ ЖУРНАЛИСТИКИ

Подводя итоги, сделаем главный вывод: в России действительно функционируют исторически сложившиеся в процессе совместной работы, устойчивые и развивающиеся на протяжении десятилетий научно-образовательные коллективы. К необходимым слагаемым этого феномена отнесем *традиции, кадры, лидеров*. Когда ведущие ученые, заведующие кафедрами, деканы собирают боеспособные коллективы, увлеченные гуманистической идеей подготовки высококвалифицированных медиаспециалистов, осуществляющие в условиях творческой и дружеской атмосферы педагогическую и научную деятельность на основе общих методологических подходов и принципов.

Очевидно, что научно-педагогическая школа не создается за несколько лет, над ее созданием порой работают несколько поколений: ведь университет — это не только и не столько стены, оборудование и т. п., а прежде всего традиции, создаваемые настоящими педагогами и учеными. Например, в МГУ подготовка журналистов началась в 1947 году, хотя на протяжении всей своей истории данный университет был самым тесным образом связан с российской журналистикой и сыграл особую роль в ее развитии. То же — с Санкт-Петербургским университетом, ведущим свою историю с 1724 года, с Воронежским

госуниверситетом, чья история тесно связана с Юрьевским (Дерптским) университетом, открытым в 1802 году по Указу императора Александра I, а в 1918 году в соответствии с постановлением Большой государственной комиссии «перевезенным» в город Воронеж.

Среди выдающихся пионеров и организаторов журналистского образования назовем Евгения Лазаревича Худякова, Ясена Николаевича Засурского (Москва), Александра Феодосеевича Бережного (Санкт-Петербург), Горислава Валентиновича Колосова (Воронеж), Валентина Андреевича Шандру (Екатеринбург), Евгения Алексеевича Корнилова (Ростов-на-Дону).

Что же касается науки о журналистике, то следует отметить, что она также складывалась на протяжении всего прошлого века, опираясь на мощный историко-филологический ствол. При этом представители московской, ленинградской, свердловской, ростовской, воронежской и других школ развивали различные направления: историческое, социологическое, психологическое, профессионально-творческое, типологическое, экономическое и др. Назвать имена всех тех, кто внёс существенный вклад в отечественное журналистиковедение, также непросто — к названным выше именам следует добавить имена Валентины Григорьевны Березиной, Семена Моисеевича Гуревича, Бориса Ивановича Есина, Александра Васильевича Западова, Владимира Даниловича Пельта, Евгения Павловича Прохорова, Виктории Васильевны Ученовой и многих других, в том числе действующих сегодня ученых.

Ценность существования научно-образовательной школы в том, что это прежде всего гарантия качественной работы факультета журналистики, поддерживающего традиции, главная из которых — сочетание фундаментальных и прикладных подходов как в образовании, так и в науке, а также междисциплинарность журналистского образования и интердисциплинарный характер отечественной теории журналистики, о чем говорилось выше.

Журналистика существует в медиапространстве, неразрывно с ним связана. Поскольку в мире современных медиа происходят стремительные перемены, журналистское образование не может

не меняться, хотя должны быть константы научно-образовательных школ. На наш взгляд, важно сохранить историко-филологический ствол, на который опиралась отечественная теория журналистики, складывавшаяся на протяжении всего прошлого века: ведь национальное своеобразие отечественной теории журналистики связано с национальным своеобразием нашей прессы, которая, с одной стороны, возникла как государственная подцензурная деятельность, а с другой стороны — получила развитие в эпоху «персонального журнализма» и «художественной публицистики». В истории российской журналистики среди редакторов, памфлетистов, очеркистов, репортеров значатся имена лучших отечественных писателей. Особая журналистика сформировала особую аудиторию «самой читающей страны». К сожалению, это качество утрачивается (и не только у нас, но и во всем мире), тем сложнее, но и благороднее становится задача — способствовать развитию качественной журналистики, а значит, прогрессу общества.

На перемены, конечно, важно реагировать, и для этого существуют ежегодные научно-практические конференции на всех ведущих факультетах журналистики страны. Постоянно уточняются ГОСты. Хотя это-то как раз неправильно — уточняться, совершенствоваться должны учебные планы, и прежде всего в той части, которая должна отражать современные реалии. А гарантом того, что при реформировании не будет «с водой выплеснут ребенок», как раз и является наличие научно-педагогических школ.

Можно предположить, что традиции ограничивают и тормозят новые тренды в развитии журналистского образования. Думается, если традиции настоящие, они же продуктивные, то они в состоянии обогатить педагогический процесс. Да, научно-технический прогресс создает новые реалии. Но, например, следует все же различать понятия «средства массовой информации» и «средства массовой коммуникации» — «медиа», с одной стороны, шире журналистики, с другой — отражают скорее технологический аспект информационных процессов. Отдавая дань технике и технологии средств массовой коммуникации, важно помнить, что «в начале было Слово», и аудитория

ждет от журналистов глубокого анализа текущей действительности, хотя и облеченного в современные формы. Но формируемые и передаваемые смыслы и идеи остаются на первом месте.

Сегодня очевидны прагматические тенденции в образовании, упор на практические профессиональные компетенции, на ремесло, на потребности медиарынка. Прагматика в деятельности журналиста крайне важна, поскольку это более социальная, нежели филологическая профессия³. Конечно, и у нас главным инструментом остается слово, но если литературовед применяет его для интерпретации художественных произведений («информационного продукта»), то преподаватель журналистики нацеливает студента на создание своей — оригинальной — информации, представленной в виде новостного, аналитического или художественно-публицистического жанра. Особенности журналистского труда позволяют рассматривать данную профессию с творческой, технологической и экономической точек зрения: в первом случае важны такие качества субъекта деятельности, как призвание и талант, во втором — прагматизм и предприимчивость.

Творческая природа журналистской деятельности проявляется на всех ее этапах — при поиске актуальной темы и вычленении проблемы, при сборе фактического материала и создании медиапосланий. Экономический и технологический факторы проявляются, с одной стороны, в рассмотрении профессии как средства получения дохода «для поддержания существования человека», возможности добиться общественного успеха, карьерного роста; с другой — возможности проявить в работе с информацией универсализм, супероперативность, мобильность и т. д. и т. п.

Для любой профессии, а для журналистской тем более, важны прежде всего моральные ценности, а затем уже ценности компетенции.

---

³ *В связи с тем, что в последнее время границы профессии журналиста последовательно размываются, сформулируем ее рабочее определение: это — специализированная и институционализированная индивидуально-коллективная и производственно-творческая деятельность по выполнению работ, связанных с поиском, обработкой и трансляцией информации в виде публицистических произведений.*

И, думается, следует говорить о ценностях конкретной журналистики. В нашем случае — о российской журналистике, учитывающей менталитет как самих журналистов, так и аудитории, а также традиции отечественной журналистики, которая имеет глубокие корни в книжности (письменная литературная традиция). Наш журналист всегда был литератором, и наш читатель, слушатель, зритель был настроен на такую информацию от СМИ. Известно мнение М. Маклюена: «Русский и европейский газетчик, в отличие от американского, литератор. Парадоксально, но в письменной Америке пресса имеет интенсивно устный характер, в то время как в устной России и в Европе — строго литературную природу» [39].

«Верховные» предпочтения, определяющие профессиональные качества, конечные, базовые ценности можно обозначить либо абстрактно (стремление к свободе, искания смысла жизни и т. п.), либо достаточно конкретно (честность, аккуратность и т. п.). При определении составляющих профессионализма рассматриваются ценности, определяющие поведение и действия субъекта, имеющие отношение как к морали (ответственный и т. п. работник), так и к компетенции (логичный, здравый). Но заметим, что дальновидный редактор качественного издания, принимая на работу молодого специалиста, оценивает прежде всего его мировоззренческие установки, считая, что совершенствование профессиональных навыков будет происходить непосредственно в редакции в процессе выпуска СМИ.

В этом смысле можно сравнить профионограммы журналиста и преподавателя журналистики, используя ряд критериев⁴ в сравнительной таблице (табл. 1).

---

⁴ *Мнение о том, что человек, проявивший себя как высокий профессионал в журналистике, сможет так же успешно передавать свои умения ученикам, на практике нередко не подтверждается. То есть недостаточно владеть комплексом теоретических знаний и навыков, приобретенных в ходе специальной подготовки в вузе и зафиксированных во вкладыше диплома специалиста, бакалавра или магистра, недостаточно даже богатого практического опыта редакционной работы, необходимо еще приобрести ряд педагогических компетенций, а главное — иметь призвание наставника и воспитателя.*

Таблица 1. Профессиограммы журналиста
и преподавателя журналистики

№ п/п	Критерии	Журналист	Преподаватель журналистики
1.		Отражение событийной картины мира, объективный анализ социальных проблем, способствующих их разрешению.	Подготовка сотрудников печатных изданий и электронных СМИ.
2.		Связаны с тематико-проблемными интересами журналиста, а также с типом СМИ и спецификой отдела редакции данного СМИ.	Связаны с научно-педагогическими интересами преподавателя и спецификой кафедры.
3.		Сбор информации, анализ и интерпретация (оценка) значимых событий в различных сферах жизни общества; изложение, литературная обработка материалов с учетом требований жанра и стиля; подготовка материалов и публикация в СМИ.	Подготовка материалов для лекций, семинаров, практических, лабораторных занятий и их проведение; индивидуальные и коллективные научные исследования; повышение методической квалификации; воспитательная работа.
4.		Работа в офисе, дома, на месте событий (командировки); достаточно свободный график работы, нерегламентированный рабочий день; постоянное устное и письменное коммуницирование; использование компьютерной техники, мобильных средств связи.	Работа в аудиториях вуза и дома (дистанционное обучение); график работы по расписанию; постоянное устное и письменное коммуницирование; использование компьютерной техники, мобильных средств связи.
5.		Соответствие качества публикаций профессиональным и этическим стандартам; реакция аудитории, властных и бизнес-структур; тиражи и рейтинги СМИ.	Соответствие преподавания требованиям ФГОС; успехи и реакция обучающихся; показатели эффективного контракта.

6.		История, теория и практика журналистики. Профессиональные и этические стандарты. Законодательство о СМИ. Компьютерные технологии.	Педагогика и психология высшей школы. История, теория и практика журналистики. Профессиональные и этические стандарты. Законодательство о СМИ. Компьютерные технологии.
7.		Коммуникационное мастерство (умение налаживать контакты с целью получения информации); мастерство исследователя (умение выделять наиболее значимые факты и события; умение проводить конкретно-социологические исследования, а также анализировать данные мониторинга реакции аудитории); литературное мастерство (умение создавать эффективные тексты); мастерство ратора; владение компьютерными технологиями.	Информационные, мобилизационные, развивающие, ориентационные педагогические умения: коммуникационное мастерство и мастерство ратора (эффективная передача знаний студентам; внеаудиторное общение); мастерство исследователя (подготовка научных статей и монографий, участие в научно-практических конференциях); владение компьютерными технологиями.
8.		Широкий кругозор, эрудиция, общительность, креативность.	Широкий кругозор, эрудиция, интеллигентность, артистизм, общительность, креативность.
9.		Высокая общая культура, способность воспринимать и перерабатывать большие объемы информации, коммуникабельность, активность, настойчивость в достижении цели, наблюдательность, прекрасная память, внимание, развитость аналитического и образного мышления, креативность, принципиальность, выносливость (физическая и моральная).	Высокая общая культура, способность воспринимать и перерабатывать большие объемы информации, коммуникабельность, стрессоустойчивость, активность, вежливость, тактичность, настойчивость в достижении цели, наблюдательность, прекрасная память, внимание, развитость аналитического и образного мышления, креативность, принципиальность, выносливость (физическая и моральная).

10.		Некоммуникабельность, невнимательность, замкнутость, неумение излагать мысли на бумаге и в эфире, ригидность мышления (неспособность изменять решения в условиях меняющихся требований окружающей среды), не умение оперативно работать.	Незнание журналистской практики, неумение владеть аудиторией, неспособность проводить научные исследования, некоммуникабельность.
11.		Заболевания, ограничивающие двигательную активность, восприятие, познавательную активность, способность установления эффективных межличностных коммуникаций, а также психические и нервные расстройства.	Заболевания, ограничивающие двигательную активность, восприятие, познавательную активность, способность установления эффективных межличностных коммуникаций, а также психические и нервные расстройства.
12.		Пиармен, рекламист, писатель, социолог.	Филолог, историк, психолог, социолог.
13.		Факультеты (бакалавриат, специалитет, магистратура) и школы журналистики.	Факультеты журналистики (магистратура, аспирантура).
14.		СМИ, пресс-центры, пресс-службы в различных организациях	Вузы

1. Различаются цели данных видов деятельности, имеющих непосредственное отношение к СМИ: в первом случае это отражение событийной картины мира, объективный анализ социальных проблем, способствующий их разрешению, во втором — подготовка сотрудников для редакций печатных изданий и электронных СМИ, для пресс-служб и пресс-центров.

2. Специализация и профилизация журналиста связаны прежде всего с его интересом к той или иной тематике и зависят от типа СМИ и специфики отдела редакции, в котором он работает.

3. Исходя из набора функций, различают, например, журналистов-новостейщиков, аналитиков, очеркистов (эссеистов, фельетонистов) и др.

4. Учитывая миссию журналистской профессии, выделяют иной ролевой ряд: журналист-гуманист, журналист-специалист, журналист-художник.

5. Специализация и профилизация преподавателя журналистики связаны с научно-педагогическими интересами человека и спецификой кафедры, на которой он работает (истории журналистики; теории и практики журналистики; стилистики и литературного редактирования и др.), или избранного им научного направления (поэтика публицистики; типология СМИ; медиадизайн и др.).

6. Существенно различаются должностные обязанности журналиста (сбор информации, анализ и интерпретация значимых событий; подготовка публикаций определенного жанра и формата и т. д.) и преподавателя журналистики (чтение лекций, проведение семинаров, практических и лабораторных занятий; научная, методическая и воспитательная работа).

7. Очень важно, чтобы преподаватель имел за плечами стаж определенной редакционной работы — это база, благодаря которой намного успешнее реализуются и общетрудовые педагогические функции (воспитание и обучение студентов в рамках положений ФГОС; помощь и поддержка в социализации молодежи), и специальные функции по передаче обучающимся своих знаний, по планированию своей научно-педагогической деятельности, по стимулированию познавательного интереса студентов, содействию в организации самостоятельной работы, практики и научных исследований и др.

8. Часть умений и навыков в обоих случаях совпадают (коммуникационное мастерство, мастерство исследователя, владение компьютерными технологиями), но, конечно, сохраняется специфика — в условиях, в характере и результатах труда, в критериях эффективности и др.

Всегда приветствуется, если журналист-практик проявляет себя как талантливый педагог, и если преподаватель журналистики сочетает работу в вузе с внештатной работой в СМИ, поскольку такой подход обогащает их как многогранных профессионалов. Тем не менее необходимо четко представлять себе, что журналист и преподаватель

журналистики — две разные, уважаемые обществом профессии, у которых есть свои вершины и свои лидеры; обе важны для сохранения и развития журналистики как вида духовно-практической деятельности и социального института.

При этом журналистское образование в чем-то должно оставаться консервативным. Наука формулирует модели, образование же, опирающееся на практику, наполняет их реальным содержанием, испытывает, отрабатывает их и идёт к новым моделям, формируемым под воздействием меняющихся — внешних, внутренних и субъективных — факторов. Поскольку такие научные методы, как описание, сравнение, изучение истории, эксперимент, активно применяет в своей практической деятельности и медиаспециалист, то включение научного компонента в обучение становится потребностью, особенно на магистерском уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корконосенко С. Г. Научно-образовательные школы и профессиональные идеологии в российской журналистике / С. Г. Корконосенко // *Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.*— М., 2017.— С. 419–420.
2. Хубецова З. Ф. Российские научно-образовательные школы журналистики как часть мирового научного и образовательного процесса / З. Ф. Хубецова // *Вестник СПбГУ. Сер.: Язык и литература.*— 2018.— Т. 15, Вып. 2.— С. 312–326.
3. Коротков А. В. Журналистика как наука: от предметной области к преподаванию / А. В. Коротков, О. А. Шамина // *Вестник МГИМО-Университета.*— 2011.— № 1(16).— URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhurnalistika-kak-nauka-ot-predmetnoy-oblastik-prepodavaniyu> (дата обращения: 29.01.22).
4. Вартанова Е. Л. Теория СМИ. Актуальные вопросы / Е. Л. Вартанова.— М., 2009.
5. Демина И. Н. Синергетика и теория журналистики / И. Н. Демина, М. В. Шкондин // *Вопросы теории и практики журналистики.*— 2016.— Т. 5, № 1.— С. 14–28.
6. Корконосенко С. Г. Основы теории журналистики / С. Г. Корконосенко.— СПб., 2003.
7. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров.— М., 2018.
8. Тулупов В. В. Журналистиковедение: предметно-объектное поле и структура / В. В. Тулупов // *Вопросы журналистики. Научный журнал.*— 2017.— № 1.— С. 35–46.
9. Свитич Л. Г. Миссия журналистики: поле понятий и терминов / Л. Г. Свитич // *Вопросы теории и практики журналистики.*— 2013.— № 3.— URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/3518679/> (дата обращения: 29.01.23).
10. Антюхин Г. В. Очерки истории печати Воронежского края. 1798–1917 / Г. В. Антюхин.— Воронеж, 1973.
11. Бик-Булатов А. Ш. Концептуализация истории отечественной журналистики на современном этапе (методологический аспект) / А. Ш. Бик-Булатов // *Ученые записки Казанского университета.*— 2012.— Т. 154, Кн. 6.— С. 169–179.

12. Ахмадулин Е. В. История отечественной журналистики XX века / Е. В. Ахмадулин, Р. П. Овсепян.— Ростов-на-Дону, 2008.
13. Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917) / Б. И. Есин.— М., 2000.
14. История русской журналистики XVIII — XIX веков / под ред. А. В. Западова.— Л., 1973.
15. История русской журналистики XVIII — XIX веков / под ред. Л. П. Громовой.— СПб., 2003.
16. Богомолова Н. Н. Социальная психология массовой коммуникации / Н. Н. Богомолова.— М., 2008.
17. Олешко В. Ф. Психология журналистики / В. Ф. Олешко.— СПб., 2006.
18. Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина.— М., 2003
19. Фомичева И. Д. Социология СМИ / И. Д. Фомичева.— М., 2007.
20. Социология журналистики / под ред. Е. П. Прохорова.— М., 1981.
21. Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко.— М., 2004.
22. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект / Б. В. Кривенко.— Воронеж, 1993.
23. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Л. Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста.— СПб., 2000.— С. 125–168.
24. Колосов Г. В. Корреспонденция — жанр публицистики / Г. В. Колосов, Л. Е. Кройчик, Э. А. Худякова.— Воронеж, 1987.
25. Стюфляева М. И. Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева.— М., 1982.
26. Стюфляева М. И. Поэтика публицистики / М. И. Стюфляева.— Воронеж, 1975.
27. Типология прессы: история, теория, практика / под ред. В. В. Тулупова.— Воронеж, 2019.
28. Тулупов В. В. Газета: маркетинг, дизайн, реклама / В. В. Тулупов.— Воронеж, 2001.
29. Тулупов В. В. Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты / В. В. Тулупов.— Воронеж, 2000.
30. Прохоров Е. П. Исследуя журналистику / Е. П. Прохоров.— М., 2005.
31. Академия наук региональной печати России: история создания и деятельность в 1998–2022 гг.— URL: <https://an-rpr.ru/history/> (дата обращения 29.01.22).
32. Тулупов В. В. Слово редактора: Сборник статей.— Воронеж, 2009.
33. Тулупов В. В. Наше дело. Из дневника медиакритика.— Воронеж, 2016.
34. Тулупов В. В. Наука и практика: расставляем акценты // Акценты. Новое в массовой коммуникации.— 2004.— № 7–8.— С. 3–4.
35. Корконосенко С. Г. Школы журналистики в России: национальные приоритеты / С. Г. Корконосенко // Стратегические ориентиры развития высшей школы.— М., 2019.— С. 197.
36. Тулупов В. В. О медиафестивалях и конкурсах журналистов, рекламистов и пиарменов / В. В. Тулупов // Акценты. Новое в массовой коммуникации.— Воронеж, 2018.— № 3–4.— С. 3–5.
37. Тулупов В. В. Фестиваль как праздник и учебный метод / В. В. Тулупов // Международная научно-методическая конференция заведующих кафедрами маркетинга, рекламы, связей с общественностью, дизайна и смежных направлений. Сборник материалов.— М., 2018.— С. 193–196.
38. Тулупов В. В. Научно-педагогическая школа журналистики как центр культурного пространства региона / В. В. Тулупов // Медиа в современном мире. Петербургские чтения.— URL: <https://smif.spbu.ru/56-zhurnalistika-kak-institut-kultury-xxi-veka.html> (дата обращения: 29.01.2023).
39. Маклюэн М. Понимание медиа / М. Маклюэн.— М., 2007.— С. 243).

Научное издание

Вопросы отечественной региональной журналистики

Под ред. проф. В. В. Тулупова

Корректоры: Т. П. Коновалова, Е.В. Курасова

Компьютерная верстка: А.С. Сундуков

Подписано в печать 15.05.23. Формат 60x84 1/16

Гарнитура Fira Sans

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п.л. 5,49. Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет

Факультет журналистики

394068, Воронеж, Хользунова, 40-а

Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории

факультета журналистики ВГУ